

Дмитрий Барзук

**ДВЕ
ТОМСКИЕ
ТАЙНЫ**

Исторические повести

Томск—2018

УДК 82-94(571.16)
ББК 84(2Рос=Рус)7-44.2+63.3(2Р53)
Б267

Барчук, Д.В.

Б267 Две томские тайны : исторические повести /
Дмитрий Барчук. — Томск : Изд-во «Печатная ману-
фактура», 2018. — 304 с.

ISBN 978-5-94476-342-6

За четыре века Томск накопил немало тайн. Но только две из них — особой значимости.

Загадочная история старца Фёдора Кузьмича — в прошлом императора Александра I, победившего Наполеона.

И предание о старинном городе Грустина. Истоки предшественницы Томска теряются в глубине тысячелетий.

УДК 82-94(571.16)
ББК 84(2Рос=Рус)7-44.2+63.3(2Р53)

© Д.В. Барчук, 2018
© ООО «Печатная мануфактура»,
макет, 2018

ISBN 978-5-94476-342-6

*ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ
ИМПЕРАТОРА*

Предисловие

История развивается по спирали. Старые конфликты, только в новой обёртке, теперь уже — цифровой.

Извечная мечта европейцев покорить «схизматиков и татар» всегда разбивалась о силу народов России. Нашествие шестисоттысячной армии Наполеона закончилось весельем русских казаков на Елисейских полях в Париже. Вторжение гитлеровцев в 1941 году — взятием берлинского рейхстага в 1945-м.

Александр I — сакральное имя в российской истории. Никому из его предшественников и последователей на троне не удалось так расширить границы империи. Под его командованием российские войска дошли до Парижа. Победитель Наполеона, освободитель Европы, и в то же время — либерал, религиозный мистик. Он не подписал ни одного смертного приговора по политическим мотивам. «Не мне подобает карать», — была его излюбленная фраза.

Создатель Священного Союза наивно полагал, что государства могут строить отношения на основе библейских заповедей, и был жестоко предан западными союзниками и соратниками по оружию. Якобинскую заразу, от которой он спас европейские династии, «благодарные» монархи применили против его страны. Выиграть войну у России на поле брани они не рискнули, зато с развалом её устоев изнутри постарались.

Во главе тайных обществ, готовивших государственный переворот, стояли его бывшие боевые товарищи, кому он вручал за храбрость ордена и золотые шпаги. Карать заговорщиков ему не позволила совесть. Когда все мирские методы борьбы со злом были исчерпаны, царю оставался единственный выход — молиться Богу за спасение России. Так блистательный император Александр Благословенный стал таинственным старцем Фёдором Кузьмичом. В его молитвенном подвиге за 27 лет в сибирской глуши не меньше величия, чем во всех полководческих и дипломатических победах монарха. И молитвы царственного старца Создателем были услышаны. Россия много страдала, но всегда возрождалась с новой силой.

Пролог

Томск. Октябрь 1858 года

Старик задремал и не заметил, как коляска въехала в город. На самой вершине холма тайга неожиданно расступилась, и открылся замечательный вид на необъятную сибирскую ширь.

Нудный осенний дождь, сопровождавший от Мариинска, неожиданно кончился. Из-за туч выглянуло солнце. Оно уже клонилось к закату, но напоследок светило щедро.

Искрящаяся лента реки причудливо изгибалась.

— Пошире Чулыма будет, — произнёс седовласый бородач.

— А как Томь разливается весной! Всю пойму затопляет. Настоящее море! — добавил крепкий мужик в добротном долгополом сюртуке и высоких яловых сапогах, по виду купец.

Пожилой пассажир задумался, опустил голову и долго сидел так неподвижно. Может быть, вспоминал, как двадцать с лишним лет назад он с партией ссыльных по льду в мороз ковылял через эту реку. Разглядывал булыжники на мостовой, по ним звенели кандалы его товарищей. Отсюда начинался печально известный на всю империю Иркутский тракт, по обе стороны устланный могилами ссыльных и каторжан.

Старик попросил возницу остановиться. Больно закололо в груди, а на глаза навернулись слёзы. Позолоченные купола церквей ослепляли в закатном

солнце. Река сверкала, переливаясь серебром. Он шурился, и слёзы текли сильнее в длинную седую бороду.

— Это моё последнее пристанище... В Томске умереть мне надлежит, — окинув ещё раз взором город, лежащий внизу, произнёс отживающий свой век.

— Полноте, Фёдор Кузьмич, — поспешил приободрить его сопровождающий. — Мы с вами ещё и в Москву, и в Киев, и даже в сам Санкт-Петербург поедем. Какие ваши годы!

Старик не стал спорить. Он всё знал наперёд.

Нежданный гость

Маршинская тайга. Март 1855 года

— **О** становись-ка, любезный, — велел ямщику купец второй гильдии Семён Феофанович Хромов и, обратившись к своему пожилому спутнику в сильно поношенной чёрной шинели путейского инженера, добавил: — Где-то здесь его келья. За горкой уже обрыв. Там Чулым. А вот и густой кустарник, про него нам сказывали в Красной Речке. И тропа с дороги свернула. Куда ей вести ещё, как не в келью к старцу?

— А ты не ошибаешься, Хромов? Смотри, как её перемело. Видно, здесь давно уже не ходили.

Старик-путеец говорил как-то чудно, произнося слова по отдельности, нараспев.

— Чему удивляться, Гаврила Степаныч, сейчас же Великий пост. Фёдор Кузьмич всегда так делают. Наберут сухарей на все семь недель и молятся в уединении, чтобы им никто не мешал. Вот и не выходят с заимки. Хотя нынче, мужики в деревне сказывали, нарушил он своё заточение. На панихиду по императору Николаю в церковь пришёл. И откуда только узнал, что государь скончался? Весь молебен отстоял, а потом ещё долго молился в сторонке. Истину говорят, святой человек — Фёдор Кузьмич! — молвил купец, пробираясь по занесённой снегом тропе.

— А ты сам-то, Семён Феофанович, веришь, что это царь? — напрямик спросил Хромова человек в инженерской шинели, стараясь ступать по его следам.

— Царь — не царь, но человек это не простой. Люди сказывают, что это беглый кержацкий патриарх. Но мне сдаётся, что он и есть император Александр Павлович. Уж больно Фёдор Кузьмич на него похож.

— Ладно. Сейчас мы твоего таинственного старца выведем на чистую воду. Я, Феофаньч, с Александром Павловичем Романовым знаком лично. И на войне, и у Сперанского в Сибирском комитете, и у Аракчеева в совете по военным поселениям встречаться доводилось. Только сказки это всё, Хромов. Не могут цари жить хуже ссыльных. Не царское это дело. Про то я тебе и в Томске говорил. И сейчас скажу: нечего было тащиться за пустым вопросом в такую даль. Нос морозить.

— Да не ворчи ты так, Гаврила Степаньч. Всё равно по дороге на мой прииск. Ты же сам хотел посмотреть, как золото добываем. Зря, что ли, я перед полицмейстером за тебя хлопотал? Он бы тебя из Томска не выпустил на целую неделю. Пришли уже. Вон она, старцева заимка! — Хромов показал на деревянную избушку, прилепившуюся к горе у самого обрыва.

Над трубой поднимался слабый дымок.

Хромов постучался, но, не услышав ответа, потянул дверь на себя. Она легко отворилась. Отодвинув висевшую кошму, путники вошли внутрь.

— Бог помощь, хозяин! — сказал купец, закашлявшись.

Печка сильно дымила, и у него перехватило дыхание. Его попугчик с трудом осматривал убранство лачуги. Со свету глаз не сразу привыкает к полумраку. Вечерние сумерки едва проникали в келью через маленькое окошко. И только икона Спасителя, висев-

шая под потолком в красном углу, была освещена еле чадающей лампадкой.

— Здравствуйте, люди добрые, — ответил с лавки ласковый голос.

Путейцу он показался до боли знакомым.

— А кто это с тобой, Семён Феофанович? — спросил поднимающийся со скамьи старец.

Но Хромов ответить не успел, ибо гость сам поспешил представиться:

— Гавриил Степанович Батеньков, политический ссыльный из Томска.

Отшельник вздрогнул и какое-то мгновение находился в сомнении: либо вставать ему с лавки либо снова лечь.

— Вам плохо, Фёдор Кузьмич? — проявил внимание купец.

— Занемог третьего дня. Погода скверная. То оттепель, то мороз. Вот, видать, и прихватило, когда дрова рубил.

— Сколько раз уже говорил вам: хватит себя истязать в глуши, — упрекал Хромов. — Переезжайте жить к нам в Томск. Там хоть доктора есть. Подлечат. А жена и дочь мои как будут рады! Они обе в вас души не чают.

Старец не ответил и пошаркал к столу.

— Кроме чая и сухарей ничего предложить не могу. Я не ждал гостей.

— Не извольте беспокоиться, батюшка Фёдор Кузьмич, — засутился Хромов. — Мы, как солдаты, всё своё носим с собой. Сами вам гостинцев привезли. Вот: свечи, масло для лампадки, спички, соль, сахар, чай, сухари... Моя хозяйка Наталья Андреевна даже кофею положила. Наказала передать вам от её имени. Вы бы хоть рыбки поели, а то совсем отощали.

— Зачем ты меня искушаешь, Хромов? Знаешь же, что рыбу я ем только по праздникам.

Старец подошёл к печке, подкинул в топку дров. Из кадки зачерпнул полный ковш воды и вылил её в закопчённый чугунок.

— На печке вода быстрее закипит, чем в самоваре, — пояснил он и, обратившись к стоящему в дверях путейцу, добавил. — А вы что стоите? В ногах правды нет. Садитесь, подполковник.

Фёдор Кузьмич повернулся в сторону гостя и выпрямился во весь рост. Он стоял подле печки в длинной — ниже колен — холщовой рубахе, перетянутой узким ремешком. Большой палец правой руки он заткнул за пояс, а левую руку прижимал к белой, как снег, бороде.

Батеньков потерял дар речи.

Первым прервал неловкое молчание отшельник.

— За гостинцы хозяйке твоей, Хромов, спасибо. А ты сейчас на прииск или с прииска?

— Туда, — купец показал в сторону Ачинска.

— Значит, через пару дней в обратный путь. Тогда товарища своего оставь пока у меня, а на обратном пути заедешь за ним.

— Но, батюшка Фёдор Кузьмич, Гаврила Степанович хотел посмотреть, как золото добывают.

— Ещё будет время, посмотрит. А вы как считаете, подполковник?

Батеньков утвердительно кивнул.

Хромов был человек тактичный, хотя и крестьянских кровей, понял, что он мешает старикам, которые явно были знакомы в прежней жизни, им хотелось поговорить наедине.

Сославшись на позднее время, он откланялся и, добравшись до саней, приказал ямщику не жалеть

лошадей. Чаю он попил только в Ачинске, на постоянном дворе, где и заночевал, так и не добравшись в тот день до своего прииска.

— Вы? — не веря собственным глазам, прошептал Батеньков.

Старец закрыл за купцом дверь и обернулся к гостю.

— Вот и свиделись, подполковник. Вы удивлены?

Но старый декабрист не ответил. Его глаза налились кровью. Седые патлы оцетинились, как грива у льва перед схваткой. Он сжал кулаки и грозно двинулся на отшельника.

— Что же вы натворили? О Боге вспомнили, грехи замаливаете! Сами не смогли, зато брата на расправу подставили!

Фёдор Кузьмич, не шелохнувшись, смотрел на надвигающегося мстителя и молился.

— Побойся Бога, Гавриил! — только и произнёс он, указывая на иконы.

— Поздно мне о Боге думать, Ваше Величество! Даже ваш любезный братец Николай-вешатель — и тот двадцать лет зря потратил на воспитание во мне христианского смирения. Вы даже не представляете, каково это просидеть полжизни в одиночной камере, света белого не видя. Только чадит одна фитильная лампадка. Но сейчас вы мне ответите за всё: за смерть товарищей, за тюрьму и каторгу, за разграбленную и униженную вашей семьёй страну!

Путейский инженер был ниже ростом, но коренастый и жилистый. К тому же у него было ещё одно неоспоримое преимущество — возраст. Пятнадцать лет разницы — большая фора. Особенно, когда одному — семьдесят семь, а другому — всего шестьдесят два.

Но удар декабриста не достиг цели. Его кулак, нацеленный прямо в переносицу старца, наткнулся на невидимую стену. Человек в чёрной шинели взвыл от боли, не удержал равновесия и упал на вязанку дров, раскидав их по всей келье. Он поднялся, потирая рукой ушибленное колено, и произнёс:

— Что это было?

Сделал ещё один выпад в сторону хозяина. И вновь невидимая броня заслонила старца.

Так повторилось несколько раз. Наконец, Батеньков не выдержал и с диким криком кинулся на старца. Головой сильно ударился о невидимый щит, лишился сознания, обмяк и рухнул на земляной пол.

*Санкт-Петербург. Михайловский замок.
Март 1801 года*

— Что это за пасквиль?! Я вас спрашиваю, сударь! Как ваши глаза смеют читать эту мерзость!

Павел в припадке ярости ворвался в комнату сына и, продолжая сотрясать у него перед носом книжкой, громко визжал.

— Это Вольтер, Ваше Величество, — заплетающимся языком вымолвил растерявшийся Александр.

— А как называется эта якобинская зараза? — неистово вопрошал отец.

— «Б-б-брут»... — кое-как выдавил из себя царевич.

Павел побледнел, хотел сказать ещё что-то обидное в адрес сына, но поперхнулся и выбежал из комнаты.

По лестнице застучали сапоги: император спешил в свои покои.

Он вернулся через четверть часа. Красный, как варёный рак. Бухнул на стол перед сыном тяжёлый фолиант о Петре Великом, заранее раскрытый на нужной странице.

— Чем изучать руководство по убийству императоров, лучше вначале прочтите предостережение заговорщикам. Имеющий глаза да увидит, имеющий уши да услышит. Мир будет в ужасе, когда покатаются по плахе головы прежде дорогих мне людей! — прокричал Павел и снова выбежал вон.

Молодой человек, почти парализованный страхом, склонился над книгой. На развороте описывались суд и пытки над царевичем-наследником Алексеем, на которые обрёл его родной отец — Пётр Первый.

Смеркалось. Чёрные лапы деревьев причудливо переплетались на фоне бледно-синего мартовского неба. Великий князь в одиночестве прогуливался перед ужином по отдалённой аллее Михайловского сада. Неожиданно его нагнал граф Пален*.

— Промедление смерти подобно! — без приветствия выпалил он и протянул наследнику свёрнутые трубкой листы. — Вот, убедитесь сами! Ваш батюшка совсем выжил из ума. Это приказы об аресте вас и вашего брата Константина. Сего дня они подписаны государем. Вашу жену заточат в монастырь. Вместо вас наследником престола нарекут тринадцатилетнего принца Евгения Вюртембергского, племянника вашей матушки, которого царь намеревается женить на вашей сестре Екатерине.

— Этого не может быть, граф! Батюшка никогда не нарушит своего закона о престолонаследии по прямой нисходящей линии, от лица мужского пола к лицу мужского пола, в порядке первородства. Он никогда больше не допустит на трон ни Екатерину, ни Елизавету, никаких случайных правителей, избранных боярами или чернью!

Граф укоризненно покачал головой:

— Как вы наивны, Ваше Высочество. Да поймите же, наконец, не может сумасшедший управлять страной! Войска замучены муштрой. Всего за год он отправил в отставку семь маршалов и три сотни старших офицеров — за ничтожные проступки или просто потому, что они ему не понравились. В девятнадцатом-то веке объявить дворян подлежащими телесным наказаниям! За тусклую пуговицу, за поднятую не в такт ногу — Сибирь! Если так и дальше пойдёт, то в Петербурге не останется ни одного достойного и честного человека. Все будут жить в Сибири. Сегодня приказывает то, что завтра сам же отменит. Всё творит шиворот-навыворот. Порвал отношения с Англией: ему, видите ли, не отдали обещанную Мальту. Любезничает с Буонапарте. Нашёл себе союзника! Это с подачи хитрого француза донские казаки отправлены в Туркестан на погибель. Солдаты ропщут, хлебопашцы обижены, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены. Решайтесь, Ваше Высочество! Сейчас или никогда. Завтра будет поздно! Если вам безразлична ваша собственная судьба, то подумайте хотя бы о ваших близких — жене, брате, матери. Об Отечестве, наконец. Поверьте, оно в смертельной опасности!

Пламенную тираду Александр выслушал в молчании, а когда Пален закончил, взмолился:

— Я всё это знаю, граф. Да, это дурной, неуравновешенный человек. Скверный дипломат и плохой правитель. Но он же — мой отец! Я не могу принять такой грех на душу. Я с этим не смогу жить.

— А какой грех? — удивился Пален. — Ваш батюшка для спасения страны просто должен отречься от престола. Потом его отправят в надёжное место, не причинив ему никакого зла.

— И ни один волос не упадёт с головы моего родителя?
Поклянитесь мне!

И граф нехотя, скороговоркой поклялся.

— В этом случае я согласен принять корону, — решился наследник.

Павел проснулся около полуночи от шума в прихожей. Раздался глухой крик, потом звук падения чего-то тяжёлого. Государь вскочил с постели.

Он успел спрятаться за ширму прежде, чем в спальню ввалились пьяные офицеры. Его убежище легко обнаружил генерал Беннигсен*. Обнаженной шпагой он опрокинул ширму и произнёс:

— Государь, вы арестованы!

— По какому праву вы ворвались в мои покои? А ну-ка вон отсюда, грязные скоты! — взорвался царь.

Заговорщики не ожидали сопротивления и смутились. Но в голосе царя не хватило твёрдости. И они почувствовали, что он испуган.

На ночной столик генерал положил бумагу и, протянув государю перо, сказал:

— Для высшего блага России подпишите. Это акт о вашем отречении от престола.

В рубахе до пят и ночном колпаке плохо сложенный император, с вздёрнутым и приплюснутым носом, огромным ртом и сильно выдающимися скулами, выглядел уродливо и одновременно комично во всполохах свечей, отражающихся на стальных клинках шпаг. Он дрожал от ужаса, но отрицательно замотал головой и закричал:

— Стража! На помощь!

Один из офицеров сделал выпад шпагой. Кровь обогрила царское одеяние. Павел упал, продолжая пронзительно

кричать, потом из последних сил приподнялся с пола. И тогда другой офицер сзади стянул ему шею шарфом и стал душить. Сын Петра Третьего хрипел и отбивался от убийц. И на него набросились остальные заговорщики. Пинали ногами, кололи шпагами и кинжалами. Пока он не превратился в окровавленный мешок мяса.

А граф Пален заблудился в саду. И только когда всё было кончено, и ему сообщили об успехе заговора, он поспешил в комнату наследника.

Александр спал на своей кровати одетый. Граф разбудил его и объявил:

— Ваш батюшка только что скончался от сильнейшего апоплексического удара.

Великий князь расплакался:

— Вы же клялись, граф...

На что Пален жёстко ответил:

— Хватит ребячества! Благополучие миллионов людей зависит от вашей твёрдости. Идите и покажитесь солдатам.

Игры императоров

Батеньков протёр глаза и обнаружил себя лежащим на лавке. Под головой у него была подушка, а сверху его укрывала шинель. В печке мирно потрескивали берёзовые дрова, за окном светился бледный серп луны.

— Очухался, Аника-воин? — послышался ласковый голос. — Не будешь больше бузить? Не отвечай, коль не хочешь. Только у меня есть предложение: давай отложим выяснение отношений до завтра. Дуэль от нас никуда не убежит. А поговорить нам есть о чём.

— Что вы со мной сделали? — прохрипел Батеньков, ощупывая свою грудь.

Убедившись, что нет следа от раны, он ещё раз повторил свой вопрос.

— Не я, ты сам это с собой сотворил. Нельзя набрасываться с кулаками на богомольца. Так даже убить себя можно без всякого оружия. Но ты скоро придёшь в себя, не переживай.

— В Сибири, значит, укрылись. Неужели лучше места не нашли? В Палестине-то грехи замаливать, поди, приятней, чем здесь?

Старец не ответил. Он сидел за столом и смотрел, как хлопья снега падают в лунном свете.

Батеньков почувствовал облегчение и уже искал что-нибудь тяжёлое, чтобы огреть эту сутулую спину.

— Почему ты меня так ненавидишь? — не оборачиваясь, спросил Фёдор Кузьмич.

— А за что вас любить? Вы же всему виной! С Николая, солдафона, что возьмёшь? Бригадный генерал, поставленный вами на царство. Он кроме устава ничего не знал. А вы, Ваше Величество, — человек думающий. С вас и спрос.

— И в чём же моя вина? Что раньше вас, смутьянов, не перевешал? Так полагал, что одумаетесь. Вроде бы люди грамотные.

— Не надо лукавить. Ужель после европейского похода вы не поняли, что нельзя жить по-старому? Что передовое дворянство, вкусившее европейских ценностей, больше не позволит вам править самодержавно. Если бы вы тогда, вернувшись на родину после своего парижского триумфа, отменили крепостное право и приняли Конституцию, то вошли бы в историю, как самый просвещённый русский царь. И сейчас бы у нас была нормальная конституционная монархия. И жили бы не хуже, чем в Англии. И государя почитали бы, как англичане свою королеву Викторию. У вас были все возможности сделать это. Но вы предпочли сбежать и переложили бремя ответственности на абсолютно неподготовленного человека. Потому нет вам прощения. И никогда не замолите вы свой страшный грех перед Россией.

Старец не ответил и спросил гостя:

— Это ты был в плену у французов?

— Да. В сражении под Монмиралем противник захватил нашу батарею. Меня искололи штыками. Лекарь потом насчитал десять ран. Когда враги убивали убитых с поля боя, заметили, что я жив. Надо мной склонился французский капитан и спросил: «Кто такой?» Я ответил, что офицер. И тогда он приказал изрубить меня на куски. Но нагрянули казаки и отбили меня.

— И ты заразился якобинством. И не понял, чем заканчиваются все смуты? На волне народного бунта к власти приходят ещё худшие политики, чем правящая династия. Мало Наполеона? А ведь он был лучшим из лучших. Но взойдя на вершину пирамиды республиканской власти, объявил себя императором. Сколько жизней в Европе унесла Французская революция, её последствия? И это устроили просвещённые французы! А Россия — мужицкая страна. Неужели эти неграмотные мужики способны сознательно исполнять свои гражданские обязанности? Да они будут жалкой игрушкой в руках мерзавцев. Кого вы там готовили в диктаторы? Трубецкого*? Мне Николай рассказывал, как он ползал у него ногах, целовал ботфорты и молил о пощаде.

Батеньков встал со скамьи и гордо заявил:

— Зато другие не ползали! Каховский, Пестель, Рылеев*... Я в том числе. Знаете, что я ответил вашему уважаемому братцу на следствии? «Покушение 14 декабря* — не мятеж, но первый в России опыт революции политической, опыт, почтенный в бытописаниях и в глазах других народов. Чем менее была горсть людей, его предпринявшая, тем славнее для них. Хотя по несоразмерности сил и по недостатку лиц, готовых для подобных дел, глас свободы раздавался не долее нескольких часов, но и то приятно, что он раздавался!»

— И за это ты оказался в одиночной камере? Узнаю Николая. Он никогда не терпел непокорства.

— Ну, положим, не только за это. Ссылать сибиряка в Сибирь, всё равно, что пугать козла капустой. Какое же это было для меня наказание? А вашего братца я взбесил — это точно. Я ему писал письма из каземата. Например, «ежели я скажу, что Николай

Павлович — свинья, — это сильно оскорбит царское величие?»

— Глупец! Чего ты этим добился? Просидел полжизни в одиночке из-за собственной строптивости?

— И горжусь тем, что вам, Романовым, не удалось меня сломать! Я голодал, разучился говорить, но всё равно не встал на колени...

Старый декабрист сорвался с лавки и схватил тяжёлый ковш, чтобы разнести им голову старца. Но вновь какая-то неведомая сила встала меж ними, и ковш, отразившись от незримого панциря, защищавшего Фёдора Кузьмича, обрушился на голову злоумышленника.

*Санкт-Петербург. Зимний дворец.
Апрель 1802 года*

— Русское дворянство — это класс самых невежественных, самых грязных людей. Их ум ограничен...

Граф Строганов* прервал свою пламенную речь на полуслове, ибо дверь отворилась, и в апартаменты государя вошла императрица. Несмотря на некоторую скованность манер, она в этот день выглядела неплохо. Её фарфоровое лицо обрамляли золотистые волосы, а большие голубые глаза, казалось, улыбались. Члены Негласного комитета, как по команде, вскочили со своих мест и застыли в приветственном поклоне. Князь Адам Чарторыйский*, оказавшийся ближе других к императрице, даже умудрился поцеловать ей руку.

— Ох, пожалуйста, простите меня, мой друг, что прервала ваше заседание, — обратилась к мужу Елизавета Алексеевна. — Я полагала, что вы уже закончили. Вы не забыли, что ваша матушка нынче вечером пригласила нас к себе на ужин в Павловское. Я уже готова, ваш брат Константин — тоже. Ждём только вас.

Царь схватился за голову:

— Прошу извинить меня, господа. Но я совсем забыл про этот ужин. Маменька и так обижается, что я, взойдя на трон, стал редко бывать у неё. Поэтому давайте на сегодня прервёмся, а в следующий вторник так же после обеда дослушаем предложения графа по реформе управления страной...

Кочубей, Новосильцев* и Чарторыйский двинулись к двери, пока Строганов собирал в папку разложенные на столе листки.

Царица подошла к мужу и сказала ему тихо:

— Я очень прошу вас, мой друг, поговорите по дороге с Константином. Он становится совсем невыносимым. Я сегодня получила письмо от его жены. Анна ни под каким предлогом не желает возвращаться в Россию. Оказывается, великий князь настолько по-хамски относился к ней, что её терпению пришёл конец. Только представьте: среди ночи вызвал в коридор целую команду трубачей и приказал трубить зорю прямо под её дверь! Бедную Анну чуть не хватил удар. А этот развязный, хамский тон, который он позволяет по отношению ко мне!словно мужик из самых низов общества. Ваша матушка, думаю, пригласила нас за этим.

Константин хотел увильнуть от неприятного разговора с братом, мол, предпочитает тряске в душной карете верховую езду, но Александр настоял, чтобы он сел именно в его экипаж. Царица со своими фрейлинами поехала следом в другой карете.

— Что с вами происходит? — строго спросил император, едва только карета выехала из дворца. — Вы всем дерзите, пьянствуете, общаетесь с продажными девками. На вас жалуются не только придворные, но уже и близкие люди.

Константин уставил взгляд в окно и молчал. Александр тоже. Первым не выдержал младший брат:

— Понятно, жена нажаловалась. Да по мне любая петербургская шлюха — чище, чем принцесса Сакс-Кобургская*. Я не император всероссийский, чтобы терпеть гадину у себя на груди, а всего лишь великий князь, поэтому позвольте мне, Ваше Величество, в моей личной жизни поступать, как мне того хочется, а не как диктуют интересы империи.

Царь сделал вид, что пассаж относительно «гадины на груди» не расслышал, а если и расслышал, то не принял на свой счёт, но лицо у него сделалось сосредоточенным.

— Положим, ваши отношения с женой — это личное. Хотя в императорской семье свои правила на этот счёт. Но почему вы совсем устранились от государственных дел, этого я понять не могу. Помните, как мы мальчишками отлавливали из пруда щук, чтобы они не ели других рыб? Сейчас мы можем и должны сделать то же в обществе людей. Разве не к этому обязывает нас верховная власть? Не этому ли нас когда-то учил мэтр Лагарп*?

И тут великого князя прорвало:

— Это не я, это вы, Ваше Императорское Величество, забыли уроки великого гражданина. Думаете, если убрали с площадей отцовские виселицы, разрешили круглые шляпы и длинные брюки, то хорошо усвоили уроки Фредерика Сезара! Монсеньор учил нас, что все люди рождаются равными, что наследственная власть есть дело чистого случая, что свобода одинакова для всех. Если вы это помните, то должны были, взойдя на престол, первым подготовить указ о Конституции, а вторым — о собственном отречении. Вы же этого не сделали. А только просиживаете штаны со своими потешными реформаторами на Тайном совете, или,

как вы ещё себя гордо именуєте, Комитете общественного спасения, и рассуждаете о свободе, равенстве, братстве, ничего реально не предпринимая.

Молодой царь нахмурился.

— Вы правы по существу, но сильно ошибаетесь относительно способов достижения цели. Важность и масштаб назревших реформ настолько серьёзны, что любая поспешность в государственном переустройстве может больше навредить, чем принести пользы. Поспешать надо медленно, с умом. Не так, как французы...

Константин перебил брата:

— Наполеон, в отличие от вас, проводит настоящие реформы. А вы заключили с англичанами союз против этого великого человека, преобразующего Европу!..

Когда Константин нервничал, он сильно походил на отца. Тот же лихорадочный блеск в глазах, та же торопливая, слишком эмоциональная речь, те же взмахи руками перед лицом собеседника...

После такой беседы в дороге настроение у государя испортилось, аппетит пропал окончательно. За ужином он сидел молчаливый, на материнские вопросы отвечал невпопад, а вскоре сослался на головную боль и уехал. Константин отделался лёгким испугом.

Восточная Пруссия. Июнь 1807 года

Из Тильзита всадники выехали ранним утром. Солнце только вошло на небосклон, но ещё не проснулось до конца, поэтому светило рассеянно и вяло. В перелесках щебетали птицы. Под копытами лошадей в траве сверкали крупные капли ночной росы. Прекрасное время для конной прогулки!

Но король Фридрих-Вильгельм* в седле держался отвратительно, его лошадь то и дело сбивалась с шага,

поэтому и другим наездникам приходилось сдерживать своих коней.

На небольшом хуторе прусский король и его штаб спешили и стали ждать союзников, поскакавших дальше к Неману.

Над рекой клубился густой пар, когда Александр со своей свитой выехал на берег. На блестящей от солнца водной глади чернели два неподвижных плота. Они были застланы коврами, а посередине возвышался походный шатёр с развевающимися над ним французскими и русскими знамёнами, штандартами с литерами «А» и «N». Рядом на якоре стоял плот поменьше с маленькими палатками для свиты императоров.

— Как я завидую вам, Ваше Величество! Вы через считанные минуты встретитесь с величайшим человеком Истории! — как всегда, брякнул невпопад скакавший рядом Константин.

Царь промолчал.

— Если бы эта встреча произошла раньше, сколько жизней было бы сохранено. Двенадцать тысяч наших солдат сложили головы под Аустерлицем, двадцать шесть тысяч мы потеряли под Эйлау и восемнадцать тысяч — под Фридландом. Как хорошо, что вы, наконец, решили прекратить войну. После падения Кёнигсберга нам оставалось только раздать каждому солдату по пистолету, чтобы пустить себе пулю в лоб, всё равно в следующем сражении им суждено было погибнуть. Противостоять военному гению Наполеона бесполезно. И то, что он сейчас, выиграв кампанию, соглашается на мир, говорит о благородстве и величии его души...

Александр не выдержал и одёрнул брата:

— Вы можете хотя бы сейчас помолчать!?

Нервы государя и без того были на пределе. Ему тяжело было решиться на эту встречу. Его самолюбию претило заискивание перед корсиканским чудовищем, выигравшим у него все сражения, но выхода не было. Армия Наполеона уже стояла на границе его империи, а противопоставить дальнейшему продвижению неприятеля ему было нечего. Оставалось только погибнуть или просить униженного мира. А тут ещё этот несносный Константин со своим обожанием Бонапарта!

Французы с противоположного берега увидели царский кортеж. И сразу заревели трубы, затрещали барабаны, извещая о прибытии российского самодержца.

Но победитель не спешил объявляться.

Кони уже несколько часов мирно паслись на пригорке, а всадники, удобно расположившись на травке, наблюдали за оживлением во французском лагере.

Лишь после полудня французские матросы в ярких синих куртках стащили на воду лодку. Наш вельбот уже давно стоял наготове, и местные рыбаки в грязных белых плащах, сидевшие на вёслах, ожидали лишь императорского приказа, чтобы отчалить.

А вот и главный виновник торжества.

Наполеон появился внезапно из прибрежных зарослей в сопровождении четырёх генералов и сразу же сел в приготовленную для него лодку. Александру со своей свитой пришлось поспешить к берегу, чтобы не отстать.

Ровно в час дня раздались два выстрела из пушек, и гребцы с противоположных берегов реки налегли на вёсла. Французы и на этот раз оказались проворнее медлительных русских. Бонапарт первым спрыгнул на плот, и когда причалила лодка Александра, он подал руку царю и помог ему перебраться.

Для своих неполных тридцати восьми Наполеон выглядел хорошо. Холёное лицо и властный взгляд, а округлившийся животик красноречиво свидетельствовал о полноценном, несмотря на походный образ жизни, питании. Он был одет в свой любимый серый мундир гвардейских егерей. Через плечо у него была перекинута лента Почётного легиона, а на голове красовалась знаменитая маленькая шляпа. Молодой царь, не достигший ещё и тридцати, тоже смотрелся прекрасно в мундире Преображенского полка.

В сопровождении брата и четырёх переговорщиков Александр перешёл на малый плот, где их уже поджидали наполеоновские маршалы и генералы. На лицах французов сияли улыбки победителей.

Но стоило царю выпрямиться во весь рост, как Наполеон, едва достигавший его плеча, сразу занервничал и зашпешил в шатёр.

— Я так же, как и вы, ненавижу англичан, — первым заговорил по-французски Александр, поспешая за торопливым коротышкой.

— Что ж, тогда всё может устроиться, — бросил на ходу Наполеон, исчезая в шатре. — Мир Европе обеспечен.

Наполеон первым протянул руки, они обнялись и расцеловались. Православный царь и узурпатор, северный сфинкс и корсиканское чудовище.

Императоры с нескрываемым любопытством разглядывали друг друга. Царь почувствовал, что собеседник воспринимает его как человека доброго и безвольного, и решил не рассеивать этого сладкого заблуждения об истинной природе своего характера.

— Скажите, сир, в чём была моя ошибка в сражении при Аустерлице? — первым спросил царь, дабы растопить

лёд первоначальной холодности и завязать дружескую беседу.

— Охотно, — согласился Наполеон.

Он порылся в походном сундуке и вскоре достал нужную карту.

— Вот, смотрите, — позвал он царя к столу. — Я специально уступил вам Праценские высоты, а десять тысяч своих солдат ночью вывел в болото под ними. В утреннем тумане вы их не заметили. Затем я намеренно ослабил свой правый фланг, и вы клюнули на этот обманный маневр. Вы захотели использовать своё преимущество и разгромить меня справа. Но не хватало сил, и вы ослабили центр, считая, что на этом направлении вам ничто не угрожает. Но когда перед самым вашим носом, будто из-под земли, выросли мои десять тысяч удальцов, армия союзников уже была обречена. И только чудо помогло вам избежать плена.

— Как всё оказывается гениально просто, — покачал головой Александр. — И в каждом сражении вы применяете домашнюю заготовку? Как это удаётся? Ведь противник может не попасться в ваши сети, а, наоборот, расставить свои?

— Обычно правила игры диктую я, — самодовольно сказал Наполеон. — Если мне ещё раз придётся поставить на колени Австрию, то, так и быть, я дам вам покомандовать корпусом под моим началом.

Царь побагровел. Наполеон понял, что перегнул палку, и чтобы сгладить неловкость, раскрыл карту мира:

— Я предлагаю поделить его между нами. Вы не возражаете, Ваше Величество?

И оба монарха, забыв о распрях и обидах, склонились над картой. Ведь ничего нет более захватывающего на этом свете, чем делить мир.

От царя победитель не требовал ни контрибуции, ни территориальных уступок, разве что сушей безделицы — вывести русские полки из Молдавии и Валахии, заключить при содействии Франции мир с османской Портой да отказать от претензий на западноевропейские земли.

— С этих пор Висла должна стать границей между нашими державами! — великодушно заявил царю Наполеон. — Мы поделим мир, как когда-то римляне: на Западную и Восточную империи. Отныне в Западной Европе буду безраздельно править я, а в Восточной Европе и в Азии — вы, Ваше Величество. И никакой Англии!

Кто из монархов отказался бы от такого предложения? Александр не стал исключением. Через два часа общения он был очарован этим искусителем не меньше своего брата Константина. Царь даже набрался смелости и завёл разговор о Константинополе:

— Вековая мечта всех православных монархов — вернуть этот священный город в лоно христианской цивилизации. Как Рим является столицей католического мира, так Константинополь должен стать столицей мира православного.

Наполеон нахмурился. Кому-кому, а такому великому стратегу и честолюбцу, как он, было доподлинно известно, что за высокими фразами о славянском братстве и православном долге скрываются личные притязания на мировое господство, которые он сам несколько минут назад разжёг в душе у царя. Отдать русским Константинополь, чтобы они контролировали проливы, означало бы сделать из северной варварской страны мировую империю. А это никак не входило в его планы. В мире должен быть только один властитель — Наполеон. Но сказать об этом сейчас вошедшему во вкус большой делёжки Европы

варварскому монарху было бы непростительно глупо с его стороны. И он ещё раз польстил молодому честолюбию, пообещав:

— Если Россия присоединится к континентальной блокаде Англии, то, когда мы совместными усилиями заставим этих меркантильных островитян подписать договор на наших условиях, обещаю, что приложу все силы, чтобы ваш брат правил в Константинополе. Ведь не случайно же его назвали Константином, не правда ли?

И, не дождавшись ответа, добавил:

— Исключительно из личного расположения к Вашему Величеству. Что же касается господства Рима в католичестве, то я, напротив, хочу убедить Папу перевести святой престол в Париж. Этот город становится столицей мира. Православные патриархи тоже могли бы наставлять свою паству из Москвы, а не с берегов Босфора. Но это решать вам, Ваше Величество.

Окрылённый Александр готов был обнять Наполеона, но вспомнил ещё об одном, уже чисто рыцарском долге.

— А что будет с Пруссией? — спросил он победителя.

Наполеон ответил:

— Я предлагаю поделить её, так же как и Польшу. Половину — вам, половину — мне.

— Но что же тогда станет с королевской династией?

— Их судьба меня волнует меньше всего. Подлая нация, жалкий король и глупая королева. А что вы так о них печётесь, Ваше Величество? — с ехидцей спросил француз.

Выступивший на щеках царя румянец темпераментный корсиканец счёл подтверждением собственной догадки.

— А, понимаю. По долгам сердца тоже приходится платить. Неужели королева Луиза настолько хороша, что

ради неё вы положили на полях сражений десятки тысяч солдат, а теперь ещё и откажетесь от половины Пруссии?

Александр Павлович продолжал молчать, только щёки у него всё больше краснели от напряженного ожидания.

И Наполеон уступил:

— Только из личного расположения к Вашему Величеству и в знак нашей нерушимой дружбы я оставляю этому жалкому ничтожеству Фридриху-Вильгельму две провинции.

— Пять! — выдавил царь.

Корсиканец рассмеялся:

— А вы не так просты, как кажется, Ваше Величество. Будь по-вашему: Луиза сохранит за собой старую Пруссию, Померанию, Бранденбург и Силезию. Но король дорого заплатит мне за кровь моих солдат! Сумму контрибуции я назову позднее. Пруссия, как и Россия, присоединится к континентальной блокаде Англии. Кроме того, во всех прусских крепостях я оставляю свои гарнизоны.

— Умоляю вас, не унижайте так короля, выведите хотя бы свои войска, — наконец царь заговорил тоном побеждённого.

— Я очень хочу быть приятным Вашему Величеству, но есть вопросы, в которых я не намерен уступать даже вам. Мой вам совет: не ставьте чувства доброго сердца на место, где должен находиться просвещённый ум... Ну... хорошо, хорошо. Я выведу войска из Пруссии, как только позволит обстановка...

По крайней мере, на словах Наполеон обещал выполнить и эту просьбу своего нового друга.

Из шатра они вышли, обнявшись, с торжествующими улыбками на лицах. С обоих берегов Немана их приветствовали криками одобрения выстроившиеся, как на параде,

солдаты, доселе готовые сойтись в кровопролитном сражении, а сейчас счастливые, что завтра им не придётся умирать за своих императоров.

Проект мирного соглашения был парафирован сторонами уже спустя два дня, но новоиспечённых друзей, похоже, настолько тянуло друг к другу, что парады, прохождение войск, приёмы и конные прогулки растянулись ещё почти на две недели. Паролем для часовых были слова: «Наполеон, Франция, отвага», а отзывом: «Александр, Россия, величие».

Константин был на седьмом небе от счастья. Доставшееся ему от отца пристрастие к парадам было удовлетворено с лихвой. Он подружился с французскими генералами, а однажды, набравшись смелости, даже попросил Наполеона «дать ему взаймы» одного из тамбурмажоров.

Несносный зануда, король Фридрих-Вильгельм, следовал за ними по пятам. Властители мира не знали, как от него отделаться. Иногда, вернувшись с конной прогулки, императоры, не сговариваясь, просто расходились в разные стороны, чтобы только избавиться от надоедливого пруссака, а потом встречались вновь за чашкой чая и беседовали до самой полуночи.

В один из вечеров, когда очередное чаепитие закономерно переросло в винопитие, разговор случайно коснулся темы наследственной власти и перерос в настоящий диспут. Парадоксально, но наследный монарх, представитель двухсотлетней династии доказывал, что наследование является злом для верховной власти, а безродный лейтенант, напротив, убеждал, что это — залог покоя и счастья народов...

— Я был очарован вами до глубины своей души, пока вы действовали без всякой личной выгоды, только ради счастья и славы своей родины, оставаясь верным Конституции. Но после установления за вами пожизненного консульства, я усомнился в вашем бескорыстии.

Глаза Наполеона сверкнули и зажглись каким-то сатанинским светом. Он преобразился в единый миг. Вместо расслабленного, ведущего за бокалом доброго вина дружеский диалог собеседника, перед Александром неожиданно возродился из прошлого гражданин первый консул, пламенный революционный трибун.

— Нет, Ваше Величество, я — не убийца революции, я — её кровавое дитя! Это я защитил Директорию от восставшей черни, приказав артиллеристам палить картечью по толпе! И вновь я спас революцию, разогнав жалкую Директорию, разворовывавшую страну! Вы и представить себе не можете, насколько бездарна власть воров и опасна свобода при безвластии! Франция кишела разбойниками. Чтобы проехать по дорогам, надо было заручиться пропусками от главарей банд. Мануфактуры остановились. В больницах люди умирали не от болезней, а от нехватки лекарств. Нация стала равнодушной ко всему, кроме удовольствий столичной жизни. Кто-то должен был прекратить это безумие. Я взял на себя ответственность. Иного пути не было. Я направил в провинцию войска и приказал не брать в плен бандитов. Мои солдаты расстреливали и полицейских, покрывавших бандитов за деньги. Досталось и казнокрадам. Я вызвал к себе самого главного банкира, создавшего целую финансовую империю в период всеобщего воровства и вседозволенности. Он, привыкший ногой открывать двери в кабинеты Директории, посмел опоздать. А потом нагло заявил, что, зная о трудном положении

правительства, он готов сделать Французскому банку несколько предложений. А у меня было только одно предложение: немедленно посадить глупца в тюрьму. И он безоговорочно подписал чек. И делал это потом много раз, пока не вернул наворованное. На людях играть куда проще, чем на флейте, Ваше Величество! Есть всего два маленьких рычажка, которые прекрасно управляют людьми: страх и деньги, точнее — алчность. Надо лишь своевременно нажимать на нужный рычаг... Я дал республике главное — справедливые законы, коих не имела ни одна страна мира. Мой Кодекс я ценю больше, чем все мои победы. В нём собраны воедино плоды великой революции и мысли великих философов. В нём впервые собственность объявлена священной. Запомните, Ваше Величество, в стране, где правит собственность, — правят законы, а там, где правят голодранцы, — правят законы леса. Я уничтожил все излишества революции, но сохранил все её благие дела!

— Но зачем вам понадобился императорский титул? — недоумевал Александр. — Вы были Бонапартом, а стали всего лишь императором. В моих глазах — это понижение.

Наполеон задумался. Уже совсем стемнело. На лугу застрекотала ночная живность. В ближнем перелеске заухала сова. На небе появились мириады звезд. Корсиканец поднял глаза вверх и стал что-то высматривать в этом сверкающем великолепии. Александр не понял поведения собеседника, но тоже посмотрел на небо. И вдруг с небосклона резко сорвалась одинокая звезда и, оставив после себя лишь воспоминание об искрометном секундном полёте, исчезла в бескрайней черноте.

— Вот он, знак судьбы! — по-мальчишески возрадовался Наполеон. — Мать рассказывала мне, что в самый канун моего рождения над нашим домом пролетела комета.

С той поры я верю в свою звезду. Сама судьба хранит меня и направляет на великие свершения. Власть — это удел избранных судьбы. Меня, безродного лейтенанта, короновал сам Папа Римский, приехавший ко мне в Париж. Уставшая Франция хотела новой монархии, оплодотворённой революцией — великими идеями равенства людей перед законом. Как двести лет назад Московия, измученная Смутным временем, призвала на царство вашего предка. Только меня избрали не бояре. Я сам пришёл по велению Судьбы, чтобы основать новую просвещённую династию в одряхлевшей Европе.

— А что если ваш наследник окажется недостойным вашей славы? Ведь такое случается очень часто, когда природа отдыхает на детях гениев. Если он будет походить, скажем, на столь ненавистных вам Бурбонов*... Тогда французам снова придётся устраивать революцию?

К этому вопросу Наполеон, похоже, готов не был. Он задумался:

— Я постараюсь не допустить, чтобы мой сын хоть в чём-то походил на Бурбонов. Но, если честно, я так далеко ещё не загадывал. У меня сейчас столько врагов, успеть бы их одолеть. Чтобы сыну легче было. Через четверть века будет совсем другая Европа, другие вызовы истории, которые, вы правы, придётся решать уже не мне.

Томск. Дом купца Хромова. Февраль 1863 года

— Вот как ответил государь император хитрому корсиканцу! — гость купца, читавший слова Александра Благословенного из диалога в «Русской старине», не сдержал эмоций.

Хромов, кому достались реплики Наполеона, уже собрался было продолжить занятную декламацию, по-

зволявшую скоротать длинный зимний вечер с пользой, но неожиданно из-за стенки раздался громкий, не терпящий возражений, голос:

— Неправда! Этого я ему не говорил!

Звенящая тишина повисла в огромном купеческом доме. Только поленья трещали в печке, да громко тикали старые часы на стене. Журнал выпал из рук хозяина и с гулким эхом шлёпнулся на деревянный пол.

— Я, я... — к гостю не сразу вернулся дар речи. — Я лучше домой пойду. Засиделся у вас. Поздно.

А старец с тяжёлым вздохом повернулся на бок в своей комнатке и вскоре захрапел.

Германия. Эрфурт. Сентябрь 1808 года

У Наполеона проблема с Испанией. Его войска терпят одно поражение за другим. А тут ещё своенравные австрияки в любой момент могут выступить против него. Ему не осилить войну на два фронта. И он хочет убедить своего друга Александра в случае войны с Австрией поддержать Францию. Их нынешние переговоры, в отличие от походных условий Тильзита, проходят в парадных залах и театральных ложах. Наполеон — сама любезность, старается развлечь русского царя, как только может. Вызвал немецких королей, принцев и министров с целым цветником жён и любовниц. Зная слабость русского царя к прекрасному полу, он привёз в Эрфурт даже труппу «Комеди Франсэз»...

— Как вам нравится мадемуазель Жорж, мой друг? Она великолепа, не правда ли? А как кокетлива с вами мадемуазель Дюшенуа. Вы её определенно понравились, Ваше Величество, — шептал на ухо сидевшему в соседнем кресле Александру французский искуситель на спектакле.

— А по мне, лучше мадемуазель Бургонь. Своими пышными формами она напоминает мне русских красавиц, — признался царь и заговорщицки спросил Наполеона: — Как вы думаете, она мне не откажет?

Тот рассмеялся и прошептал:

— Уверен, что нет. Правда, весь Париж вскоре получит подробное описание Вашего Величества с головы до пят...

Официальная же часть переговоров складывалась гораздо хуже. Александр постоянно напоминал Наполеону об обещанном в Тильзите Константинополе и проливах и не хотел подписывать простого письма с угрозами в адрес Австрии, не говоря уже о заключении военного союза.

Поняв, что силовым давлением от царя ничего не добиться, Наполеон сменил тактику. И однажды вечером он завёл такой разговор.

— Беспокойная жизнь меня утомляет. Я нуждаюсь в покое и хочу дожить до момента, когда можно будет отдаться прелестям семейной жизни. Но это счастье, увы, не для меня. Без детей не может быть семьи. А разве я их могу иметь! Моя жена старше меня на десять лет.

И, может быть, тогда он впервые произнёс слово «развод».

— Его предписывает мне судьба. И этого требует спокойствие Франции. У меня нет наследника. Мой брат Жозеф ничего собой не представляет. Я должен основать династию. У вас есть сёстры. Я отдам России Константинополь за руку вашей сестры!

Царь медлил с ответом.

— Если бы дело касалось только меня одного, то я бы охотно дал своё согласие, но этого недостаточно. Моя мать... Сёстры слушаются только её. Я могу лишь попытаться её убедить, — дипломатично высказался Александр.

По возвращении в Петербург он передал предложение Наполеона вдовствующей императрице и услышал категорическое «нет».

— Блестящий мезальянс! Ваша дружба с Наполеоном и так дорого обходится России. Казна пуста. За год участия в английской блокаде рубль обесценился наполовину. Дворянство ропщет. Берегитесь, Ваше Величество, вы можете кончить, как ваш отец. Уже преданные нашей семье придворные задумываются, а не применить ли против вас азиатское лекарство. Даже мне, вашей матери, неприятно обнимать друга Бонапарта. А теперь вы собираетесь отдать на съедение этому минотавру свою родную сестру. Только через мой труп!

— Но, маман. Я говорил с Катрин. Во имя России она согласна на эту жертву, — робко возразил император.

— Я ещё раз повторяю. Пока я жива, никогда Романовы не породнятся с Буонапартэ. Даже если он вам пообещает всю Османскую империю!

Через месяц Екатерина Павловна спешно была выдана замуж за прыщавого германского принца. Царю пришлось назначать его губернатором в Тверь, ведь другого занятия и места жительства у новоявленного родственника просто не было.

Но Наполеон не терял надежды породниться с Романовыми и в конце 1809 года посватался к младшей сестре русского царя Анне. Теперь он предлагал Польшу в обмен на русскую великую княгиню.

— Я очень высоко ценю выгоды от этого союза для своей политики. Но по завещанию Павла I решение должна принять вдовствующая императрица, сестре ведь не исполнилось ещё шестнадцати, — уклончиво ответил царь.

Мария Фёдоровна была вновь непреклонна:

— Для этого человека нет ничего святого. Его ничто не сдерживает. Он даже не верит в Бога!

Обиженный Наполеон подписал брачный контракт в Вене и получил руку дочери императора Франца, эрцгерцогини Марии-Луизы Австрийской.

И отказался отдать России Польшу.

Дорога к храму

Санкт-Петербург. Зимний дворец.

Март 1812 года

Заседание Государственного совета близилось к завершению. Наступало время обеда. Доклад председателя департамента военных дел Аракчеева о подготовке армии к решающей схватке с Наполеоном, казавшейся уже неизбежной, и без того сильно затянулся. Члены совета утомились, стали нервно ёрзать на своих стульях, часто поглядывать в окно на Дворцовую площадь, где их дожидались экипажи. Кое-кто даже откровенно зевал. И главное — все уже изрядно проголодались.

Наконец докладчик откашлялся и умолк. Зал сразу оживился. Зашуршали бумаги. Задвигались стулья. Министры и начальники департаментов уже были готовы подняться со своих мест и устремиться к своим экипажам, которые понесут их — кого домой, на обед в семейном кругу, а кого — и в модный ресторан. Ждали только привычных слов государя: «Заседание на сегодня окончено, господа». Но не тут-то было.

Неожиданно слово взял сидевший по правую руку от царя статс-секретарь, товарищ министра юстиции Сперанский*, возглавлявший комиссию составления законов.

— Прошу ещё несколько минут вашего внимания, господа, — сказал он, поднявшись во весь рост над овальным столом.

Гул недовольства пронёсся по залу. Но Сперанский, казалось, этого не заметил и спокойно продолжил:

— У каждого из вас уже несколько месяцев находится проект Конституции Российской империи. Но его рассмотрение всякий раз под различными предлогами откладывается. Я, как главный разработчик этого документа, вынужден настоять на его подробном рассмотрении на одном из ближайших заседаний Государственного совета.

Присутствующие сразу затихли и устремили взоры на императора. Александр понял, что слово за ним, но ничего не сказал и лишь выразительно посмотрел на Аракчеева*. Генерал кашлянул и, не вставая с места, спросил Сперанского:

— К чему такая спешка, Михаил Михайлович? Мы же не лягушатники какие-то, чтобы революции делать впопыхах, а степенные русские люди. У нас большая страна и косный народ. Чиркнешь спичкой — такой пожар займётся, что потом долго тушить. Особенно сейчас, когда враг стоит у наших ворот...

Статс-секретарь не дал Аракчееву договорить, а принялся в его лице яростно убеждать всех членов Государственного совета, а государя в особенности, в своевременности предлагаемых им реформ:

— Поймите же, любезный Алексей Андреевич, европейские народы потому так легко покоряются Наполеону, что он несёт им гражданские свободы и внятные законы. Если б Бурбоны во Франции в своё время вняли чаяниям третьего сословия, не было бы никакого Наполеона! Пожар революции не придётся гасить вовсе, если заранее провести противопожарные мероприятия.

На помощь охрипшему председателю военного департамента неожиданно пришёл доселе отмалчивавшийся министр полиции Балашов*.

— Ваши предложения относительно разделения властей, господин статс-секретарь, не лишены смысла. Я с вами согласен, что государю удобно спрашивать за исполнение собственных указов с министерств, а за соблюдение законности — с Сената. Но ваша идея, чтобы законодательная роль от государя императора перешла к какой-то непонятной Государственной думе, по меньшей мере, не патриотична, а для империи — просто вредна. Нас в Государственном совете всего-то 35 человек, лучших представителей дворянства, и то мы тяжело принимаем решения. А вы предлагаете принятие законов отдать Думе, где будут заседать выборщики от различных сословий. Кухарки и дворники никогда не смогут управлять государством. В России тогда установится власть хаоса. Вот что вы готовите собственной стране, сударь!

Лицо Сперанского налилось краской, и он гневно выпалил:

— Вы намеренно перевираете мои идеи, генерал? Неужели до сих пор не можете простить мне, что ваши племянники не выдержали экзамена при приёме на государственную службу? Но не я же виноват, что у вас такие недалёкие родственники. Что же касается Конституции, то в моём проекте, напомню, всем подданным России гарантируются лишь общегражданские права...

— И крепостным? — ловко вставил Балашов.

— Да, и крепостным! И надо постепенно отменять этот варварский пережиток Средневековья, когда одни люди могут быть имуществом других. Но в моём проекте политические права предусматриваются пока для класса собственников.

— Вот уважили старика, — с сарказмом в голосе заметил министр полиции. — А то я уж подумал, что Михаил

Михайлович баб и мужиков в Думу сгонит. Вот они надумают-то! Вмиг всю водку в стране выжрут.

По залу прокатился смешок. Даже государь улыбнулся.

— Полноте пикироваться, господа, — успокоил он спорщиков. — Обязательно рассмотрим ваш проект, Михаил Михайлович. Вот выиграем войну у Наполеона и рассмотрим.

Когда все вышли из зала, и статс-секретарь остался наедине с императором, Сперанский набрался смелости и обратился к Александру:

— Разве я когда-нибудь предлагал Вашему Величеству что-либо вредное для пользы Отечества?

Царь нахмурился, показывая всем своим видом, что ему не приятен этот разговор, но всё же ответил:

— Нет. Ваша финансовая реформа оказалась весьма эффективной. Вы создали настоящую систему управления финансами, чего никогда раньше в России не было.

— Поверьте мне, государь, политическая жизнь страны так же нуждается в реформах, как и экономика.

Но император молча встал со своего кресла с явным намерением удалиться.

И тогда реформатор не выдержал и обречённо произнёс:

— Вы слишком слабы, государь, чтобы управлять, но слишком сильны, чтобы быть управляемым.

Александр повернулся спиной к своему советнику и, заложив руки за спину, вышел из зала.

На следующий вечер домой к Сперанскому вломились жандармы. Их возглавлял сам министр полиции.

— По высочайшему волеизъявлению государя нашего, императора Александра, статс-секретарь, товарищ министра

юстиции, член комиссии составления законов Сперанский Михаил Михайлович, сын священника, отправлен с сего дня в отставку со всех вышеперечисленных постов. Ему надлежит немедленно отправиться в ссылку со всем семейством в Нижний Новгород на постоянное проживание, — громогласно зачитал министр царский приказ, а от себя добавил: — Собирайся, Иуда. Жандармский офицер с тройкой ждёт тебя у ворот. Будешь знать, как на православной земле сеять антихристовскую ересь, наполеонов прихвостень...

Пока Сперанские собирали свою поклажу, Балашов, по-хозяйски развалившись в кресле, травил похабные анекдоты:

— А вот ещё одна пикантная историйка. Из Парижа прислали. События происходят в одном портовом городе на берегу Ла-Манша. Усталый путешественник ночью стучится в гостиницу. Ему открывает хозяин и говорит, что мест нет. Но бедняга сильно просится на постой, готов претерпеть любые неудобства. Хозяин поддался-таки на уговоры, но предупредил, что в комнате путешественник будет не один. Тот согласился. Каково же было его удивление, когда, вошедши в комнату, он увидел, что на соседней кровати лежит женщина. Мужик, недолго думая, пристроился к ней, а после, довольный, лёг на свою кровать и уснул. Проснулся он рано, соседка лежала неподвижно. Он оделся и вышел из комнаты. За завтраком слуга удивлённо у него спрашивает, мол, как вы не испугались спать в одной комнате с мёртвой французенкой? А путешественник ему и отвечает: «А я думал, что это живая англичанка!»

Но реакции не последовало. Бывший императорский статс-секретарь спустился по лестнице, поддерживая под

руку жену, не проронив ни слова. Ни один мускул не дрогнул на его лице, а на веснушчатых щеках его супруги не блеснуло и слезинки. Урождённая английская леди умела скрывать свои чувства. Лишь слуги рыдали и голосили на весь дом, прощаясь со своими хозяевами.

Отставку реформатора Сперанского в Петербурге восприняли с восторгом, как первую победу над Наполеоном. Придворные ликовали, но до победы было ещё очень далеко. А крепостное право сохранилось в России ещё на полвека...

Западная граница империи. Июнь 1812 года

Царская ставка располагалась в Вильно. Несмотря на нехватку средств на обмундирование и провиант для солдат, деньги на блестящие парады и роскошные вечера в казне находились.

Закончилась мазурка. И пока музыканты готовились сыграть следующий танец, разгорячённый государь, не отдышавшийся от зажигательного вихря, отвёл свою даму, графиню N, к нервно ожидающему её подле окна мужу, поклонился с любезной улыбкой и перешёл к стоявшим рядом генералам.

— Эти очаровательные польки мне совсем вскружили голову, — признался император свитскому генералу, объясняя, откуда у него тёмные круги под глазами.

— Берегите свои силы, государь. Они вам понадобятся в баталиях, — ответил хитрый немец.

Из распахнутого окна вдруг послышались стук копыт и лошадиное ржанье. Во двор усадьбы въехали запylённые всадники. Музыканты, уже изготовившиеся сыграть вальс, отложили инструменты, и разочарованным парам,

выдвинувшимся в центр залы, пришлось отойти обратно к стенам.

— Срочное донесение для Его Величества от генерала Баркляя-де-Толли*, — доложил звонкий мальчишеский голос.

— Простите, господа, — извинился Александр и отправился в кабинет.

Там его уже дожидались адъютанты и двое гусар в полинявших мундирах.

— Государь, войска неприятеля перешли Неман, — доложил тот, что постарше.

Царь побледнел и опустил на край стула.

— Свершилось, — тихо прошептали его губы.

— И какова же численность его армии? — громко спросил он у гонцов.

— Они всё ещё переправляются через Неман, Ваше Величество. Но генерал считает, что будет не меньше пятисот тысяч, — доложил гусар.

— История ещё не знала такого воинства. Велика опасность для России...

— Там не только французы, государь, — звонким юношеским голосом отрапортовал молодой гусар. — Но и австрийцы, и пруссаки, и немцы, и итальянцы, и бельгийцы, и датчане, и поляки, даже испанцы есть.

— Значит, вся Европа в гости к нам пожаловала. Придётся славно попотчевать неожиданных гостей. Заседание штаба назначаю в ставке в восемь часов вечера сегодня. Явка всех старших командиров обязательна. Доложите об этом командующему.

Когда гонцы удалились, царь потребовал у дежурного адъютанта перо, чернила и бумагу. Сел за стол и стал быстро писать:

«Государь, брат мой!

Нынче дошло до меня, что, несмотря на честность, с которой соблюдал я мои обязательства в отношении к Вашему Императорскому Величеству, войска Ваши перешли русские границы. Я уже сделал выговор своему послу в Париже, князю Куракину, что он превысил свои полномочия, введя Ваше Величество в неприязненное отношение ко мне. Ежели Ваше Величество не расположены проливать кровь наших подданных из-за подобного недоразумения и ежели Вы согласны вывести свои войска из русских владений, то я оставляю без внимания всё происшедшее, и соглашение между нами будет возможно. В противном случае я буду принуждён отражать нападение, которое ничем не было возбуждено с моей стороны. Ваше Величество ещё имеет возможность избавить человечество от бедствий новой войны.

Вашего Величества добрый брат Александр».

— Запечатайте и отправляйтесь на французские аванпосты, чтобы передать Наполеону это послание, — приказал царь своему генерал-адъютанту.

Когда за посланником закрылась дверь, царь обхватил голову руками и долго смотрел перед собой неподвижным взглядом. Затем выдвинул ящик письменного стола, достал оттуда заранее заготовленный свиток. Он вышел в центр танцевального круга, демонстративно медленно развернул скрученную в трубочку бумагу и громким, торжественным голосом зачитал:

— Неприятель вошёл с великими силами в пределы России. Он идёт разорять любезное наше Отечество... Да обратится погибель, в которую он мнит низринуть нас, на главу его, и освобождённая от рабства Европа да возвеличит имя России!

— Я настаиваю на генеральном сражении! Сколько можно, как испуганным зайцам, убегать от охотника! Не забывайте, что мы не в Австрии, а в России, господа генералы. За нашими спинами Москва и Петербург! Как мы будем смотреть в глаза нашим женщинам, господа! Надо же, какие удалцы, так испугались Наполеона, что удрали от него вглубь страны. План генерала Фуля* пусть и не учитывает всех тонкостей нынешней диспозиции, но это надёжный, добротный план. Над его составлением долго трудились лучшие умы европейской военной стратегии. Дрисский лагерь* должен стать могилой корсиканца! Все укрепления на левом берегу Западной Двины подготовлены к длительной обороне. На них первая армия сможет противостоять неприятелю сколь угодно долго. Багратиону* хватит времени, чтобы отбиться от сил итальянского вице-короля и ударить по Наполеону с фланга и по его неприкрытому тылу. Шансы на победу у нас велики. Но если и не удастся сразу разгромить врага, мы его здесь, под Дриссой, так потрепем, что ему долго придётся зализывать раны. И будет совсем не до Москвы, даже не до Смоленска, даже не до Витебска. Я лучше умру здесь, чем уступлю французам исконно русские земли!

Генералы испуганно молчали. Им ещё никогда не доводилось видеть своего императора в таком гневе. Никому не хотелось рисковать карьерой и идти наперекор монаршей воле, но и согласиться с планом прусского генерала Фуля, околдовавшего императора идеей генеральной баталии, означало обречь армию на погибель.

Отдуваться за всех опять пришлось военному министру генералу Барклаю-де-Толли.

— Ваше Величество, но ведь Наполеон ждет от нас именно таких действий, — начал командующий первой

армией. — Он великий мастер разъединять противника и уничтожать его по частям. Быстрый маневр, обходы и охваты — это же его главные козыри. Он ждёт не дожждётся главного сражения, чтобы ещё свежими силами окончательно разгромить нас. Это не наши войска окружат его под Дриссой, а он нас. Вначале разделяется с нашей армией, потом — с Багратионом, а Тормасова* оставит на десерт. Нас может сегодня спасти только отступление. Организованное и планомерное. Вглубь страны. Если бы две недели назад мы остались в Вильно, сейчас армии уже не было бы. Отсюда, государь, тоже необходимо отойти. Пока мы не соединимся с Багратионом, ни о каком сражении не может идти и речи. И чем дальше мы заманим врага вглубь, тем больше растянем его боевые порядки. Обозы отстанут от авангарда, его колонны растянутся на марше. Пусть его солдаты падают от усталости, а лошади — от бескормицы! И пусть авангард французов встречают только пепелища. И к осени вы увидите, что останется от великой армии! Вы можете отправить меня в отставку, государь, но я твёрдо уверен, что наш первый орудийный залп должен прозвучать только под Смоленском!

Император выслушал доводы командующего армией и обвёл взором молчавших генералов, а потом покачал головой и вымолвил:

— Если бы я не знал доблестную историю вашего старинного рода, Михаил Богданович, происходящего ещё от первых шотландских рыцарей-крестоносцев, то почёл бы вас предателем. Но я вижу, что не корыстный интерес и не трусость движет вами, а искренняя обеспокоенность судьбой Отечества. Посему скрепя сердце соглашусь с вашими резонами. Но что же нам делать, господа?

Последнюю фразу император произнёс в полном смятении, чуть не плача. Один пожилой генерал, видя нерешительность государя, пришёл ему на помощь и ласково, как старый добрый друг, посоветовал:

— Мне кажется, что в этот трудный для державы момент Вашему Величеству лучше отбыть в Санкт-Петербург, чтобы из столицы высшей монаршей властью поднять дух народа, пробудить у подданных национальное чувство, обеспечить набор новых полков и спасти Россию!

— Вы действительно считаете, что в столице я принесу больше пользы Отечеству? — спросил готовый разрыдаться царь.

— Без всякого сомнения, Ваше Величество! — не моргнув глазом, ответил генерал и переглянулся с военным министром.

Барклай-де-Толли тоже утвердительно кивнул головой. К нему присоединились и другие генералы. Все в один голос стали упрашивать царя покинуть армию и отправиться в столицу. Даже зачинщик разногласий, генерал Фуль, ничего не возражал против такого единодушия, а молча стоял у макета несостоявшейся баталии и теребил в руках фигурку, означавшую российского императора.

— Я подумаю над этим, господа генералы. А пока начинайте подготовку к отступлению, — сказал царь и вышел из комнаты.

Вечером, прогуливаясь вдоль редутов и глядя на плавные волны Северной Двины, Александр повторял про себя фразу из письма сестры Екатерины: «Ради Бога, не поддавайтесь желанию командовать самому!.. Не теряя времени, надо назначить командующего, в которого бы верило войско, а в этом отношении Вы не внушаете никакого доверия!..».

Через пять дней в Полоцке император покинул армию, не назначив преемника. Функции главнокомандующего по должности военного министра стал выполнять генерал Барклай-де-Толли.

Москва. Красная площадь. Июль 1812 года

Великое скопление народа. Толпы горожан и крестьян приветствовали своего государя по дороге в Кремль. Калеки целовали полы его мундира, женщины плакали от умиления и тянули к нему свои руки.

— Ангел ты наш! Батюшка! Заступник! — слышалось со всех сторон.

На парадной лестнице Кремлёвского дворца в окружении самых именитых горожан с хлебом-солью поджидал царя московский генерал-губернатор граф Ростопчин.

— Московские купцы, государь, пожертвовали на армию два миллиона рублей. Дворяне готовы немедленно выставить ополчение из восьмидесяти тысяч человек. Помещики снаряжают за свой счёт целые полки. Древняя столица России готова сразиться с антихристом! — с театральным пафосом возвестил граф и пустил по щеке крупную слезу.

Солнце, отражаясь от золотых церковных куполов, слепило глаза. Растроганный царь зажмурился, обнял Ростопчина и трижды, по русскому обычаю, расцеловал его в плохо выбритые щёки.

Толпа взревела от восторга.

Санкт-Петербург. Зимний дворец

Северная столица встречала императора с не меньшим энтузиазмом. На Невском проспекте в ликующей толпе было раздавлено несколько женщин и детей.

Но в Зимнем дворце Александра ждал холодный приём.

— Лучшей кандидатуры на должность главнокомандующего, чем генерал от инфантерии Михаил Илларионович Кутузов, нам не найти. Его популярность в армии может сравниться лишь со славой Суворова. Солдаты обожают его и готовы идти с ним в огонь и воду. И не забывайте, Ваше Величество, что заключением мира с Турцией мы обязаны именно Кутузову. Даже представить страшно, что было бы с нами, случись сейчас воевать ещё с турками, — уговаривал царя Аракчеев.

Александрю этот кандидат явно не нравился. Его Величество всё ещё не мог простить одноглазому циклопу свой позор под Аустерлицем.

Если бы он тогда послушал советы Кутузова, то наверняка избежал бы позорного поражения. Только благодаря чутью старого лиса удалось спасти отступающие войска от полного разгрома. Но цари не любят, когда кто-то бывает умнее их. Поэтому последующую опалу Кутузова — назначение вначале киевским военным губернатором, а затем командующим Молдавской армией — двор воспринял как закономерность. Поставить сейчас Кутузова во главе всех армий — означало бы признать публично свою прошлую некомпетентность, поэтому царь искал любой повод, чтобы отклонить эту кандидатуру.

— Но он же стар! Ему уже под семьдесят. Что будет, если он умрёт от старости на поле сражения. Нас же в Европе поднимут на смех. Скажут, что Россия настолько оскудела людьми, что ставит под ружьё дряхлых стариков.

— Если Россия падёт перед Наполеоном, то в Европе некому будет смеяться над нами, — возразил начальник военного департамента.

— Но почему Кутузов? Почему не Барклай, не Багратион? Это молодые, толковые генералы. Чем они хуже? — не сдавался царь.

Аракчеев выдержал паузу, ожидая, пока Александр Павлович успокоится, а потом сказал:

— Князь Багратион — храбрый воин, но излишне горяч. Кровь горца бурлит в нём. Это может сказаться на управлении армиями в критический момент. Барклай-де-Толли — наоборот, выдержан. Но он — иностранец. А главнокомандующему предстоит трудная миссия. Скорее всего, отступить придётся и дальше. Может быть, даже оставим Москву. А такой грех офицеры и солдаты простят лишь командиру, которому безгранично верят. Шотландца или грузина поднимут на штыки. А за Кутузова пойдут на смерть. Потому чрезвычайная комиссия предлагает вам вернуть Кутузова.

— Хорошо. Давайте указ. Я подпишу, — скрепя сердце согласился император.

— Комиссия считает, что для полноты полномочий Михаилу Илларионовичу необходимо присвоить звание генерал-фельдмаршала. Ему придётся руководить генералами...

Царь вяло огрызнулся:

— А не много ли будет для одного старика. Ему и так год назад присвоили графский титул, нынче он уже стал светлейшим князем! Так и до российского Бонапарта недалеко! Ну... хорошо... я подумаю...

Но Аракчеев не уходил.

— Ещё какие-то вопросы? — спросил его уставший царь.

— Да, Ваше Величество, — замялся министр. — Только Михаил Илларионович согласен принять на себя коман-

дование войсками при одном условии... Ваш брат Константин должен удалиться из армии. Кутузов считает, что он не может ни наказать, ни наградить Великого Князя. И потом ваш брат, государь, настолько уверен в непобедимости Наполеона, что сеет в офицерской среде пораженческие настроения. В действующей армии подобное поведение недопустимо. Пожалуйста, отзовите его в Петербург, Ваше Величество...

Царь всё чаще уединялся в своём кабинете в дальнем крыле Большого летнего дворца и отказывался кого-либо принимать. Плохо ел, мучился бессонницей, а иногда в хорошую погоду в одиночестве бродил по аллеям Английского парка.

Из действующей армии известия приходили нерадостные. Новый главнокомандующий, как и предшественник, продолжал отступать. Царю доносили, что Кутузов подыскивает удобное место для решающего сражения. Но Александр Павлович ему уже слабо верил.

Двухдневная поездка в Финляндию, где он встретился с наследником шведского престола, несколько отвлекла государя от мрачных дум. Но, вернувшись в Петербург, царь осмыслил итоги переговоров и понял, что пока не произойдёт решающего перелома в его схватке с Наполеоном, все обещания шведов высадиться в Нижней Германии так и останутся обещаниями.

Наконец ему доложили, что около села Бородино, примерно в ста верстах от Москвы, Кутузов решился сразиться с Великой армией. Весь день государь провёл как на иголках, ходил по кабинету, заложив руки за спину, и часто глядел в окно. А ночью он вообще не сомкнул глаз. И только на следующий день, после полудня, появился

курьер от Кутузова. В донесении говорилось о победе русских войск.

— Свершилось! — не веря собственному счастью, произнёс Александр Павлович. — Пусть это донесение огласят после службы в Александро-Невской лавре. Пусть все православные узнают о победе русского оружия. А генералу Кутузову передайте, что я признаю его заслуги перед Отечеством, жалуя звание фельдмаршала и сто тысяч рублей.

Но вскоре в Петербург стали приходиться совсем другие новости. Победа оказалась не столь впечатляющей, как сообщалось ранее. Французы, несмотря на серьёзные потери, продолжали наступать, а русские войска отступали к Москве.

И вот настал скорбный час, когда царю доложили, что на военном совете в Филях принято решение оставить Москву.

Что теперь делать, Александр Павлович не знал.

В императорской семье мнения разделились. Сестра Екатерина дала команду своим слугам паковать чемоданы, намереваясь отбыть в Тверь. Константин продолжал бубнить о непобедимости Наполеона и призывал брата одуматься, пока ещё не поздно, и заключить с французским императором мир на любых условиях, чтобы только спасти династию. Даже матушка, доселе всей душой ненавидевшая Бонапарта, после падения Москвы стала склоняться на сторону Константина. И только жена Елизавета (вот от кого царь никак не ожидал такого упорства!) продолжала верить в победу и призывала мужа к сопротивлению. Дни напролёт она сутилась и готовила бельё и одежду для раненых. Даже продала все свои драгоценности, а вырученные деньги пожертвовала на армию.

Государь колебался, не зная, чью сторону принять.

В Петербург прибыл личный посланник фельдмаршала Кутузова и поведал царю все подробности трагедии.

— Это было настоящее море огня, Ваше Величество. Такое не привидится и в страшном сне. Деревянные дома полыхали, как щепки. Пламя пожирало одну улицу за другой. Рассказывают, что сам Наполеон чуть не сгорел заживо в этом аду! Он кое-как по потайному ходу выбрался из Кремля к Москве-реке и укрылся в Петровском дорожном дворце, — рассказывал полковник замороженному царю.

— Но французы же цивилизованные люди! Как у них рука поднялась на такое святотатство? — недоумевал Александр Павлович.

Полковник смутился, но затем набрался смелости и сказал:

— Люди болтают всякое. Но есть сведения, что вовсе не французы виновники сего зверства. Имение графа Ростопчина Вороново находится довольно далеко от Москвы, но оно тоже сгорело дотла. А на руинах враги обнаружили послание, написанное на большой доске по-французски. Оно гласило, что граф долгое время украшал эту местность и счастливо жил здесь в кругу своей семьи. А теперь все жители покинули её. И хозяин сам поджёг свой дом, чтобы враги не осквернили его своим присутствием. И везде они встретят впредь только пепел. Говорят, что Наполеон даже отправил эту доску в Париж как доказательство варварства русских. Французы пытались тушить пожар, но у них ничего не получилось. Ведь все пожарные насосы из Москвы заранее вывезли. Они расстреливали поджигателей. В назидание другим вешали их тела на площадях. Но златоглавая столица всё равно продолжала гореть. И теперь врагам в ней поживиться нечем.

Царь закрыл глаза и еле слышно прошептал:
— Оставьте меня, полковник. Я хочу побыть один.

Александр видел воочию, как в языках пламени плавись купола церквей, слышал, как в чёрном дыму тревожным набатом звучал колокол. И ему подумалось, что, может быть, это и есть пришествие Антихриста, знаменующее конец света.

Дверь тихонько отворилась, и, осторожно ступая, в кабинет вошла Елизавета. Она подошла к сидевшему с закрытыми глазами мужу и положила перед ним на стол книгу.

Он разлепил веки, увидел её и прошептал:

— Москва сгорела. Что делать, Лиза?

Царица провела своей мягкой рукой по высоким залысинам мужа и, не говоря ни слова, взглядом показала на стол и направилась к выходу.

Александр Павлович посмотрел на толстый фолиант.

Это была Библия.

Её страницы были аккуратно заложены закладками царицы. Царь открыл наугад священное писание.

«Но хотя бы ты, как орёл, поднялся высоко и среди звёзд устроил гнездо твое, то и оттуда Я низрину тебя, говорит Господь».

Дальше ещё: «Погибели предшествует гордость, падению — надменность».

— О Господи, слава тебе! Ты из слепца сделал меня зрячим! — воскликнул Александр и лихорадочно зашептал, перелистывая одну страницу за другой: — Это же прямо про него... про него... Про Наполеона... Он не внял Твоим предостережениям, Господи, и возгордился своим величием. И Ты его покарал, лишил разума. Он же теперь в

ловушке. Что он будет делать в сгоревшей дотла Москве накануне холодов без пропитания и тёплой одежды? Он попался! Попался! Спасибо тебе, Господи, что избрал меня, грешного, орудием своего возмездия строптивому гордецу, преступившему все Твои и мирские законы.

«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю», — прочитал царь на последней заложённой женой странице Библии. И тотчас рухнул на пол, обратившись лицом к висевшей в красном углу иконе Казанской Божией Матери.

Впервые на тридцать пятом году своей жизни царь страстно, с истинной верой, исходящей из самых глубин его души, молился Богу.

«Он попался! Попался!» — продолжал твердить про себя, как молитву, Александр, лакею же громко крикнул:

— Пригласите полковника!

Когда посланник Кутузова переступил порог царских покоев, он не узнал своего государя. Перед ним стоял совсем другой человек. Решительный и целеустремлённый.

— Полковник, я обдумал привезённые вами известия из ставки. И вот мой ответ фельдмаршалу. Ни о каких переговорах с Наполеоном не может быть и речи. Никакого мирного договора. Я скорее отращу себе бороду и буду питаться чёрствым хлебом в Сибири, нежели подпишу позор моего Отечества и дорогих моих подданных, жертвы которых умею ценить.

Александр твёрдым шагом подошёл вплотную к курьеру, обнял его за плечи и сказал, глядя прямо в глаза:

— Наполеон или я! Я или Наполеон, но вместе мы царствовать не можем. Теперь я его повадки знаю. Он меня больше не проведёт, из западни ему уже не выбраться!

На глазах у изумлённого полковника появились слёзы. Он склонился перед своим императором в благоговейном поклоне и молвил:

— Государь, устами Вашего Величества говорит слава нации и освобождение Европы.

Наполеон засыпал русское командование предложениями о мире. Но Кутузов и Беннигсен продолжали вялые переговоры с французскими маршалами, чтобы выиграть время и дожидаться появления своего главного союзника — морозов. Когда на московские пожарища выпал первый снег, французский император понял, что его дурачат. А русские войска уже шли на Москву и разбили авангард неаполитанского короля. Дальнейшее пребывание в Москве было подобно смерти. И Наполеон отдал приказ об отступлении. Он намеревался сокрушить левый фланг Кутузова и отвести свои войска на юг, где на берегах Дуная можно было перезимовать, а затем с новыми силами на следующее лето закончить русскую кампанию.

Но под Малоярославцем русские войска преградили путь отступающим французам, и им не осталось другого варианта, как возвращаться в Европу по смоленской дороге.

Деревни и сёла уже облетела новость, что враги сожгли златоглавую Москву, осквернили древние храмы, надругались над православными святынями, и теперь оскорблённый народ готовил «тёплый» приём захватчикам. Среди мужиков прошёл слух, что крепостным, отличившимся в войне с французами, царь якобы обещает даровать вольную. Над несчастной головой победителя Европы нависла дубина народного варварского гнева.

«Великая армия» таяла буквально на глазах, и не столько в больших сражениях с регулярными частями, сколько от

холода, голода, от бесконечных стычек с летучими казачьими сотнями и партизанскими отрядами мужиков.

В этой войне не было никаких правил. Выиграть схватку у «великого генерала Мороза» было не под силу даже Наполеону. Только нерешительность русских генералов позволила французам избежать окончательного разгрома на Березине.

Из шестисоттысячного войска, вторгшегося в июне в Россию, обратно в Европу в декабре 1812 года вернулись лишь пятьдесят тысяч.

В Сморгони император бросил свою армию, как некогда это сделал в Египте, и в овчинном тулупе в сопровождении трёх адъютантов укатил в деревянном возке в Вильно, а потом через Польшу и немецкие княжества — в Париж.

Царь со своей свитой подъезжал к Вильно. Не прошло и полугода с тех пор, как ему пришлось в спешном порядке отступать отсюда, чтобы не попасть в плен к французам.

И вот всё изменилось с точностью до наоборот. Теперь завоеватель мира со всех ног удирает от русских войск.

Эх, если б казаки оказались чуточку проворнее, сидел бы сейчас Наполеон в железной клетке, как пойманный лютей зверь. И провезли бы его по Европе, чтобы все народы воочию убедились, что бывает с захватчиками трона. Но это ещё успеется. Жало у змеи вырвано. Пускай ещё побрыкается малость. Добавим гадину в её собственном логове.

Царский кортеж поравнялся с толпой пленных французов, которых конвоировали усатые гренадеры. Насколько жалкий вид имели бывшие покорители Европы! Закутавшиеся в изодранные бабьи платки, мужичьи зипуны и в какие-то лохмотья, они понуро брели по заснеженной дороге, не поднимая глаз.

*Вильно, штаб фельдмаршала Кутузова.
Декабрь 1812 года*

От щедро натопленной печи жарило, как из преисподней, и окоченевшему в дороге государю показалось, что он оказался в бане, а не в ставке главнокомандующего.

Больше всего у царя замерзли ноги. Едва он сел на лавку, как денщик сразу же стянул с него сапоги и укутал озябшие ступни принесённым хозяйкой тулупом. Выпив стакан горячего чаю, государь, наконец, обернулся к присутствующим генералам.

— Ну, рассказывайте, господа, как вы умудрились упустить неприятеля на Березине? Победа была почти в наших руках. Почему вы не добились французов? Вы могли закончить войну ещё две недели назад. Извольте отвечать.

Кутузов так и застыл, склонившись над разложенной на столе картой. Он не ожидал от царя такой встречи. Но затем старый фельдмаршал выпрямился, поправил повязку на утраченном в сражениях глазу и ответил, глядя прямо в лицо государю:

— Я хотел прийти к границе империи с достаточным количеством войск, Ваше Величество. Я не дам и одного русского солдата за десять неприятельских. Поставленная Вашим Величеством передо мной задача выполнена. Отечество освобождено от врага. Причём сделано это малой кровью с нашей стороны. И это я считаю своей заслугой, а не упущением!

Генералы и адъютанты хранили молчание и смотрели то на фельдмаршала, то на государя. Маленький, сторбленный, наполовину лысый, наполовину седой, одноглазый, больной фельдмаршал и вальяжный, едва вошедший во вкус большой охоты и предчувствующий скорый триумф

российский самодержец ещё какое-то время смотрели друг на друга.

Первым не выдержал этого молчаливого поединка царь.

— Полноте горячиться, князь, — примирительно произнёс Александр Павлович. — Никто не умаляет ваши заслуги перед Отечеством. Прошу простить меня, что я сразу начал с неприятного. Я высоко ценю ваш военный талант. И позвольте мне вручить вам, освободителю России, высшую воинскую награду — орден Святого Георгия 1-й степени!

Лица офицеров осветились улыбкой, они дружно зааплодировали. И даже больше не награде, а разрешению конфликта.

Но, как оказалось, преждевременно.

Император прикрепил орден на грудь фельдмаршала, обнял его, а затем продолжил:

— Но поймите меня правильно, князь. Если бы вы пленили Наполеона, то война была бы окончена. А так нам придётся дальше преследовать его по Европе, до полного уничтожения.

— А зачем нам это нужно, Ваше Величество? — недоумённо спросил Кутузов. — Начавшись на берегах Немана, война здесь же и должна закончиться, как только русская земля будет очищена от последнего вражеского солдата.

Теперь царь не понимал своего главнокомандующего.

— Но мы же не можем бросить Европу на съедение этому корсиканскому чудовищу! Мы должны освободить христианский мир от Антихриста. В этом великая миссия православных людей.

До старого фельдмаршала стратегические планы царя доходили с трудом.

— Зачем проливать русскую кровь ради спасения Европы? Пусть она сама себя спасает! Падение Наполеона более выгодно Англии, нежели России. Нам следует держаться на равном расстоянии и от Наполеона, хозяина Европы, и от Англии, владычицы морей.

Царь укоризненно посмотрел на Кутузова. Что возьмёшь с этого больного старика, не видящего далее собственного носа?

Он свою миссию выполнил. Мавр сделал своё дело. Государь больше не нуждался в услугах «одноглазого циклопа». Теперь он уже видел себя освободителем Европы и благодетелем всего человечества. И никто ему в этом не смел перечить. Участь Кутузова была решена. И если бы не скоропостижная смерть Михаила Илларионовича в самом начале европейского похода, поставившая точку в противостоянии Кутузова и царя, кто знает, какая бы участь постигла героя войны 1812 года.

Бывшие союзники Франции в войне с Россией — австрийский император и прусский король, почувствовав слабость Наполеона после неудачного похода на восток, с лёгкостью предали его и обратили оружие своих армий против тех, с кем совсем недавно в одном строю сражались с русскими варварами. Франц I даже забыл о родственных чувствах к зятю, отцу своего внука.

Но Наполеон продолжал оставаться Наполеоном. Несмотря на численный перевес армии союзников, он ухитрялся громить их по отдельности. Пруссakov — под Люценом, русских — под Бауценом. И даже сражение под Дрезденом он скорее выиграл, чем проиграл у объединённой русско-австрийской армии. Но силы его войск истощались, практически всё мужское население Франции, за

исключением мальчишек и стариков, уже давно было «съедено» им в предыдущих баталиях, а на бывших союзников надежды было мало. Силы же противника всё умножались.

Под Лейпцигом в Битве народов войска объединённой коалиции Австрии, Пруссии, России и Швеции уже в два раза превосходили наполеоновскую армию. Первый день сражения не выявил победителя. Пруссаки и австрийцы понесли большие потери. Поляки во главе с храбрым генералом Понятовским* отчаянно сражались за Наполеона, пообещавшего в случае победы свободу и независимость их родине. И только русские солдаты вновь поразили всех своей храбростью. Они стояли насмерть, как при Бородине, и заставили в беспорядке ретироваться французскую конницу.

В разгар второго дня баталии, когда казалось, что союзники вот-вот дрогнут под натиском французов, которым уже некуда было отступать, ведь за ними уже маячила сама Франция, саксонцы неожиданно повернули оружие против своих, вюртембергская кавалерия ударила в спину вчерашним товарищам. Глупый сапер, который должен был подорвать мост после отступления французских войск, сделал это преждевременно. Половина наполеоновской армии оказалась в котле окружения.

Звезда Наполеона закатилась. Удача отвернулась от него. А на европейском небосклоне загоралась новая звезда. Царя Александра I.

Париж. Март 1814 года

Французская столица встречала победителей непогодой. С раннего утра небо затянулось свинцово-серыми тучами, накрапывал мелкий дождь. Клейкие молодые листочки на деревьях ёжились под порывами переменчивого мартовского ветра.

В рабочих предместьях, в кварталах бедноты, несмотря на поздний час, улицы были пустынные, окна домов закрыты. Ни какой привычной городской суеты, снующих туда-сюда пешеходов, гремящих экипажей, горластых торговков на обочинах. Казалось, город вымер. И только редкий цокот подкованных копыт по камням мостовой свидетельствовал о наличии жизни.

Александр въезжал в столицу побеждённого неприятеля на белом коне впереди колонны союзных войск. Рядом с ним горделиво держались в сёдлах союзники — австрийский генерал и прусский король.

Но где же парижане? Неужели они уготовили мне такую же встречу, как москвичи Наполеону? — эта мысль не оставляла царя и омрачала торжество.

Но, слава богу! По мере приближения победителей к центру, город стал оживать. На тротуарах колону встречали женщины и дети. Вначале с опаской, но потом, увидев, что иноземцы улыбаются им, горожане тоже отвечали улыбками. А они не такие и ужасные, эти русские варвары. Вон какой у них красивый и статный царь. И какой он обаятельный! Такой человек не может быть злым и жестоким.

На площади Мадлен колону уже осадил ликующая толпа.

«Слава Александру! Да здравствует русский царь!» — слышалось из толпы.

Одна экзальтированная молодая особа в порыве чувств даже бросилась к лошади ошалевшего казака. Тот был парень не промах, наклонился, подхватил завизжавшую от неожиданности парижанку и посадил её на лошадь впереди себя. Толпа взревела от восторга. А юная грация теперь радостно восседала в объятиях бородача и

приветливо махала платочком своим сгоравшим от зависти подругам.

Счастливый царь находился на вершине блаженства. Сбылась его сокровенная мечта. Он победил самого Наполеона. Освободил всю Европу. И сейчас покорённый им Париж встречал его ликованием. Александр Павлович приветливо помахивал рукой в белой перчатке восторженным парижанам, незаметно отирая слёзы с глаз. Он плакал от счастья и радости.

Царь царей

Когда Наполеон подписал своё отречение от престола и за себя, и за своих родственников, Александр поселился в Елисейском дворце.

Он быстро освоился в Париже. Мог вечером запросто один выйти из дворца и прогуляться по Елисейским полям или Марсову полю. Улицы столицы мира в эти дни кишели иностранцами. Вот добродушные казаки в косматых меховых папахах катают у себя на плечах светящихся от радости парижских сорванцов. Вот молоденькие, ещё безусые русские офицеры в туго затянутых ремнях, чтобы грудь выпирала колесом, мило флиртуют с беззаботными парижанками. Но особенным успехом у француженок пользовались российские инородцы. Настоящие толпы сопровождали черкесских и калмыцких воинов. Они словно явились в сердце цивилизованной Европы из глубины веков.

Царь ходил, улыбаясь, в этой толчее нового Вавилона, стоял на набережной Сены, вдыхал аромат парижской весны и свежего кофе, исходящий из многочисленных кофеен, и наслаждался.

Ему редко удавалось побыть одному. Его сразу узнавали, и вокруг него собиралась толпа.

— Почему вы столько медлили? Почему раньше не пришли в Париж? Мы вас так ждали! — спросила одна дама.

Царь застенчиво улыбнулся и ответил:

— Меня задержало великое мужество французов, мадам.

Парижане рукоплескали великодушию победителя.

На Вандомской площади он с иронией отозвался о монументальной статуе Наполеона и произнёс фразу, облетевшую Париж с быстротой молнии: «Если бы меня поставили так высоко, точно б закружилась голова».

Чтобы не травмировать самолюбие русского царя напоминанием о былом поражении, депутаты муниципального собрания хотели даже переименовать Аустрелицкий мост. Но царь Александр их остановил:

— Зачем? Русская армия же прошла по нему. Моё самолюбие удовлетворено.

Репутация обворожительного, деликатного, набожного и великодушного русского царя в Париже была выше Вандомской колонны.

Два вопроса требовали незамедлительного решения: будущее политическое устройство Франции и дальнейшая судьба Наполеона.

— Казнить его, и дело с концом, — предложил австрийский министр иностранных дел князь Меттерних*. — Отродье революции, как и его предшественники, должен закончить своё существование на дьявольском порождении революции — гильотине.

Прусский король молча пожал плечами. В отличие от Александра, он был злопамятен и не мог простить Наполеону оскорблений его династии.

Хитрый Талейран* не ответил ни да, ни нет:

— Казнь бывшего узурпатора, может быть, обоснована, но не забывайте, господа, что влияние Наполеона на умы французов по-прежнему велико. Как бы его насильственное умерщвление не привело к новой революции. Великодушие царя Александра приносит гораздо больше

пользы в усмирении революции, чем любые карательные меры.

Собравшиеся устремили взоры на русского царя.

— Ваше Величество, король, и вы, господа министры, — обратился Александр к представителям держав-победительниц. — Я согласен, что за свои преступления перед Богом и народами Европы Наполеон заслужил самого сурового наказания. Но если мы возьмём на себя грех его смертоубийства, то ничем не будем отличаться от бунтовщиков и захватчиков. Мы принесли во Францию мир. Не надо больше проливать кровь.

Участники совещания встретили предложение русского царя в молчании. Но Александр ещё не закончил свою речь.

— Наполеон — личность неординарная. Это смутьян, но великий смутьян. Таких в истории можно пересчитать по пальцам. Да, он унижал нас своими победами, но с благородством победителя не опускался до физического уничтожения правящих династий. Наполеон заслужил право быть императором, поэтому мы должны относиться к нему, как к равному. Мы не вправе судить его. Только Бог может быть ему судьей. Виновник гибели миллионов людей должен сам покаяться в своих грехах перед Создателем. Давайте предоставим ему такую возможность.

— Значит, ссылка, — резюмировал мысль Александра понятливый Талейран. — Из нынешней ситуации это был бы наиболее подходящий выход. Только лучше сослать его куда-нибудь подальше от Европы. Например, на Азорские острова. Я буду крепче спать, зная, что чудовище далеко и не нагрянет завтра в Париж.

Российский император подошёл к висевшей на стене карте мира и, близоруко щурясь в лорнет, попытался

отыскать Азорские острова. Наконец он их обнаружил и воскликнул:

— Но это же такая глушь! Середина Атлантического океана! Я бы выбрал место для ссылки поближе. Вот, остров Эльба, например.

Александр Павлович ткнул пальцем в Средиземное море между Италией и Францией. Словно собирался посетить изгнанника и заранее беспокоился об удобстве этой встречи.

— Как раз недалеко от его родной Корсики. Знакомый пейзаж, привычный климат. Отдадим ему этот остров, положим ежегодную двухмиллионную пенсию, даже разрешим ему иметь собственную гвардию из 50 человек. Не бойтесь, с такой армией он Париж снова не завоюет! Решено, Наполеона отправляем на Эльбу. Вызовите ко мне князя Шувалова. Я хочу, чтобы он немедленно отправился в Фонтенбло и лично проводил низложенного императора к месту ссылки.

Никто не рискнул перечить русскому царю. Это была его победа, и он правил бал.

— Что касается будущего устройства Франции, то я оставляю право решить этот вопрос самим французам. Я принёс им мир и хочу только одного — чтобы он надолго сохранился в Европе, — заявил щедрый Александр.

Но союзники были настроены менее великодушно. Затевался спор.

Талейран предложил нейтральный вариант:

— На обломках революции не построишь прочного порядка. И как бы вы, государи, не относились плохо к Бурбонам, без возвращения этой династии на французский трон порядка в стране не будет.

— Но ведь брат короля Людовик — жалкое ничтожество! Он всю войну просидел на содержании у милосердных монархов вдали от театра сражений. И сейчас отдать ему корону? Ни за что! — воспротивился Александр.

«Хромой дьявол», как называл Талейрана Наполеон, умел выждать паузу. Когда российский император умолк, хитрый французский дипломат обратился уже лично к нему:

— Ваше Величество, он нужен стране только как вывеска, как дань вековой традиции. После всех наших передряг, народ Франции уже не потерпит над собой никакого самодурства. По примеру Англии мы учредим конституционную монархию. Мы сохраним завоевания революции и в то же время не пойдём против воли Господа. Ведь короли и цари — это помазанники его на земле.

Ничтожество на троне вполне устраивало Талейрана. Он столько уже натерпелся от яркой личности, что хотел немного передохнуть. А скорее — сам править при безвольном и непопулярном монархе.

— Ну, если только так, — смутился польщённый лестью российский самодержец. — Если только сенат проголосует за возвращение короля, я смирюсь с выбором французского народа.

— Спасибо, Ваше Величество. Я знал, что найду понимание в вашем сердце, — с поклоном поблагодарил царя Талейран и тихо добавил. — Сенат проголосует, как будет угодно Вашему Величеству.

Новый король Людовик недолго проявлял учтивость к правителям держав-победительниц, милостью которых был возведён на престол. Он вперёд всех входил в комнаты, устраивался на самом почётном месте, чаще всего в мягком кресле, а прусскому королю, австрийскому императору и

русскому царю указывал на твёрдые стулья. На званых обедах требовал от слуг, чтобы вначале обслужили его, а уж потом гостей.

В своей загородной резиденции в Компьене Людовик отвёл царю жалкую комнату, сам же поселился один в трёх великолепных покоях. Обиженный Александр не остался на ночлег, а сразу после обеда откланялся и вернулся в Париж.

— Что он себе позволяет, этот жалкий выскочка! — высказывал Талеярану, уже совмещавшему пост министра иностранных дел с должностью председателя правительства, разгневанный царь. — Он во сто крат заносчивее Наполеона! Но тому хоть было чем гордиться! Этот же господин — пустое место. Толстый и неуклюжий хам! Одевается как на маскарад! В Москве даже полуграмотный купчина никогда не наденет строгий сюртук с красными гетрами и шляпу с белыми перьями.

«Хромой дьявол» только развёл руками:

— Что поделаешь, Ваше Величество, всякая власть от Бога.

Царь сочувственно вздохнул:

— Бедная Франция!..

Вена. Март 1815 года

— До чего же скучно, моя дорогая! — пресытившись любовными играми, пожаловался царь своей новой возлюбленной.

— Неужели я так быстро надоела Вашему Величеству, — обиженно прошептала лежащая рядом на кровати молодая княгиня и надула свои пышные губки.

Вчера после обеда, узнав, что князь Эстергази отбыл на охоту в отдалённый замок и пробудет там несколько дней, ветреный царь отправил его жене записку, что нынешний

вечер он проведёт у неё в гостях. Княгиня в ответ послала ему список дам, попросив вычеркнуть тех, кого бы он не желал у неё встретить. Александр вычеркнул из списка всех, кроме хозяйки.

— Извините меня, Леопольдина, я ни в коем случае не собирался вас оскорбить. Вы прекрасны и заслуживаете более пылкого поклонника, чем престарелый Дон Жуан.

— Полноте прибедняться, Ваше Величество. Вы и так уже обольстили всех приличных дам на Венском конгрессе. Ваших сил хватает не только на меня одну, — и княгиня стала шаловливо загибать свои маленькие пальчики. — Я только шестая. Как обидно!

— Зато — лучшая, — отпустил дежурный комплимент бывалый повеса.

Лицо женщины зарделось от удовольствия. И она заворковала:

— Да, мужчины от меня без ума, государь. Даже сам князь Меттерних стал оказывать мне повышенные знаки внимания. Но я ему не верю. Он, похоже, ухаживает за мной, чтобы насолить Вашему Величеству. Не может простить, что вы увели у него сразу двух любовниц. Это очень злопамятный человек. Берегитесь его, государь.

— Спасибо за предупреждение, моя дорогая! Этому хитрому лису меня не провести. Думаете, я не знаю, что он за моей спиной ведёт тайные переговоры с англичанами и французами относительно Польши. Бедняги! Они даже собираются воевать с Россией! Как это скучно, княгиня.

— Но почему, Ваше Величество? За вашей спиной враги замышляют заговор, а вы скучаете? Надо же действовать!

Александр вяло потянулся, как ленивый кот, пригревшийся на солнышке, и ответил:

— Это разве враги? Да все их козни написаны у них на лицах. Вот Наполеон — это был враг! Умный, хитрый, коварный, но благородный и великодушный. Как же мне его не хватает! Скучно!

Верно говорят в народе: только чёрта помянешь, а он тут как тут.

Вечером того же дня Меттерних давал бал в своём большом доме в центре Вены. И вдруг сногшибательная новость в мгновение ока облетела гостей, заставив их забыть и о представлении, и об ужине, и даже о блистательных дамах.

— Наполеон сбежал с Эльбы! Наполеон во Франции! — испуганно запричитали сиятельные гости.

И только лицо русского царя озарилось улыбкой. Он подошёл торжествующей походкой к потерявшему дар речи Галейрану и сказал:

— Я же говорил вам, что это долго не продлится.

Теперь его жизнь снова обрела смысл. Какое это всё-таки наслаждение — иметь достойного противника!

Царь отослал приказ в армию: немедленно выдвинуться в поход на Францию. И всё же судьба на сей раз благоволила другим. Русские войска не успели к победному триумфу при Ватерлоо. Теперь уже британцы решали судьбу несносного корсиканца. В отличие от русского царя они не были столь снисходительны к поверженному императору и сослали его на богом забытый остров Святой Елены в южной части Атлантического океана.

Но Наполеон всё-таки умудрился за сто дней пребывания у власти помочь своему другу Александру заполучить вождеденную Польшу. Прибыв в Париж, опальный император обнаружил у себя на рабочем столе в Тюильри

любопытный документ. Это был секретный договор, подписанный Меттернихом, Талейраном и английским лордом Каслри относительно Польши. Бывшие союзники были готовы повернуть оружие против России, если те не откажутся от территориальных притязаний на польские земли. Талейран отослал свой экземпляр королю Людовику, а тот испугался узурпатора и снова сбежал из Парижа. Наполеон же с лёгкостью отправил сей документ в Вену Александру I в надежде посеять раскол в рядах противостоящей ему коалиции.

Царь пригласил представителей союзников в свою резиденцию и продемонстрировал им документальное свидетельство предательства.

— Я ещё раз повторяю вам, господа, что герцогство Варшавское есть моё завоевание у империи Наполеона. Справедливость требует, чтобы мои подданные были вознаграждены за многие страдания, и чтобы граница навсегда защитила их от бедствий нового нашествия. Польша принадлежит нам! Я от неё никогда не откажусь. Я займу её. И пусть меня попробуют оттуда выгнать!

Маршинская тайга. Март 1855 года

Рассвело. Фёдор Кузьмич уже давно был на ногах. Подкинул в печку дрова, вскипятил воду, собрал на стол нехитрую еду. Себя он так никогда не баловал, но сейчас у него был гость. Закончив домашние дела, старец встал на колени перед иконой Николая-чудотворца и погрузился в молитву.

Со скамьи послышалось шевеление. Фёдор Кузьмич тут же прервал своё общение со святым и поднялся. Он не любил, когда кто-нибудь наблюдал за его молитвой. Это дело личное, и чужой глаз здесь совсем ни к чему.

— Просыпайся, вояка. Пойдём чай пить. А то совсем ослабеешь.

— Вас придушить силы останутся, — огрызнулся Батеньков, не поднимая головы.

Старец вздохнул тяжело и молвил:

— Что ж ты такой неужённый, Гавриил Степанович. Столько лет прошло, а злоба из тебя так и брызжет.

— Прощения не дождётесь!

— Опять ты за своё, подполковник. Давай хоть час поговорим спокойно. Ты вчера мне так сердце разбередил, что я ночью глаз не сомкнул. С Таганрога бессонница меня не мучила. А тут воротилась проклятая. Чувствую, что есть в твоих словах правда. А вот какая — понять не могу. Расскажи мне, Гавриил, про восстание 14 декабря всё, что тебе известно. Ты же, вроде, не простым участником там был. Мне сказывали, что Трубецкой тебя даже в члены Временного правительства прочил. А докажешь мне свою правоту, сам тебе голову для отмщения подставлю. Коль захочешь. Иначе так и будем воду в ступе толочь и поговорить не успеем.

Декабрист согласно кивнул.

На улице снова была весна. Несмотря на ранний час, уже было видно, что день выдастся погожий. Выпавший за ночь снег растаял. С хмурого, затянутого мохнатыми тучами неба накрапывал дождь.

Батеньков выбежал из дома босой, в одних портах, и стал обтирать грудь и спину мокрым снегом. Процедура доставляла ему явное удовольствие. Завершив обтирание, старый декабрист упал грудью в снежную слякоть и стал отжиматься на руках.

Фёдор Кузьмич вышел из избушки и с одобрением посмотрел на гимнаста. Худощавое спортивное тело

с невероятной лёгкостью взлетало над землей, словно было невесомым. Только вздувающиеся жилы на руках и шее говорили о напряжении.

Батеньков закончил отжиматься и, ловко подкинув ноги вверх, встал на руки вниз головой. В таком положении, быстро переставляя руки, он стал кружить по поляне.

Когда гость остановился и вновь вернулся в привычное для человека положение, хозяин не удержался и похвалил его:

— Молодец! Где ты этому научился?

— В тюрьме.

Старец помолчал немного, но затем сказал:

— Изнеженное тело быстро стареет. И наоборот, человек, познавший лишения, не потакающий своей слабости, а преодолевающий её, так закаляет свой дух, что и плоть его становится как сталь. Это только глупые и ленивые люди считают, что старость — не радость. Правда же, Гавриил? Старость — это венец жизни, и от человека зависит, каким он подойдёт к этой черте: либо больной развалиной, либо умудрённым аскетом. Ещё древние греки говорили: предающийся излишествам не может обладать мудростью.

Раскрасневшийся от зарядки и обтирания бунтовщик согласно кивнул и добавил:

— Только я б всё равно не возражал скинуть годков так двадцать.

Старики переглянулись. Они поняли друг друга. В этот момент даже декабрист не испытывал ненависти к бывшему царю.

— Я скромного в доме не держу. Суп с грибами будешь? — спросил гостя старец.

— А я вообще мяса никакого не ем.

— Епитимью на себя наложил?

— Да ни в жизнь! Я ещё до такого истязательства себя, как вы, не дошёл. Само собой вышло. В молодости увидел, как рубили голову петуху. Он, уже безголовый, с плахи прыгнул и понёсся по двору, а из него кровь фонтаном брызжет и обагрят белый снег. А он, бедняга, всё носится, как угорелый, и не знает, что уже мёртв. Вот с той поры птицы и мяса не ем. Кусок в горло не лезет.

Поев с аппетитом грибного супа с сухарями и запив душистым чаем с разными таёжными травами, политический ссыльный совсем разомлел и проникся к хозяину даже некоторой симпатией. Убивать его больше не хотелось, но и расшаркиваться перед бывшим величеством Батеньков тоже не собирался.

— Вы спрашивали меня о 14 декабря? Так и быть, расскажу, что мне известно. Только от моих оценок тех событий вам легче не станет. Наоборот, я очень хочу, чтобы вы осознали, какую глупость тогда совершили.

— А, может, мне только это и надо. Ты об этом не думаешь?

Батеньков пожал плечами и начал свой рассказ:

— Когда в конце ноября 1825 года в Петербург пришли вести о вашей скоропостижной кончине в Таганроге, в большой церкви Зимнего дворца ещё служили молебен за ваше здравие. Церковь сразу опустела. Придворные, как тараканы, попрятались по щелям, испугавшись грядущих перемен. А ваш братец Николай, которого вы избрали в свои преемники, даже со страху опрометчиво принёс присягу другому вашему придурковатому брату — Константину. Бедняга, он каждый день посылал письма с курьерами в Варшаву, умоляя Константина Павловича приехать в Петербург, но тот лишь ограничивался отписками, что не

собирается вступать на престол, а если к нему и дальше будут приставать с подобными предложениями, то он вообще уедет куда-нибудь ещё дальше. Не к вам ли на встречу собирался великий князь?

Такое препирательство между Петербургом и Варшавой продолжалось две недели. Ваши братья не могли определиться, кому надевать корону. Ну и родня же у вас! А вы ещё о каком-то священном праве своей семьи на самодержавную власть говорите. Победа над Наполеоном была последним достижением вашей династии. Дальше — сплошное безумие и медленная агония. Романовы изжили себя. И им надо было просто мирно уйти. Жаль, что поняли это только вы!

Хотя Николай Павлович явно лукавил. Ему очень хотелось стать самодержцем всероссийским, но его авторитет в столице был ниже некуда. Измордованная каждодневной муштрой гвардия ненавидела своего бригадного генерала. Константина ей тоже не за что было любить, но он был далеко, в Варшаве, а если и успел насолить, то только полякам. А этот же солдатфон в столице опротивел очень многим. Представляете, когда на Государственном совете зашла речь о манифесте престолонаследия, который вы оставили, члены Государственного совета даже не хотели вскрывать этот пакет. Мол, у мёртвых нет воли.

Но бригадный генерал Николай Романов не удержался от соблазна. Поздно вечером 13 декабря он зачитал на заседании Государственного совета манифест о своём восшествии на престол.

Ну и кашу же вы заварили с этим престолонаследием! Лучшего повода для смещения вашей прогнившей династии и не придумаешь. Грех было им не воспользоваться. Ведь только солдатам сказали, что Николай устроил заговор и украл корону у законного

наследника Константина, их было уже не удержать. Московский полк в полном составе вышел на Сенатскую площадь, чтобы поднять на штыки самозванца.

Этот клоун, новоиспечённый император, даже пытался сам остановить идущий к Сенату лейб-гренадерский полк. А солдаты, добрые ребята, только гаркнули ему в ответ: «Мы за Константина!». И прошли мимо Николая.

На Сенатской площади солдаты стали стрелять по нему, но пули просвистели у него над головой. Рабочие с Исаакиевского собора стали бросать в Николая поленья, и он ретировался.

— Для него самого было удивительно, почему его не убили в тот день. Он уже представлял себя окровавленным и бесчувственным, как кончил свои дни наш отец — император Павел. В этом мне признался брат сам, когда мы встретились через десять лет. Если бы вам удалось тогда лишить Николая жизни, то восстание наверняка бы удалось. Почему вы этого не сделали, Гавриил Степанович? — прервал монолог декабриста старец.

Простой вопрос очень взволновал Батенькова. Он вскочил из-за стола и стал нервно ходить по келье из угла в угол.

— Да потому, что во главе стояли чистоплюи, вроде Трубецкого! Вы представьте: этот будущий диктатор даже не вышел на площадь! Полки ждали приказа на штурм Сената и Зимнего дворца, но его всё не было. После полудня на площади собралась и толпа штатских. Петербургская беднота была готова нас поддерживать. Но это испугало Трубецкого. Он боялся бунта черни больше, чем вас, Романовых.

Николай был нерешительным, но наши вожаки — ещё более.

Царь не выдержал первым и послал конницу. Но лошади скользили на обледеневшей брусчатке, и атака не удалась. Тогда Романов распорядился применить картечь.

У него было всего четыре орудия. Три на углу бульвара, где стоял сам Николай, и одно — возле канала, там командовал Михаил.

Палили с близкого расстояния, почти в упор. Первый выстрел угодил в карниз Сената, второй ударил в спину нашего каре. Началась паника и бегство. На площади осталось много убитых и раненых. Артиллеристы дали ещё один залп по толпе, когда солдаты и штатские бежали по Исаакиевскому мосту. Верные царю войска вступили на площадь.

Рассказчик осёкся, заметив на лице старца странную ухмылку. Он уже изготовился в очередной раз наброситься на него с кулаками и произнёс с угрозой:

— Чему возрадовались? Что кровь народная пролилась?

Поняв, каким будет продолжение, Фёдор Кузьмич поспешил успокоить гостя:

— Ты меня неправильно понял, Гавриил. Не над гибелью соплеменников я смеюсь, а над тем, как просто устроен наш мир. Однажды в Тильзите один энергичный новоявленный император мне рассказывал, как ещё во времена Французской революции он спас Директорию и усмирил бунт черни. Способ один и тот же — картечью по толпе. А ты говоришь «республика, конституция, парламент!» Если бы вы первыми додумались до картечи и победили, то стали бы тиранами ещё хуже нас. За нами была двухсотлетняя история правления и хоть какое-то осознание ответственности за судьбу империи. Вы же, перешагнув через кровь, освободились бы от всяких обязательств. Тогда бы вас

заботило только одно: как самим удержать власть, которую вы захватили.

— Неправда! — воскликнул декабрист. — Мы бы навели порядок в стране! Народ уже давно не нуждается в помазаннике божьем, в горностаевой мантии, ему нужен всего лишь выборный староста, который будет за жалованье служить ему верой и правдой.

— А не будет?

— Тогда изберём другого!

Старец улыбнулся, явно сомневаясь.

Батеньков вновь занервничал.

— Себя вспомните! Когда взошли на престол, сколько у вас было планов, стремлений! А в кого превратились после победы над Наполеоном? В самодура, душителя свободы, своей набожностью прикрывающего самые чёрные дела. Вы просто выдохлись! Никакой владыка не сможет править с полной отдачей четверть века! А будь эта должность выборная, правителем избрали бы другого, достойного человека.

— И ты думаешь, диктатор уйдёт просто так? Даже Наполеон понял несбыточность этой конституционной сказки и стал императором.

— А до чего ваша династия довела Россию, Александр Павлович? Вор на воре сидит и воров погоняет! — в сердцах воскликнул декабрист.

— Не называй меня так! — строго поправил его старец. — Тот человек давно умер. А меня зовут Фёдором Кузьмичом. Я всего лишь бродяга, не помнящий родства.

— Называйтесь, как хотите, — буркнул Батеньков. — Только жизнь вокруг от этого не изменится. Даже в Сибири, где никогда не было крепостного права, и то насадили свои воровские порядки. Каждое утро к дому губернатора стекаются купцы, чиновники, исправники,

чтобы вручить его жене подарки. А потом эти подарки продаются в специальной лавке. Задобрив губернатора, подносители разоряют поборами ремесленников, крестьян и туземцев. А попробуйте пожаловаться, из-бы спалят, запрягут жалобщиков в сани и сгонят с места — в таёжную глушь. Так было и при вашем царствовании, так и сейчас. Ничего не изменилось. Для вас, Романовых, законы — только красивая вывеска, чтобы прикрыть свои безобразия. Вы — главный тормоз в развитии России. Вы же ничего не делаете, а только упиваетесь властью, якобы данной вам Богом. Вы не лечите болезнь, а загоняете её вовнутрь. Но тем страшнее и ужаснее будет взрыв народного гнева, который сметёт вас с карты истории!

Фёдор Кузьмич собрался идти по воду. Он вылил оставшуюся в бадейке воду в кадуюшку и принёс из сеней коромысло и ещё одну бадью.

— Откуда воду-то носите? — спросил его гость.

— С реки. Есть тут неподалёку хороший родник. Но по снегу к нему не подобрёшься.

— Так и река-то не близко. Подниматься с поклажей по косогору в ваших летах, чай, нелегко. Давайте подсоблю.

— Что ж не подсобить, коль от доброго сердца, — согласился старец и передал гостю бадейку.

Хозяин избушки досконально изучил все подходы к реке, и до Чулыма они добрались быстро, ни разу не застряв в рыхлом подтаявшем снегу.

— Постой тут, — велел декабристу Фёдор Кузьмич, передал ему коромысло, а сам направился к польные.

То ли лёд так сильно подтаял за оттепель, то ли старец, увлечшись умными беседами, потерял бди-

тельность, только проломился под ним лёд, и он в мгновение ока ушёл с головой под воду.

Из полыньи вынырнула седая голова. Кузьмич барахтался среди льдин и безуспешно пытался ухватиться за края. Лёд крошился под его пальцами и обламывался.

Батеньков интуитивно подался вперёд на помощь.

— Не подходи! — прокричал старец. — Здесь лёд хрупкий. Провалишься! Кинь коромысло.

Но гость не послушался и подошёл ещё ближе, чтобы за коромысло самому вытащить утопающего.

Раздался треск, и он провалился в ледяную воду.

Их спасло коромысло. Ссылному удалось закрепить его на краях полыньи, и на нём он подтянулся, как на перекладине. Выбравшись на лёд, он перекинул деревянную дугу товарищу по несчастью и вытащил старца.

Париж. Июль 1815 года

В самый разгар жары австрийский министр иностранных дел Меттерних (ведь вновь делили наследство Наполеона) получил от русского царя довольно-таки странное приглашение на обед. Удивил адрес. Вместо Елисейского дворца, где по традиции поселился российский император, было указано ничего не говорящее канцлеру предместье. Но придворный вельможа привык уже к чудачествам монархов, поэтому прибыл точно по назначению и в указанный срок.

Особняк, куда его пригласили, располагался не так далеко, как показалось гостю вначале. От сада Елисейского дворца его отделяла стена, но и в ней была устроена калитка. И царю, чтобы попасть сюда, достаточно было прогуляться по благоухающему саду.

Российский государь уже поджидал гостя на скамейке во дворе особняка. Рядом с ним сидела худая невзрачная пожилая женщина с накладными волосами, одетая в очень простое платье.

— Я рад вас видеть, князь. Хочу представить вам баронессу де Крюденер*, мою новую духовную наставницу и хозяйку этого дома.

Меттерних учтиво поклонился и хотел поцеловать баронессе руку, но женщина испуганно спрятала её за спину. Князь смутился, но виду не подал, а затем увлёкся разговором с царём относительно нынешних видов на урожай винограда в провинции Бордо.

Вскоре хозяйка пригласила гостей к столу. Он был накрыт на летней веранде с видом на сад Елисейского дворца. Меттерних увидел на столе четыре комплекта столовых приборов и спросил у Александра:

— Мы ещё кого-то ждём?

Царь покраснел и ответил, смущаясь:

— Он для Господа нашего Иисуса Христа!

Теперь уже Меттерних не знал, что сказать.

— А-а-а! — протянул он, словно что-то понял в происходящем.

— Извините, князь, — сказал Александр. — У нас с баронессой время молитвы. Вы можете пока полюбоваться видом. А если хотите, присоединяйтесь к нам.

— Нет, спасибо, Ваше Величество, — поблагодарил благовоспитанный министр. — Я лучше подышу свежим воздухом.

Царь и баронесса вошли в дом, но через раскрытое окно князю было хорошо видно, как они опустились на колени перед распятием и стали молиться. До уха князя доносились лишь обрывки этой странной молитвы:

— ...благослови, Боже, победителя Эмия... помоги живому предисловию к священной истории...

Наконец обряд закончился, и они вернулись к заждавшемуся гостю.

Меттерних боялся, что на обед подадут лишь хлеб, которым Иисус когда-то накормил голодных, и какое-нибудь церковное вино типа кагора. Но его опасения оказались напрасными. В доме у баронессы была отменная французская кухня, и её повар постарался на славу. Поэтому после хорошей закуски и доброго вина первоначальное впечатление шока от увиденного в этом странном доме несколько стёрлось, и можно было начинать говорить о серьёзных вещах, для чего, собственно, министр сюда и приехал.

— Я бы очень хотел, Ваше Величество, чтобы под патронажем держав-победительниц был подготовлен всеевропейский договор о мире и сотрудничестве, который не только бы гарантировал незыблемость монархического строя в государствах, но надёжно уберёгал их от новых революций и войн, — высказал свою точку зрения австрийский дипломат.

— Я полностью согласен с вами, князь. И даже более. Я знаю, что нужно поместить в качестве краеугольного камня в фундамент будущего европейского миропорядка.

Меттерних весь превратился в слух.

— Интересно, очень интересно. И что же это такое, Ваше Величество?

Царь ещё немного помолчал и, только окончательно убедившись, что гость заинтригован до предела, вымолвил:

— Это Библия. Священное Писание.

Не дождавшись ответа, государь развил свою мысль:

— Применение заповедей Божиих не должно ограничиваться частной жизнью. Напротив, они должны управлять

волею царей и всеми их деяниями. Вечный закон Спасителя должен лечь в основу управления государствами и в международные отношения. Все христианские правители должны объединиться в Священный союз. Только так они смогут соединиться узами действительного и неразрывного братства, признать себя как бы единоземцами. А внутри своих владений государи будут управлять подданными и войсками, как отцы семейств.

Представитель Габсбургов* не знал, что и ответить на это предложение. Настолько далёким от реальной жизни оно ему казалось.

— Но, Ваше Величество, между христианскими народами так много различий. Право же, я даже представить себе не могу, чтобы католики, протестанты и православные забыли обо всех своих разногласиях и объединились.

— Вы ошибаетесь, мой друг, — ласково ответил Александр, словно он сам уже облачился в рясу священника. — В христианстве есть нечто более важное, чем различия в вероисповедании. Это само Священное Писание. Вот вечное. Будем вместе преследовать неверие. В нём корень зла. Будем сообща проповедовать Евангелие. Это великое дело. Я надеюсь, что когда-нибудь все вероисповедания соединятся. Но время ещё не пришло. Начнём же приближать его! И тогда не будет никаких войн и революций. Миром станет править Добро.

Меттерних заслушался сладкой речью русского царя, будто бы присутствовал на церковной службе. Но очень скоро опомнился от наваждения и учтиво произнёс:

— Я от всей души благодарю вас, Ваше Величество, за столь содержательную беседу. Я обязательно передам ваши предложения императору Францу. Они необычны, но заслуживают самого серьёзного изучения. А вам, баронесса,

большое спасибо за отменный обед. Очень рад знакомству с вами.

«Наивный чудак! И на этой религиозной химере он собирается построить новую Европу? — размышлял про себя князь, пока его коляска ехала по душным парижским улицам. — Или хитрый византиец готовит крестовый поход на Константинополь? Но это ему не удастся. Босфора русским не видать как собственных ушей. Зато набожность царя можно использовать в своих целях. Если хочет он Священного союза, пусть его получит. Но под сладким елеем богословских истин всё равно будет суровая правда жизни. Каждая нация за себя, а Бог за всех. C'est la vie!»*.

Не мне карать!

С амовластительный злодей!
« Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою гибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрёк ты Богу на земле...*»

Александр Павлович прочитал отрывок из рукописной оды и спросил графа Аракчеева, в гостях у которого в новгородском имении Грузино пребывал уже третий день:

— Скажите, Алексей Андреевич, неужели молодому поколению я представляюсь таким тираном, что они столь яростно и люто ненавидят меня?

— Ваше Величество, не принимайте близко к сердцу неуклюжий мальчишеский пасквиль. Этот жалкий рифмоплёт Пушкин на меня тоже написал эпиграмму. Её все мои враги тут же заучили наизусть. Подождите, дайте Бог памяти, сейчас вспомню... А, вот...

«Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести...»

Аракчеев подошёл к чайному столику, посмотрел на него и укоризненно покачал головой:

— Зря вы не едите, это совсем плохо. Чай уже остыл и ваши любимые поджаренные гренки тоже. Не надо так убиваться, Ваше Величество, слезами горю не поможешь. Бог дал, Бог взял. Всё в руках Божьих. Княжну Нарышкину не воскресить. Лучше помолитесь за упокой её невинной девичьей души.

— Я и так часами молюсь за неё, мой друг. Но за что небеса так суровы ко мне? Я легче пережил гибель законных малолетних детей. Хотя каких законных? Тебе ли не знать всей моей семейной драмы! Отцом Марии был Адам Чарторыйский, Лизы — Алексей Охотников. Да ладно об этом. Но смерть Софьи в самый канун её свадьбы с князем Шуваловым меня потрясла до глубины сердца. Это же моя кровинушка, Алексей! Моя родная доченька! Умница! Красавица! И её Господь отнял у меня. Вот она, кара Господня за мой юношеский грех! Я взошёл на трон, переступив через труп собственного отца. Я должен страдать! Я готов претерпеть любое наказание. Но причём здесь Софи? Нет мне прощения! Прости меня, Господи, за все мои преступления! Прости меня, моя дорогая, моя маленькая Софи!

Последние слова государь произносил уже стоя на коленях перед иконой Спасителя. Хозяин намерился уйти, чтобы оставить своего высокопоставленного гостя наедине с его горем, но царь его остановил, встал с колен, вытер слёзы и спросил:

— А где сейчас этот Пушкин?

Благо, на память глава Собственной канцелярии Его Величества не жаловался.

— Его ещё четыре года назад его отправили в ссылку на юг, чтобы он вдали от столицы задумался, о чём можно

писать, а о чём нет. Служит по линии Министерства иностранных дел, кажется, в Кишинёве.

— Распорядитесь, чтобы Пушкина уволили со службы. Мне не нужны такие помощники, — твёрдо и громко высказал царь свою волю, а про себя добавил: «Обо мне он может сочинять любые нелепицы, но радоваться погибели моих детей — это уже слишком».

Только через двое суток государь, сильно исхудавший, с тёмными кругами под глазами, вышел из гостевой комнаты к обеду.

Настасья, так звали любовницу графа, заправлявшую всеми делами в имении, на всякий случай поставила прибор для дорогого гостя и не ошиблась.

Обедали втроем. Царь, хозяин и Настасья.

Несчастливого в браке Алексея Андреевича с домоправительницей, полной и рябой, но очень чувственной женщиной, связывали долгие годы нежной дружбы и совместной жизни, как Александра Павловича с княгиней Нарышкиной, матерью покойной Софи. Поэтому ни о каком стеснении присутствием дамы не могло идти и речи, мужчины говорили прямо и открыто, словно были одни в рабочем кабинете.

Находясь ещё под впечатлением недавнего разговора о Пушкине, царь первым спросил своего негласного премьер-министра о тайных обществах:

— Что, заговорщики по-прежнему готовят переворот?

— Да, Ваше Величество, червь французского вольнодумства подтачивает устои православного государства. Мои осведомители доносят, что тайных обществ, по меньшей мере, два: Южное и Северное. Южане настроены более радикально. Они — сторонники вооружённого переворота

и установления революционной диктатуры. Руководит ими полковник Павел Пестель.

— Герой войны 1812 года?

— Так точно, Ваше Величество. Во главе Северного общества стоит капитан гвардии Никита Муравьёв*. Планы северян более умеренные. Они не хотят окончательно свергнуть самодержавие, но намерены сделать из императора верховного чиновника, который бы получал из казны большое жалованье. А всем в стране, по их мнению, должно заправлять Учредительное собрание.

— Господи, какие же они наивные! — в сердцах воскликнул царь. — Да нельзя народ освободить больше, чем он сам себя чувствует свободным изнутри!

— Истину глаголят ваши уста, государь! — вставила своё веское слово домоправительница. — Крепостные, они ж, как дети малые, сами не знают, в чём их счастье. Третьего дня посватался к моей дворовой девке Агафье купец второй гильдии. Человек уже немолодой, но весьма состоятельный. Хороший выкуп за неё давал. А она, дура, ни в какую! Мол, люблю Ваську-конюха, и никакое мне богатство не нужно.

— Ну это вы уж чересчур. Сердцу ведь не прикажешь, — вскользь заметил Александр Павлович.

Настасья ещё хотела сказать что-то, на её взгляд, важное, но граф перебил её.

— Прикажете арестовать заговорщиков, Ваше Величество? — вернул он разговор в русло большой политики.

— Ни в коем случае, Алексей Андреевич! — воспротивился царь. — Разве мы с вами в их возрасте не жаждали перемен? Это же возрастное. Оно пройдёт. Правильно говорят англичане: кто в двадцать лет не был романтиком — у того нет сердца, а кто в сорок не стал консерватором —

у того нет ума. Глядишь, сами образумятся. Только следите за ними и не давайте натворить глупостей. Если же мы их сейчас всех арестуем, то придётся, чтоб другим неподобно было, их примерно наказать. А вот этого я как раз и не хочу. Ибо не мне подобает карать! Лучше расскажите, как продвигается административная реформа. Как там дела у Балашова с его округом?

Аракчеев привык к неожиданным перескокам государственной мысли с одной темы на другую.

— Похоже, надолго завяз наш бравый генерал в центральных губерниях. В своих донесениях жалуется на воровство в городах и грабежи на дорогах, на безграничную власть помещиков и на неповиновение им крестьян, на произвол местных чиновников и волокиту в судах. Умоляет усилить местное управление просвещёнными чиновниками из Санкт-Петербурга.

— Где ж я ему найду таких! Да если б у меня было хотя бы полсотни таких людей, то я, не мешкая ни минуты, заменил бы всех губернаторов, и все проблемы с управлением решились бы сами собой! Мы для чего собрались объединять губернии в округа, не от хорошей же жизни, а оттого, что толковых людей днём с огнём не сыщешь. Ну, 8—10 просвещённых сановников, по одному на округ, может быть, и найдём, а больше — ни-ни. Передайте Балашову, пусть сам, как хочет, выкручивается, ищет надёжных людей на местах. А что с военными поселениями?

— Со скрипом, но дело продвигается. Это очень перспективное начинание, государь. Соединить в одном лице землепашца и воина. Если нам удастся на окраинах империи повсеместно организовать такие поселения, считай, безопасность границ гарантирована.

Вдруг в сенях раздался какой-то шум. Кто-то вначале громко выругался, потом завопил благим матом.

— Пойди, узнай, что случилось, — послала хозяйка горничную.

Девка вскоре вернулась, вся испуганная, и стала что-то быстро шептать на ухо госпоже.

— Что-то серьёзное? — поинтересовался государь.

— Нет, Ваше Величество, не извольте беспокоиться! Это наши дворовые дела. Девка Агафья, про которую я вам давеча рассказывала, взяла сдуру да повесилась в амбаре. Теперь вот жених её бузит, грозитя меня жизни лишить. Но ничего, я на этого смутьяна управу-то найду! — заявила любовница второго человека российского государства.

— И что Вы будете делать с этим конюхом Васькой, граф? — спросил царь Аракчеева, когда они после обеда остались на веранде одни и любовались закатом. — Отдадите в солдаты?

«Серый кардинал» затянулся дымом из трубки, выпустил изо рта колечко и ответил:

— Посмотрю на его поведение. Пускай пока посидит в сарае и переберется. Знаете, Ваше Величество, русский мужик насколько вспылчив, настолько и отходчив. Найдёт себе другую девку. А конюх он хороший. Жалко такого отпускать.

— А я, граф, за эти дни всякого уже передумал. Со смертью Софьи оборвалась последняя нить, связывавшая меня с жизнью. Нет, физически я здоров и во многом чувствую себя гораздо лучше, чем десять лет назад, но ржа разъедает меня изнутри.

При этих словах государь показал на грудь, туда, где сердце.

— Ведь мне сейчас столько же лет, сколько было моему батюшке, когда он погиб. Похоже, что и срок моего царствования тоже подходит к концу...

— Побойтесь Бога, государь!

— Не перебивай меня, граф, а то вообще не скажу, что я надумал за эти дни, пока оплакивал Софи. Не волнуйся, руки на себя не наложу. Я же христианин. Речь пойдёт о другом...

Александр Павлович замялся, затем так резко встал с кресла-качалки, что оно ещё долго потом качалось взад-вперед, подошёл к бордюру и сказал:

— Я намереваюсь, мой друг, по собственной воле и без принуждения отречься от престола и прожить остаток жизни как частное лицо.

Аракчеев потерял дар речи от такого признания.

— Но, Ваше Величество... История не знает подобных примеров!..

Он поперхнулся дымом и закашлялся.

Александр Павлович подошёл к своему старому товарищу и с силой похлопал ладонью по его спине. Кашель понемногу отступил.

— Вы ошибаетесь, граф. В Древнем Риме был такой император Диоклетиан. Он добровольно отказался от власти и удалился в своё дальнее имение. Когда римляне прислали к нему делегацию с просьбой вернуться на трон, то застали его за возделыванием огорода. Их император был счастлив, показывая своим гражданам, какую он вырастил капусту.

— Но это же почти миф, государь! В современной истории вы таких примеров не найдёте!

— А что мне история, граф? Я всегда творил её сам, — высокомерно заявил царь, но потом, похоже, вспомнив, у кого он перенял эту заносчивость, смиренно добавил:

— С Божьей помощью, конечно. Жаль, что англичане отравили беднягу Наполеона. Это был достойный противник. Схватка с ним придавала смысл всей моей жизни.

Обескураженный граф не знал, что и ответить. Император тем временем продолжал:

— Всё когда-нибудь бывает впервые. Вы думаете, что я не вижу, как пронырливый Меттерних водит меня за нос со Священным союзом? Потакая моей набожности на словах, на деле он насаждает в Европе худшие порядки, чем были до пришествия Наполеона. Я никогда себе не прощу, что послушался этого хитрого лиса и не помог грекам, восставшим против османского ига. Есть пределы добродетельному терпению христианина. Даже в международных делах. Знаете, граф, в чём была моя ошибка? Я хотел установить мировое торжество христианских добродетелей. Но невозможно переделать мир, не изменив самого себя. А может быть, и не надобно вовсе никаких реформ? Пусть этот мир несправедлив по самой своей природе, но если каждый просто станет поступать по совести в своём ближнем кругу, может, тогда и наступит царство Божие на земле? Поймите, Алексей Андреевич, в самой моей душе покоя нет. Иногда я так истово верю в Бога, что не могу понять цинизма и неверия других, а порой сам пускаюсь во все тяжкие, а потом снова каюсь в грехах перед Создателем. Моя душа всё ещё находится в поиске, она стремится найти дорогу к Богу, иногда ей даже кажется, что она встала на путь истинный, но это только кажется. Я хочу обрести душевный покой. Я устал от власти. Я отдал ей почти четверть века своей жизни. И солдату после двадцати пяти лет службы дают отставку. Тем паче царю.

— И как вы себе представляете эту процедуру, государь? — задал конкретный вопрос Аракчеев.

Александр Павлович задумался, прошёлся по веранде и честно признался:

— Я пока не решил, как и когда это лучше сделать. Об этом, кстати, и хотел посоветоваться с вами, граф.

— Но кого бы вы видели вместо себя на российском престоле, Ваше Величество? Наследника у вас нет. Заговорщики только и ждут удобного случая, чтобы поднять восстание.

— Не волнуйтесь, граф, никакой республики в России не будет. У меня нет детей, зато есть братья. Да, я знаю, что Константин непригоден для верховной власти. Он слишком вспыльчив, слишком неуравновешен, как наш отец. К тому же, вопреки интересам династии женился на простолудинке. Мне и самому нравятся польки, но не до такой же степени! А что вы думаете о Николае?

Аракчеев размышлял. Он уже не раз задавался этим вопросом — кто придёт на смену Александру? Лучшей кандидатуры, чем великий князь Николай Павлович, российский Ришелье не находил. Конечно, у Романова-младшего не тот полёт мысли, как у старшего брата, зато имеется врождённое стремление к порядку и субординации. Именно эти качества сам Алексей Андреевич очень высоко ценил в людях. Граф не сомневался, что он легко докажет свою полезность новому монарху, более того, даже упрочит свои позиции при дворе.

— А не молод ли Николай Павлович для трона?

— Полноте, граф, я был куда моложе, когда взошёл на престол. Напротив, молодость брата — это его плюс. Он в силу своих лет способен ощущать требования времени, чего уже нельзя сказать обо мне и о Константине.

Аракчеев смешался. Чувствовалось, что он ещё хочет спросить нечто важное, но не решается. Царь заметил его колебания и приободрил министра:

— Задавайте любые вопросы, граф. Сейчас мы беседуем без церемоний.

— Хорошо, государь. Это, конечно, может быть, не моё дело. Но в последний год царствования вашего батюшки при дворе ходили слухи, что его младшие сыновья Николай и Михаил — рождены вовсе не от него. Их отцом якобы является генерал Фёдор Петрович Уваров. Вы не боитесь оставлять трон человеку, который, возможно, приходится вам братом лишь наполовину, по материнской линии?

Царя вопрос от души развеселил. Он рассмеялся звонко и открыто, как в былые времена, и ответил без всякого сожаления и раздражения:

— Да если бы жёны всех Романовых хранили верность своим мужьям, наш род давно потерял бы право править Россией. Тогда на престол всходили бы одни немцы. А так всё в порядке. Вот мой родной дед, например, по одной версии, граф Салтыков, а по другой — вообще безродный крестьянин из финской деревни. Ну и что из того, что у Николаши отец — не Павел, а Уваров. Ему же лучше. Меньше дурной наследственности!

Тёплым ранним вечером, какие случаются в Санкт-Петербурге в самом начале сентября, когда лето уже устало править бал, а осень ещё не вступила в свои права, у ворот Александро-Невской лавры остановилась коляска, запряжённая тройкой гнедых лошадей. Из неё ловко выпрыгнул высокий моложавый офицер в лёгкой походной шинели и фуражке, но без шпаги, и направился широким шагом к поджидавшим его священникам.

Митрополит Серафим, архимандриты и остальная монашеская братия, по случаю приезда высокого гостя облачённые в парадные одеяния, склонили свои головы в

поклоне. Приезжий, в свою очередь, тоже поклонился в ноги митрополиту и приложился к кресту. Владыка Серафим окропил гостя святой водой и благословил его.

— Я хотел бы, чтобы отслужили молебен по поводу моего отъезда, — попросил царь.

— Пойдёмте в храм, государь, — сказал Серафим и направился в церковь.

Александр Павлович в окружении других священнослужителей последовал за ним.

В соборе император остановился перед ракою святого Александра Невского. Начался молебен.

— Положите мне Евангелие на голову, — попросил государь митрополита и встал на колени.

Закончив молитву, Александр поднялся, трижды поклонился мощам святого тезки и поцеловал его образ.

— Ваше Величество везде жалуёт схимников. В нашей лавре ныне проживает такой. Не соблаговолите ли позвать его? — спросил митрополит царя, когда они выходили из церкви.

— Хорошо, позовите, — согласился император, но тут же добавил: — Нет. Лучше проводите меня к нему в келью. Я хочу посмотреть, как живёт схимник.

Митрополит дал знак монахам, и в руках двоих из них тут же появились факелы.

— Придётся спуститься в подземелье, государь, — пояснил владыка.

Они долго шли по тёмным коридорам, спускались вниз по крутым лестницам в самое чрево земли, откуда пахло плесенью и смертью. Наконец митрополит остановился возле сколоченной из грубых досок двери, преграждавшей вход в какую-то нору.

— Здесь и живёт достопочтенный старец Алексей, — почтительно произнёс митрополит, открывая дверь в преисподнюю.

Вначале царь ничего, кроме блеклого света свечи перед образом Иисуса Христа, не увидел. Но затем, когда глаза привыкли к темноте, разглядел жалкое убранство кельи. На земляной стене висело несколько икон. На почерневшем от старости и сырости деревянном столе лежала раскрытая Библия и ещё несколько церковных книг, описывающих жития святых.

— А где старец спит? — спросил царь. — Я не вижу постели.

Но ему ответил не Серафим, а какой-то надрывный голос из тёмного угла, словно он доносился из-под земли:

— Нет, государь, у меня есть постель. Подойди поближе, я тебе её покажу.

Александр пошёл на зов и, увидев ложе старца, ужаснулся. Это был чёрный гроб. В нём лежали схима, свечи и другие необходимые для совершения обряда погребения вещи.

— Смотри, — сказал высохший и сторбленный старец. — Вот постель моя. И не только моя. А постель всех нас. В неё все мы, государь, ляжем и будем долго спать.

В Таганрог он приехал лишь спустя три недели, опередив царицу на несколько дней. Удивительное дело, но дальняя дорога более утомила императора, чем больную императрицу, ради поправки здоровья которой царская чета и пустилась в столь длительное путешествие.

Поселились супруги в небольшом доме на высоком берегу залива, назвать его дворцом можно было лишь с большой натяжкой, зато из него открывался отменный вид на гавань.

На южных фруктах царь быстро восстановился с дороги, и вскоре его было уже не удержать у семейного очага.

С раннего утра денщики седлали ему гнедого жеребца. И государь подолгу объезжал его, уносясь в бескрайние дали донской степи.

После обеда Александр Павлович и Елизавета Алексеевна совершали совместные длительные прогулки, рука об руку, как в старые добрые времена. В хорошую погоду — к морю, а в ветер и слякоть просто сидели в беседке и подолгу разговаривали меж собой. Фрейлины не могли налюбоваться на эту семейную идиллию и радовались, что в венценосной семье, наконец, воцарилось взаимопонимание.

— Они полагают, что у нас медовый месяц. Это после тридцати двух лет кошмарной совместной жизни. Им даже невдомёк, что, когда решение принято и все мосты сожжены, гораздо легче общаться.

— Но, может быть, вы всё-таки передумаете? Ещё не поздно.

— Сколько вам можно повторять, сударыня: я своих решений не меняю! — вспыхнул царь и уже поднялся, чтобы уйти из беседки.

— Вы снова думаете только о себе! — воскликнула царица ему вслед. — Вы пойдёте путем искупления, будете замаливать свои грехи, а что прикажете делать мне?

Он остановился на самом выходе, обернулся и произнёс казённым голосом:

— Это решать вам, сударыня. Или вы забыли, что уже давно живёте своей жизнью, не имеющей с моей ничего общего? Комедия, которую мы с вами разыгрываем для окружающих, в наших отношениях ничего не меняет. Я уже однажды пережил трагедию потери супруги, которую любил. Все мои прежние чувства к вам похоронены

глубоко под землёй. И я не намерен заниматься осквернением могил.

Елизавета Алексеевна сидела на скамейке с каменным лицом и нервно тербила в руках зонтик. Она никак не ожидала от мужа такой строгой отповеди. На глазах её заблестели слёзы.

Чего-чего, а рыданий женщины Александр Павлович спокойно перенести не мог. Видя, что царица вот-вот расплачется, он вернулся к ней, сел рядом на скамейку и примирительно сказал:

— Ну, будет плакать. Извините, я погорячился.

Но было поздно, слёзы уже ручьём текли из её глаз, а плечи содрогались от рыданий. Вытирая мокрые глаза шёлковым платком, женщина уткнулась в грудь мужа. И ему ничего не оставалось, как гладить её поседевшие волосы.

— Я же не виновата, что нас обвенчали в подростковом возрасте, когда ни вы, ни я даже понятия не имели, что такое любовь. Да, я искала любовь, но искали её и вы. Простите меня, Александр. Простите за всё. Я сломала жизнь и вам, и себе, и нашим так рано ушедшим детям. В моей душе тоже нет покоя, и она так же жаждет искупления.

Царь внимательно слушал жену, а затем, по-прежнему поглаживая её голову, ответил:

— Адам Чарторыйский — мой верный друг! Как вы могли? Но ваша и Чарторыйского дочь Мария прожила недолго. Господь призвал её к себе в младенчестве. И тогда вы завели роман со штаб-ротмистром Алексеем Охотниковым. Ваша дочь Лиза была от него?

— И вы приказали заколоть бедного юношу. За что? Вы же меня уже не любили? — тихо спросила царица.

— А вы бы ещё от кучера родили мне наследника! — вспыхнул государь. — Вы и только вы виновны в гибели

этого несчастного офицера! Вы обманули его, использовали, как племенного быка. Не хватало еще, чтобы я давал свою фамилию и отчество чужим детям!

— Как вы жестоки!

— Хорошие были учителя! Я долго не мог понять, почему это случилось именно со мной, за что мне такое наказание. Ладно, если бы это произошло после гибели отца, я мог бы принять это как Божью кару за мой грех. Но батюшка был жив и даже сам ещё не вступил на престол. Вначале я во всём винил вас, потом себя и только лет десять назад, после разгрома Наполеона, понял, что в этом не виновен никто: ни вы, ни я! Это было испытание, ниспосланное нам.

— Но я же ничего не имела против ваших связей с другими женщинами, — сказала в своё оправдание царица.

— А что вам ещё оставалось делать? Я нуждался в том, чего вы не могли мне дать. Я не мог жить без любви. Я испытывал потребность в том, чтобы меня любили, а не просто терпели моё присутствие рядом и отдавали мне своё тело, словно исполняли тяжкую повинность. Каждое растение тянется к солнцу, так и всякий человек тянется к любви. Бог есть любовь. Только вдумайтесь в это, и вам сразу всё станет ясно. По вашему поведению я не испытываю ни малейшего желания в покаянии. Мы прожили свою жизнь, может быть, не так счастливо, как хотелось бы, не нажили детей, но зато оказались честными перед своей природой. Каждый из нас искал свою любовь, в которой нуждался. Я не держу на вас зла. А если вы испытываете потребность в покаянии пред Богом, то это — ваш выбор, и я его уважаю.

— Спасибо, — еле слышно прошептала царица.

— Не стоит благодарности, — буркнул Александр Павлович, но тут же примирительно добавил. — Уже

смеркается. А на море поднимается буря. Пойдёмте-ка лучше в дом, сударыня. Ещё не хватало, чтобы мы на самом деле простудились и заболели. Это совсем не входит в мои планы.

Тем временем в Петербурге уже чувствовалось приближение зимы. После прошлогоднего наводнения, когда Нева вышла из берегов, затопила половину столицы, и погибло более пятисот человек, все городские службы были приведены в состояние повышенной готовности на случай нового нашествия стихии. Следить за уровнем воды в реке обязали даже городских. Те, хоть и роптали на начальство, но дело своё делали исправно.

Промозглым октябрьским вечером, когда с Балтики дул особенно сильный ветер с дождём и снегом, в доходном доме на Фонтанке встретились два господина. Один — пожилой в генеральском мундире, другой — средних лет. Элегантный костюм, сшитый явно не в Петербурге, и лёгкий акцент выдавали в нём иностранца. Единственное, что объединяло этих господ, были длинные, почти до самого подбородка, бакенбарды. Оба они курили, сидя подле камина и глядя на огонь. Правда, пожилой предпочитал трубку, а иностранец — сигары. Рядом с каждым на ажурном столике стоял маленький стаканчик, наполненный до половины янтарной жидкостью.

— Как вам понравился виски, господин граф? — спросил генерала иностранец.

— Это божественный напиток, господин Шервуд. Шотландцы, как и русские, разбираются в крепких напитках. Это нас объединяет.

— Именно поэтому вы обратились за помощью в организации столь деликатного предприятия именно к нам,

британцам? — Шервуд мягко перешёл к главной теме предстоящего разговора.

— Не только. Мне импонирует английская немногословность. Ведь рыцари туманного Альбиона умеют держать язык за зубами. А в данном деле конфиденциальность является решающим фактором. Ведь на карту поставлена репутация двухсотлетней императорской династии и честь огромной страны. Вы понимаете всю ответственность миссии, за которую берётесь?

— Обижаете меня, граф. В семействе Шервудов всегда служили верой и правдой своим государям и при этом умели держать язык за зубами. Однако хотелось бы, чтобы эти наши полезные качества находили достойное вознаграждение.

— На этот счёт можете быть спокойны, господин дипломат. Все ваши затраты будут щедро компенсированы из казны императорского дома Романовых.

Англичанин сделал маленький глоток из своего стаканчика и поставил его на столик.

— Но у меня есть ещё одно условие, граф.

— И какое же, позвольте полюбопытствовать?

— Мои братья и я должны быть уверены в том, что смена власти в России не принесёт вреда интересам Британской империи.

Генерал отложил в сторону погасшую трубку и сказал:

— Что мне нравится в англичанах, так именно ваша педантичность и скрупулёзность. Прежде чем за что-то взяться, вы тысячу раз проверите задуманное со всех сторон. Но уж решившись на что-либо, никогда не свернёте с намеченного пути. Этого же я хочу для России. Наша бедная страна уже устала от половинчатых решений. Государь Александр Павлович с возрастом стал таким же непосто-

янным и неуловимым, каким был его отец Павел. Сегодня он один, завтра — другой, послезавтра — третий. А настоящие дела государства требуют от монарха чёткой и внятной политики.

— Ответьте мне честно, граф. Для меня это очень важно. Император Александр на самом деле хочет инсценировать собственную смерть и жить как частное лицо, или же это часть какого-то постороннего коварного замысла?

Генерал искренне развёл руками от удивления.

— Помилуйте, господин дипломат, кто нашего государя может заставить сотворить что-то против его воли? Вы же знаете, насколько он своенравен и упрям.

— Но тогда я вообще ничего не понимаю. В моей стране короли никогда не уходили с трона сами.

— А в России вот цари уходят. Такая у нас загадочная душа. И не ломайте над этим голову, голубчик, всё равно не поймете. Вы в курсе, что у нас готовится революция?

Глаза Шервуда округлились от удивления, и он отрицательно помотал головой.

— Европа ещё не оправилась от последствий французской революции, а тут нате — лапотная Россия на подходе. Но лягушатники, люди цивилизованные, и то каких дел натворили. А теперь только представьте себе беспощадный русский бунт, тщательно раздуваемый дворянскими перерожденцами. Мало никому в Европе не покажется! Даже вашей стране, хотя она и расположена на острове. Бунт в России парализует всю внешнюю торговлю. Я не думаю, что это входит в интересы вашего правительства. Я уже несколько раз подходил к императору Александру с просьбой незамедлительно арестовать зачинщиков готовящегося переворота. Но царь ведёт себя чрезвычайно нерешительным образом и всё твердит «не мне карать, не

мне карать». Мол, за годы его правления в России не было ни одной смертной казни по политическим мотивам. И потом, этот его мистицизм, крайняя набожность. Канцлер Меттерних, напуская библейского туману на российского самодержца, ловко этим пользуется. Вашей стране нужна сильная Австро-Венгерская империя, отхватившая себе уже половину Европы?

Англичанин вновь вынужден был согласиться с доводами генерала.

— Я ответил на все ваши вопросы? — спросил русский.

— Да, господин граф.

— Теперь я, в свою очередь, хотел бы узнать, каковы ваши планы?

— О! — воскликнул иностранец. — У нас всё готово. Мой брат Роберт находится с яхтой вблизи греческого острова Крит и должен со дня на день взять курс на Константинополь. Максимум через пару недель он будет в Таганроге. Яхта надёжная, одна из лучших в британском морском клубе. Выдержит любое, самое длительное морское путешествие. Вы уже окончательно определились с маршрутом?

— Наш царь желает в первую очередь совершить паломничество в Святую землю, преклониться гробу Господню и другим христианским святыням. Но, зная беспокойный нрав императора, я думаю, что ему там скоро надоест, и он захочет новых впечатлений. Государь — уже не юноша. Длительные путешествия могут сильно подорвать его здоровье. А плаванье по морям и океанам — дело весьма опасное. Никто из нас не застрахован от превратностей судьбы. России два царя не нужны. Но, с другой стороны, пока Александр Павлович будет жив, вы будете получать деньги на его содержание и продолжение путешествия.

Так что решайте сами, как вам лучше поступить. У вас же, кажется, есть ещё один брат?

— Да, младший. Джон, или, по-вашему, Иван. Он служит российскому императору в уланском полку и готов по первому же вашему приказу отправиться с донесением к государю. Кстати, вы подобрали двойника?

— Обижаете, господин Шервуд. И даже не одного. Первый — это фельдъегерь Масков. Ему уже приказано завтра к восьми утра явиться ко мне в Собственную канцелярию Его Императорского Величества для получения депеш. Я распоряджусь, чтобы вашего брата откомандировали вместе с Масковым. Вы его уже предупредили, что ему предстоит сделать?

— Да. Во имя блага императора Александра он готов пойти на всё, даже на преступление.

— В крайнем случае, если у вас что-то с Масковым не сладится, имейте в виду, в самом Таганроге в третьей роте Семёновского полка служит унтер-офицером некто Струменский. Он, как и Масков, похож на императора. Солдаты даже в шутку прозвали его Александром Вторым. По всем щекотливым вопросам ваш брат должен обращаться к начальнику главного штаба генерал-адъютанту Дибичу. И ни к кому более. Запомните и своему брату строго-настрога накажите: государь ни в коем случае не должен догадаться, что гибель этих людей подстроена. Для него это должна быть чистейшей воды случайность, воля Господа. Только тогда царственный мистик решится осуществить задуманное.

Генерал попросил ещё виски. Шервуд охотно поухаживал за гостем. Они выпили вместе, не чокаясь, после чего сановник добавил:

— Всё же неисповедимы пути Господни. Чтобы возвести этого человека на трон, пришлось умертвить его отца.

А чтобы он благополучно сошёл с трона, предстоит погибнуть ещё нескольким безвинным людям. И всё это надо делать тайком, чтобы не ранить чувствительную натуру.

В дверь постучали.

— Войдите, — отозвался англичанин.

В комнату, виновато кланяясь, что прервал важную беседу, вошёл здешний лакей.

— Прошу прощения, господин Шервуд, но к его сиятельству прибыл гонец из его имения. Говорит, что по очень срочному делу. Извольте впустить?

Дипломат вопросительно посмотрел на генерала. Тот встал и сам распорядился:

— Пусть войдёт.

А с собеседником поделился тревогой:

— Что у них там стряслось в Грузино?

— Беда, ваше сиятельство! — с порога прокричал мужик в забрызганном грязью армяке. — Управительницу, зазнобу вашу, Алексей Андреевич, мужики насмерть зарезали.

Аракчеев побледнел, подошёл к столику и сам, не спросив дозволения хозяина, налил себе полный стакан виски и выпил его одним залпом.

— Возвращайся, любезный, домой и распорядись насчёт похорон. Я тоже завтра приеду. Только доделаю одно дело.

Он резко отвернулся от гонца. Присел на стул и тихо, с невероятной скорбью в голосе произнёс: «Куда ж ты ушла от меня, свет моих очей, моя голубица, Настасьюшка, на кого ж ты меня покинула?..»

Инспекционная поездка по Крыму уже подходила к концу. Накануне утром император с малой свитой выехал из Евпатории, переночевал в Перекопе и вот предпоследний

перегон. Затем ночёвка в Мариуполе. А там и до Таганрога рукой подать.

Лошади устали, но до ближайшей станции в Орехове, где их можно было сменить, оставалось ещё верст пятнадцать, когда на горизонте бескрайней приазовской степи появились два всадника. Полковник-кавалерист, возглавлявший кортеж, выслал вперёд дозорных — узнать, кого это несёт нелёгкая. Встреча с крымчаками, вольными запорожскими казаками или другими лихими людьми в здешних местах была не редкость. А бережёного, как известно, Бог бережёт. Особенно, если он царских кровей.

Но тревога оказалась ложной. Это были вовсе не разбойники, а гонцы аж из самого Санкт-Петербурга.

Государь издали увидел знакомое лицо и широко, радушно заулыбался.

— Старина Масков, давно я тебя не видел! И как же это ты нас умудрился отыскать? Вот что значит настоящий фельдъегерский нюх. А это кто с тобой?

— Унтер-офицер 3-го Украинского уланского полка Шервуд, Ваше Величество. С личным посланием от графа Аракчеева, — звонким голосом доложил юноша.

Лицо императора на миг стало задумчивым, а потом озарилось ещё большей улыбкой.

— Рад познакомиться с вами, молодой человек! Я очень высокого мнения о вашем брате. Он служит британской короне по дипломатической линии, не так ли?

— Так точно, Ваше Величество! Почту за честь служить вам верой и правдой!

— Давайте ваши депеши, господа, и присоединяйтесь к нам.

Масков и Шервуд вручили государю конверты, но вставать в колонну не спешили.

— Ваше Величество, нас в Таганроге просили с оказией доставить письма до Перекопа. Мы мигом туда и обратно, а в Мариуполе вас догоним, — объяснил Шервуд.

— Тогда не буду Вам мешать. До скорой встречи в Мариуполе! — пожелал доброй дороги гонцам император.

Кортеж тронулся в одну сторону, а всадники поскакали в другую.

Когда колонна скрылась из виду, Шервуд перевёл своего коня с галопа на рысь и крикнул товарищу:

— У меня седло ослабло. Надо поправить.

Бывалый фельдъегерь тут же спешился и подошёл вплотную к унтер-офицеру, остававшемуся в седле, и подёргал ремни:

— Славно сидит. Туже не надо.

Это были последние слова в его жизни. Страшной силы удар эфесом сабли обрушился сверху на его плешивую голову. Старый фельдъегерь даже успел услышать, как проламываются кости его черепа. И упал замертво. Убийца соскочил с коня, поднял с земли бездыханное тело и водрузил его на лошадь жертвы. Затем повернул в обратную сторону и поспешил вдогонку за царским кортежем.

— Эх, Масков, Масков... — удручённо произнёс император, склонившись над телом фельдъегеря на станции в Мариуполе. — Как же это случилось?

— На крымчаков нарвались, — как можно правдоподобнее соврал Шервуд. — Насилу ушли от погони. И вдруг его лошадь на полном скаку угодила копытом в глинистую кочку. Фельдъегерь не удержался в седле, перелетел через круп лошади, упал головою на землю и остался на месте без движения. Я вначале подумал, что это крымчаки его

подстрелили. Но потом, когда осмотрел тело, понял, что это он сам ударился о камень. Да и татары нас больше не преследовали.

Государь посмотрел прямо в глаза унтер-офицеру. Но в ясном и чистом взоре молодого человека не было и намёка на ложь.

— Значит, само провидение на моей стороне, — сделал вывод царь. — Завтра с зарёй выезжаем в Таганрог. Теперь главное, чтобы яхта пришла вовремя.

— Не волнуйтесь, Ваше Величество, мой брат Роберт — искусный мореход. Наверняка он нас уже ждёт в Таганроге.

Но Иван Шервуд ошибся. Яхты не было ни в день их приезда, ни на следующий. Тело фельдъегеря начало разлагаться, поэтому его пришлось в срочном порядке похоронить, дабы в холодной сырой земле оно лучше сохранилось до востребования.

Прошёл ещё один день. Но британский флаг так и не появлялся в гавани. Тем временем государь на самом деле не на шутку занемог. Его сразила крымская лихорадка. Такой диагноз поставил придворный лейб-медик Яков Виллие*.

Болезнь протекала тяжело. У императора всю субботу и воскресенье держалась высокая температура и наблюдался сильный озноб. Больной лежал у себя в комнате и никуда из дворца не выходил. Всё это время он почти ничего не ел, а только пил микстуры и травяные настои, предписанные докторами.

В понедельник утром в комнату к больному заглянула царица. Рядом с кроватью спящего государя сидел доктор и считал ему пульс.

— Как он? — шёпотом спросила Елизавета Алексеевна.

Виллие приложил палец к губам и, сгорбившись, на цыпочках направился к выходу.

Притворив за собой дверь, доктор ответил:

— Страшное уже позади. Кризис миновал. Жар ослабевает. Я полагаю, что денька через два-три Его Величество встанет на ноги.

— Ну, слава Богу! — вздохнула с облегчением царица. — А я уж грешным делом всякого надумалась. Эти игры со смертью до добра не доводят. Глядишь, никакой инсценировки не понадобилось бы, сам бы отдал Богу душу. Может, хоть сейчас, после болезни, образумится?

— Не думаю, — покачал головой лейб-медик. — Он ещё вчера вечером, как только пришёл в сознание, первым делом спросил: не видел ли я в порту английскую яхту?

— И что вы ответили ему?

— Правду. Сказал, что пришла его яхта. Он сразу блаженно улыбнулся и спокойно заснул.

«Где Шервуд? Я срочно хочу его видеть!» — раздался из комнаты рассерженный голос императора.

Царица и лейб-медик тут же поспешили на зов.

Александр Павлович сидел на краю кровати в длинной белой рубахе с небритым и сильно осунувшимся лицом и тщетно пытался натянуть на ногу сапог.

— За ним уже послали, Ваше Величество, — успокоил больного Виллие. — Вы бы легли. Вам ещё рано вставать.

— Пусть придут оба Шервуда. Я хочу говорить с ними обоими.

— Хорошо, хорошо! Все придут, не извольте беспокоиться. Только ложитесь, пожалуйста.

Виллие наконец-то удалось уложить больного обратно в постель. Но, покидая покои государя, он уже сомневался

в точности своей оценки состояния больного. Закончилась ли лихорадка? А если закончилась, то почему государь по-прежнему бредит? Откуда ему возьмёшь двух Шервудов?

Однако он в точности передал царскую волю личному секретарю государя князю Волконскому*.

И через полчаса доктор увидел в императорской приёмной на самом деле двух Шервудов. Правда, один из них был в уланской форме, а другой — в форме офицера Британского флота. И вместо бакенбард на его лице красовалась шкиперская борода. Других отличий меж ними не было.

Александр Павлович принял офицеров в постели, но уже в сидячем положении, опираясь на гору подложенных под спину подушек.

— Вы — Роберт Шервуд, если не ошибаюсь? — угадал император.

— Так точно, Ваше Величество, — бойко отрапортовал шкипер.

— Но почему вы задержались? Ваш брат говорил, что вам любой шторм не страшен.

— Так точно, Ваше Величество. Но только турки закрыли проход через Босфор на время бури. Пришлось провести три дня на якоре в бухте в Мраморном море. Но и там яхту основательно потрепало. Требуется небольшой ремонт.

— Сколько вам понадобится на него времени?

— Неделя, Ваше Величество!

— Долго. Боюсь, что тело Маскова столько не протянет, начнёт разлагаться.

— Не извольте беспокоиться, Ваше Величество, — поддал голос Шервуд-младший. — Погода стоит прохладная. Оно сохранится в лучшем виде. Вы, главное, сами быстрее выздоравливайте. Путь нам предстоит неблизкий.

— Что ж, не будем терять драгоценного времени! Каждый займётся своим делом. Вы ремонтом судна, а я — поправкой собственного здоровья.

— Ох, не по-христиански это — осквернять могилы усопших. Ох, и покарает нас Господь за такое богохульство, — причитал пожилой солдатик, выбрасывая лопатой из ямы комья глины и чернозёма, щедро пропитанные холодной осенней влагой.

— А чего тебе, Демьян, ты же человек подневольный. Тебе господин офицер приказал, ты и делай. Не твоего ума это дело, и грех не твой. Пусть вон у того франта душа за это болит и у доктора, что будет этот труп резать. Надо же, для опытов ему бедолага Масков понадобился. Басурмане, они и есть басурмане. Хотя по-нашему и говорят, но душа у них всё равно не православная, потому и не ведают, что творят, — ответил ему умудрённый опытом товарищ.

— Эй вы, кладбищенские крысы, ну-ка отставить разговорчики! Копайте живее, нечего лясы точить! — прикрикнул на солдат с иностранным акцентом унтер-офицер.

— А чего копать-то, ваше благородие. Вот он, гроб, сейчас подцепим его и будем вытаскивать, — донеслось из разрытой могилы.

Кряхтя, солдаты извлекли наружу перепачканный глиной дощатый гроб.

— Откройте крышку, — приказал унтер-офицер.

Когда его команда была исполнена, он подошёл к гробу и тут же отпрянул, прикрыв нос шёлковым платком.

— И что ж ты так завонял, братец? — укоризненно произнёс Иван Шервуд, а солдатам громко крикнул. — Давайте закапывайте его обратно. Доктору такой покойник не нужен. Совсем протух.

В тот же вечер, когда совсем уже стемнело, в дом начальника Таганрогского гарнизона постучали настойчиво и требовательно.

— Кого ещё принесла нелёгкая? — сердито пробурчала разбуженная жена.

— Сейчас я научу этого полуночника хорошим манерам! — многообещающе заявил рассерженный супруг.

— Кто там? — рявкнул он, подходя со свечкой к двери.

— Шервуд.

Голос гарнизонного командира сразу изменился до неузнаваемости, в нём даже появились нотки подобострастия.

— Вы? Так поздно? Что случилось?

— Случилось, — бесцеремонно заявил унтер-офицер, сбрасывая с плеч промокший плащ. — Мне необходимо задействовать запасной вариант. Вы понимаете, о чём я?

— Да-да, конечно, Его превосходительство генерал-адъютант Дибич* уже поставил меня в известность, — залепетал полковник. — Когда вам подготовить объект?

— Чем раньше, тем лучше. У нас уже всё готово. Дело за вами.

— Что ж, пойдёте в казармы. Только учтите, я лишь вызову его, а дальше вы делаете с ним, что хотите.

— Чрезмерная спешка нам ни к чему. И потом тут надо действовать тонко, чтобы Его Величество ничего не заподозрил. Он и так на меня уже косо смотрит после случая с Масковым. Вот что, полковник, а не послать ли вам этого голубчика куда-нибудь с каким-то поручением? А когда он отлучится из казармы, объявите во всеуслышание о побеге. Ведь этот унтер-офицер не отличается робким нравом. Никто и не заподозрит вашей хитрости. А что полагается за побег? Шпицрутены. Если горемыка и пройдёт сквозь строй до конца, то всё равно попадёт в госпиталь. А там

уж ему помогут отправиться на небеса. Каково задумано? И главное — государь ничего не заподозрит.

— Но моя офицерская честь? Как я буду после этого обмана смотреть солдатам в глаза?

— Да бросьте вы сентиментальничать. Какая честь, если вы получите такую кучу денег и тёплое местечко в Петербурге? Или вы хотите всю жизнь просидеть в этой дыре?

— Хорошо. Я уже одеваюсь и иду в казарму. Отослю-ка я его с поручением в Новочеркасск. Только чтоб никто меня не видел. А завтра утром объявлю о побеге.

— Вы очень сообразительны, полковник! У вас впереди большое будущее. Только умоляю: не упустите этого голубчика. Он — наш последний шанс! И с наказанием тоже не тяните. Можете его даже завтра забить, чтобы не проболтался.

Александр спал дурно. Только сейчас, когда болезнь отступила, он был в состоянии подвести итог всей своей предыдущей жизни. То, что предстояло сделать ему в ближайшие дни, нисколько не пугало его, а наоборот, манило своей неизвестностью, новизной впечатлений и нового положения. Интересно, каково это — чувствовать себя простым смертным? — подумал император и улыбнулся в темноте от одной этой мысли.

Потом ему вспомнилась аракчеевская Настасья. Рябая, чересчур дородная, чтобы быть красивой, злая, но удивительно чувственная женщина. Эдакая русская Кармен. Он один из немногих понимал своего теневого канцлера и иногда по-мужски даже завидовал ему. И вот теперь её не стало. Написал Аракчеев, объясняя причину, по которой не смог лично приехать в Таганрог, в том самом письме, что доставил покойный Масков.

— Одни покойники меня окружают. К чему бы это?

Опять пришла на ум Настасья. И он почувствовал, как в нём просыпается похоть. Так с ним часто случалось по ночам, во время бессонницы. Хорошо, если он ночевал у Марии Нарышкиной в её дворце на Фонтанке или на даче на Крестовском острове. Её всегда можно было разбудить и утешиться, она никогда не возражала. А сейчас за стенкой спала лишь равнодушная чахоточная жена.

Стало светать.

Он понял, что больше не уснёт, решил не отлёживать бока в постели, а лучше прогуляться.

Камердинер спал как убитый. Царь не стал его будить, оделся самостоятельно: в сюртук, штатскую шинель и фуражку. В таком виде государь вышел из дома мимо часовых на улицу.

Солнце только начало подниматься над морем. День обещал выдаться без дождя. И уже это радовало.

Азовское море — не Средиземное, и даже не Чёрное, с их величественной бескрайней гладью, окаймлённой причудливо изрезанной береговой линией. Оно более походит на озеро, чем на настоящее море. Степные берега, почти начисто лишённые растительности, не придают ему того романтического вида, коим славятся его большие собратья.

И вода в нём не голубая, не синяя, а какого-то молочно-грязного неопределённого цвета. Но даже Азов в это утро выглядел особенно.

Восходящее солнце сверкало в белых барашках набегающих волн. С моря дул свежий ветер. И ему вдруг стало сразу так легко и свободно, что захотелось петь. Тем более за углом, на площади, неожиданно заиграла флейта. Её звучание было столь призывным, столь чарующим, что ноги сами понесли императора туда. Вскоре добавилась частая барабанная дробь. И он понял, что происходит.

Свернув за угол, император остановился и, щурясь против солнца своими близорукими глазами, стремился рассмотреть происходящее.

Да, это была экзекуция. Между двух выстроившихся друг напротив друга рядов солдат с палками двигалась высокая фигура с белой спиной, кое-где уже рассечённой до крови.

Император присоединился к ранним зевакам, оказавшимся на площади, и смотрящим на исполнение наказания. Он достал из кармана шинели лорнет и пригляделся к несчастному.

«О Боже!» — воскликнул он.

В какой-то момент ему показалось, что это он сам идёт с привязанными к штыку руками сквозь строй размахивающих палками солдат. Та же сутулая спина, та же плешь на голове. Он физически ощущал ту боль и страдания, какие испытывал сейчас его двойник.

Александр хотел выйти из толпы и остановить казнь, до того ему было невыносимо терпеть адскую боль, но и на это сил у него не осталось, и он быстро пошёл домой.

В его ушах ещё долго стоял барабанный бой и слышалось пение флейты.

Доктор Виллие прогуливался в саду после завтрака, радуясь неожиданному погожему деньку после долгих дождливых недель, когда его догнал уланский унтер-офицер Шервуд.

— Господин доктор, — запыхавшись от быстрой ходьбы, окрикнул он лейб-медика. — У меня к вам огромная просьба.

— Слушаю вас внимательно, молодой человек. Чем смогу, буду рад помочь.

— Помните, вы говорили, что у вас имеется яд, который не только убивает, но и позволяет телу долгое время не разлагаться после смерти.

Виллие понял, куда этот красавчик клонит. Ему вдруг захотелось плюнуть на всё и нахамить этому наглецу, перед которым заискивали все придворные в Таганроге, прослышав о какой-то тайной миссии, возложенной на него государем. Но вспомнив об обещанных Александром Павловичем восьмидесяти тысячах рублей, ласково ответил:

— Пойдёмте, голубчик, я дам вам то, что вы просите.

Тем временем император, откушав чаю с ещё не остывшими гренками, вновь решил прогуляться. А ноги сами понесли его в военный госпиталь.

Там его не ожидали, и все сразу засуетились. Прибежали главный врач, начальник Таганрогского гарнизона и генерал-адъютант Дибич.

Государь пожелал пройтись по палатам. Доктор и барон следовали за ним по пятам.

Уже во второй палате он нашёл того, кого искал. Струменский лежал ничком на кровати у окна и стонал.

— Был наказан за побег, — доложил Дибич.

Несчастный повернулся и хотел что-то сказать государю. Александр Павлович только услышал начало фразы: «Непра...», как из-за его спины ловко вынырнул доктор с какой-то склянкой в руке.

— Вот, выпей, голубчик. Это лекарство. Оно тебе поможет, — пропел он и чуть ли не насильно влил его в рот Струменскому.

Несчастный сразу как-то обмяк и больше ничего не мог сказать. А бойкий доктор всё продолжал щебетать, как канарейка:

— Он скоро поправится, Ваше Величество. Русский мужик — живучий.

Из ворот госпиталя выехал всадник. Он был доволен, что опередил императора и успел передать полковому лекарю пузырёк с ядом. Это был Иван Шервуд.

Псы выли всю ночь. С вечера лишь слегка поскуливала белая пушистая собачка одной из фрейлин царицы. Но с наступлением темноты она по-настоящему завывала своим тоненьким противным голосочком. К ней присоединились дворовые псы — большие, косматые и очень свирепые собаки, привезённые с предгорий Кавказа, которых днём держали на цепи, а на ночь отпускали во двор. Лучших сторожей от воров и разбойников в округе не сыскать. Они выли протяжно, надрывно и очень громко. К полуночи их заупокойную мессу подхватили и соседские псы. Казалось, все собаки Таганрога сбежались к дому, где остановился император, и голосили что было мочи.

Его сердце разрывалось на части от этих звуков, вскоре он не выдержал, выбежал в одной ночной рубаше в приёмную и крикнул спящему на диване секретарю:

— Как вы можете спать, князь?

Волконский вскочил на ноги, протирая заспанные глаза:

— Что случилось, Ваше Величество?

— Собаки! Сделайте же что-нибудь?

Государь стоял в длинной белой рубаше и ночном колпаке, испуганный и бледный, с подсвечником в руке. Тревожное пламя свечей освещало стены и потолок комнаты, а также перекошенное лицо Александра.

— О господи! — сорвалось с сухих губ секретаря.

— Почему вы так смотрите на меня, князь? — ещё более испугался царь.

— Простите, Ваше Величество, почудилось, — извинился секретарь, подошёл к окну и раскрыл его.

В натопленную комнату вместе с ночной прохладой ворвался заунывный вой.

— Они воют по покойнику, — сказал князь.

— Но я же жив! — взорвался император.

Волконский замялся, но поняв, что скрывать секрет бесполезно, признался:

— Вчера после обеда Шервуд привёз тело этого солдата. Оно в подвале. Вот собаки и учуяли.

— Прикажите, чтобы разогнали этих несносных животных. Они же перебудят весь город.

— Слушаюсь, Ваше Величество!

Волконский вышел в коридор и наконец-то смог перекреститься. Ему рассказывал отец, как убивали императора Павла в Михайловском замке четверть века назад. Та же ночная рубаха, тот же колпак, те же свечи и тот же ужас в глазах царя. «Всё возвращается на круги своя», — подумал князь и приказал часовым стрелять по собакам.

Одиночные выстрелы разорвали ночную тишь. Заскулила подстреленная дворняга и поковыляла умирать в подворотню. Её перепуганные сородичи разбежались кто куда.

Александр Павлович кое-как заснул. А когда рассветло, начальник гарнизона поднял по тревоге роту солдат и распорядился отстрелять всех бродячих псов в городе, а обывателям было велено дворовых собак посадить на цепь.

По городку поползли слухи, что состояние здоровья государя вновь резко ухудшилось, и народ мало-помалу стал собираться возле императорской резиденции. Вначале старухи, загодя повязавшие на головы чёрные платки. Они уже отжили свой век, но все равно в глубине души

радовались, что кто-то отошёл в мир иной раньше их. Особенно если этот кто-то — самодержец всероссийский. А потом стали подходить и прочие горожане, для которых что приезд императора, что его болезнь — событие неординарное, вносящее хоть какое-то разнообразие в монотонную жизнь глухого провинциального городка на самом краю огромной империи.

Тем временем государь отошёл от ночных кошмаров. И хотя не совсем выспался, о чём свидетельствовали тёмные круги под глазами, был, напротив, нервно оживлён. Даже пробовал шутить. Иногда оскорблял кого-нибудь из близкого окружения. Но посвящённые в тайну на него не обижались и смиренно терпели любые колкости.

— Вы бы всё-таки причастились и исповедались, Ваше Величество, — посоветовала ему жена.

Дерзкий ответ сопровождала ехидная ухмылка:

— Неужели мои дела настолько плохи, и болезнь уже зашла так далеко, что другого лекарства нет?

Царица смутилась, но всё же ответила:

— Вашим подданным хорошо известно, что их император — великий христианин и строгий наблюдатель правил нашей православной церкви, и если он предстанет перед Господом, не выполнив перед этим положенных обрядов, это может вызвать различные кривотолки среди населения. Поэтому советую вам прибегнуть к врачеванию духовному. Оно всегда приносит пользу и даёт благоприятный оборот при любых тяжких недугах.

Александр Павлович немного подумал и тем же дурашливым тоном сказал:

— Благодарю вас, друг мой, за заботу о моём душевном здоровье. Только прикажете исповедаться — и я готов.

А потом добавил, обратившись уже к лейб-медику:

— А может, лучше вы, Виллие, сыграете за меня эту роль? Как-никак я же не собираюсь умирать на самом деле.

У старого лекаря от такого предложения чуть не свалилось с носа пенсне.

— Что вы, что вы, Ваше Величество? Это же такое святое таинство! Как я могу? — запричитал он.

— Ладно, зовите вашего протоиерея. Я, так и быть, исповедуюсь, но только при одном условии. Не как император, а как простой мирянин. Император уже скончался. Его тело лежит в подвале и ждёт своего часа, когда его поднимут и положат на царское ложе.

«Какие же упрямые эти бакенбарды! Никак не хотят сбиваться!» — подумал Александр Павлович и громко вскрикнул: «А-а-а! На помощь!»

Тут же в ванную комнату вбежали камердинер и два лакея.

Император стоял, склонившись над умывальником, и закрывал полотенцем своё лицо. По его шее из-под полотенца сползала струйка крови.

— О Боже! Врача, скорее врача! У Его Величества пошла горлом кровь! — испуганно закричал камердинер.

В умывальню ворвался запыхавшийся Виллие.

— Всем немедленно выйти отсюда, — строго сказал он.

Слуги попятились назад и затворили за собой дверь.

— Вы с непривычки порезались, Ваше Величество? — уже спокойно спросил доктор царя, доставая из своего чемоданчика раствор квасцов.

— А как вы догадались?

Лейб-медик улыбнулся и ответил:

— А что может делать мужчина в ванной комнате с бритвой в руках? Уберите полотенце, я обработаю вам рану.

Царь с явной неохотой исполнил указание доктора.

Виллие обмыл кровь с лица и шеи государя. Порез оказался незначительным, но доктор всё равно обработал его.

— А вам без бакенбардов лучше, Ваше Величество. Вы помолодели лет на десять. Ничего больше не надо менять во внешности. Теперь в вас никто не узнает императора.

Шервуд приехал, когда стемнело.

В приёмной его уже ожидали императрица, Волконский, Дибич, Виллие и молодой высокий мужчина без бороды и усов сорока с лишним лет в штатском сюртуке и длинном чёрном плаще.

— Всё готово, Ваше Величество! Попутный ветер быстро донесёт нас до Тамани. Прощайтесь, господа!

— Присядем на дорожку по русскому обычаю, — предложил человек в штатском.

Все беспрекословно опустились на стулья.

— Вы уж, Виллие, постарайтесь сочинить правдоподобную историю болезни и моей скоропостижной кончины и поработайте с другими медиками, чтобы они тоже без лишних вопросов подписали протокол вскрытия тела. Вы, князь, согласуйте записи в своём дневнике с лейб-медиком. Ну, а с вами, мой друг, — обратился он к царице, — мы уже обо всём договорились. Если надумаете всё же вернуться в Петербург, передайте моей матушке самые наилучшие пожелания, скажите, что я всегда, где бы ни был, буду её помнить. Ну вот и всё, господа. Спасибо вам, что были преданы мне в минуты радости и горя! Вы самые близкие мне люди, поэтому я и решил доверить свою тайну только вам. Храните её, как зеницу ока, и не держите на меня зла. Так Богу угодно... Ну, не поминайте меня лихом. Идёмте, Шервуд!

Он резко встал, натянул на глаза широкую чёрную шляпу и направился к выходу.

Все присутствующие поднялись. А царица, доселе, как и другие, хранившая молчание, не выдержала и закричала ему вслед: «Александр!»

Но он не обернулся на её зов и решительным шагом вышел в ночь. Шервуд последовал за ним.

Аракчеев не ошибся в преемнике. Восстание декабристов было подавлено. Мораторий на политические казни нарушен. Но и самому вельможе пришлось сложить много полномочий, которыми его наделял предыдущий царь, он остался только начальником военных поселений. Однако своё влияние при дворе Аракчеев сохранил.

Императрица Елизавета Алексеевна не стала сопровождать гроб с телом в Петербург, а осталась в Таганроге долечиваться. Но затем переменила решение и отправилась в столицу. По дороге 4 мая 1826 года она неожиданно скончалась в городке Белёве между Орлом и Костромой. А вскоре в древнем Сырковом монастыре в Новгородской губернии появилась новая монахиня Вера, давшая обет молчания.

Печка была завалена их промокшей одеждой, а старики, завернувшись в рогожи, сидели за столом и отогревались горячим чаем.

— Смотри, не простудись, — наказал гостю старец. — Ты на малиновое варенье налегай. Оно в пот бросает, вся хворь сразу выйдет.

— Вы сами не заболейте, — с некоторой обидой в голосе ответил Батеньков. — Я человек закалённый.

До самых холодов в Томи купаюсь. Меня такой купелью не испугаешь. Лёгкая закалка. А вы молодцом держались! Как таймень рассекали льды.

Они только нашли общий язык, но декабрист неожиданно загрустил.

— Ты чего это нос повесил? — спросил его отшельник.

— Да так. Вспомнил, как Николай вечером 14 декабря приказал очистить город от трупов до утра, и услужливый, но неразумный обер-полицмейстер распорядился бросать убитых прямо в проруби. А в спешке под лёд сплавляли и тяжелораненых. Потом даже запретили брать воду и колоть лёд на Неве, ибо у Васильевского острова тела погибших примёрзли ко льду и всплывали в полыньях.

— Вот, значит, какие воспоминания на тебя навеяло наше купание, — задумчиво произнёс Фёдор Кузьмич. — Лучше б вспомнил, как французы в Березине в такую же погоду купались! Быстрее согреешься, а от мрачных дум ещё больше замёрзнешь. Я тебя как с Хромовым-то увидел, чуть не перекрестился со страху. Думал, видение с того света явилось. Знаешь, за кого вначале тебя принял?

— За кого?

— За Наполеона!

Батеньков не поверил своим ушам и не знал, как воспринимать слова старца: то ли как похвалу, то ли как оскорбление.

— Истинный крест! — молвил Фёдор Кузьмич и перекрестился. — Здорово похож. Если бы Наполеон дожил до твоих лет, он бы в точности как ты выглядел. Тебя надо было диктатором делать, а не труса Трубецкого, тогда б у вас что-нибудь и вышло.

Фёдор Кузьмич налил себе ещё чаю и спросил:

— А почему ты так говоришь забавно — слова, как дрова, рубишь?

Батеньков опять посерьёзnel, но ему, похоже, уже надоело обижаться, и он просто ответил:

— Я же в камере совсем одичал. Потерял счёт дню и ночи. Сейчас по ночам вообще мало сплю. Выйду на улицу и гуляю. А говорить и вовсе разучился. Угадайте, с кем я в каземате разговаривал?

— С Богом?

— Дался вам этот бог! Он всё равно ничего не слышит и не видит. Я разговаривал с тварью отзывчивой. С мышонком.

— С кем, с кем? — Фёдор Кузьмич не расслышал.

— С мышью! — прокричал ему в самое ухо Батеньков. — Я его хлебом и лаской к себе приручил, он у меня потом такой ручной и ласковый стал. Внимательно слушал все мои стенания и попискивал с пониманием.

Декабрист тоже подлил себе чайку. Отхлебнув душистого отвара, он продолжил:

— А с богом у меня было другое общение. Ваш братец вот какое наказание для меня выдумал — лишил меня всякой связи с внешним миром. Из книг мне разрешалось читать одну Библию. Я её наизусть выучил. А потом даже развлечение придумал. Я же кроме русского знаю енемецкий и французский, а из древних языков — еврейский, латинский и греческий. Вот и попросил своего старого боевого друга принести мне Библии на всех этих языках. Тем и коротал время, что сличал особенности перевода.

— Богослов, выходит, ты знатный, да только одна беда — в Бога не веруешь, — заметил старец.

— В него что верь, что не верь — один исход. Если он есть, то почему допускает такую несправедливость на земле! Пестель, Бестужев, Каховский, Рылеев и Муравьёв-Апостол оказались на виселице. Не меньше ста человек — на каторге, тысячу солдат прогнали сквозь строй, а других сослали на Кавказ. Виновник всей этой кровавой вакханалии ещё тридцать лет держал страну в страхе. Потопил в крови восстания в Польше и Венгрии. Всю Европу настроил против России. Французы с англичанами заодно воюют против русских! И где? В Крыму! Когда такое было? В петербургских газетах пишут, что и перед Кронштадтом появился английский флот. Николай Павлович, говорят, даже наблюдал в телескоп перед смертью за их эскадрой. Каково же ему было умирать! В Томске слух прошёл, что царь не смог вынести позора и отравился. Вы ему в наследство оставили мощную державу, а он превратил её в колосса на глиняных ногах. Только тронь, сразу рассыплется.

Фёдор Кузьмич встал, подошёл к печи и пощупал одежду: не высохла ли? Недовольно покачал головой и вернулся за стол.

— А ты на Бога ропщешь, Гавриил. Каждому воздастся по заслугам его. С царя за его деяния спрос особый.

— Слушайте! — Батеньков схватил старца за рогожу. — Как вы думаете, племянник-то ваш, тёзка, Александр Второй простит нам Сенатскую площадь и дозволит вернуться в европейскую Россию? Хоть я и люблю Сибирь, всё ж хочется дожить оставшиеся дни в тепле. Помилует меня новый царь?

— Помилует, обязательно помилует, — успокоил гостя Фёдор Кузьмич, а потом пристально посмотрел

ему в глаза и стал приговаривать усыпляющим голосом: — Ты устал, Гавриил. Очень устал. Твои глаза закрываются. Тебе хочется спать. Ты засыпаешь. Тебе снятся только хорошие сны. Ты молод и счастлив. Тебе хорошо. Очень хорошо. Ты спишь. Крепко спишь. А когда проснёшься, то ничего не вспомнишь о нашем разговоре. Ты меня прежде никогда не знал. Я всего лишь бродяга, не помнящий родства. Фёдор Кузьмич. А теперь — спать! Спать! Спать!

Хромов забрал Батенькова на следующий день. Вид у ссыльного был нездоровый, и всю дорогу до Томска он дремал в санях.

О том, что произошло в избушке у старца, он ничего не помнил. Только удивлялся, почему у него шинель влажная?

С той поры сон у Гавриила Степановича восстановился, и он перестал гулять по ночам.

А через год император Александр II амнистировал оставшихся в живых декабристов, им было разрешено перебраться ближе к столице. Батеньков поселился в Калуге, где и умер осенью 1863 года.

Фёдор Кузьмич всё же принял приглашение Хромова и в октябре 1858 года переехал на жительство в губернский Томск.

После смерти

Иерусалим. Январь 1826 года

«**В**от и свершилась моя мечта! Я — счастливейший из смертных. Я — на Твоей родине, Господи! Стою в самом начале Дороги скорби — Виа Долороса, как её называют в Священном городе. И собираюсь с силами, чтобы пройти по пути, которым шёл Ты в день своей казни.

Передо мной монастырь Бичевания, возведённый в напоминание о том, как Понтий Пилат судил и приговорил Тебя, сына божьего, к смерти. Мне не верится, что сейчас я пройду по тем самым камням, по которым ступал Ты, Спаситель. Я счастлив, что мне выпала такая честь. Что царство, что богатство? Всё пустое, всё обман! Ничего нет на свете, кроме всепоглощающего устремления грешной души к Тебе, Господи!

А вот и то место — около арки «Се человек», откуда Ты, Искупитель, подняв Свой крест, двинулся к Голгофе. Что мои страдания и муки, по сравнению с тем, что довелось испытать Тебе! Прости меня, Господи, за все грехи. Я был царём, не ведая, что сие от меня требует. Сколь призрачны мои победы и поражения пред Твоим Крестным путём, Господи Иисусе! Ты принял страдания и смерть в искупление грехов человечества.

А что свершил я? Спас страну от неприятельского нашествия? Так это сделали мои генералы. Моя за-

слуга лишь в том, что я им не сильно мешал. А если бы вообще не лез в военное дело, может, и больше проку было.

Я уверовал в Твое могущество и полагал, что другие властители поступят так же. Но я ошибся. За их набожными речами скрывался холодный расчёт.

А доморощенные смутьяны? Нахватались в Европе бунтарского духа и решили, что смогут провозгласить республику в лапотной стране.

Что мне оставалось, Создатель? Палить картечью по ним? Вешать бунтовщиков?

Я не мог этого сделать. Потому бежал.

Дай, Господи, мне силы перетерпеть все испытания, что ты уготовил! Грехов у меня много. Долго придётся испкупать их.

А здесь Ты падал, изнуренный тяжкой ношей. И римляне тебя поднимали ударами кнутов.

На этом месте Ты встретился со своей Матерью — Марией. Мою матушку тоже зовут Мария. Мария Фёдоровна. Вернее, такое имя приняла она, обратившись в православие, накануне свадьбы с моим батюшкой Павлом. А до этого её звали Софья Доротея Августа. Она была вюртембергской принцессой. Матушка, как никто другой в этом мире, понимала меня. Правда, иногда мы с ней ссорились из-за политических разногласий, но я всегда любил её искренней сыновней любовью, и она тоже любила меня. Видя, что я устал и запутался в жизни, она согласилась на инсценировку моей смерти и удаление в частную жизнь.

Знаешь, как она мечтала побывать в этом городе? Когда она и батюшка путешествовали по Италии, у них была мысль совершить паломничество в Святую Землю. Но не получилось. Это матушка наказала по-

клониться месту встречи Господа и Его Матери. Прими этот поклон, Искупитель, от рабы Твоей Марии!

А здесь Ты встретился с Симоном Киринеянином, понесшим Твой крест. О, как бы я хотел оказаться на его месте, хоть чуточку, хоть на самую малость разделить с Тобой Твои страдания и облегчить их!

Простая женщина Вероника отёрла своим платком кровь и пот с Твоего лица.

Ты прошёл ещё и остановился, обратившись со словами утешения к оплакивавшим Тебя иерусалимлянкам. А потом, на следующей остановке, воины Пилата сорвали с Тебя одежды. А вот здесь они прибавали Твои ноги и руки к кресту.

Я с замиранием сердца вхожу в храм Гроба Господня.

Вот место Твоего распятия! Здесь прошли последние мгновения Твоей земной жизни. Здесь Ты принял мученическую смерть на кресте.

Отче наш праведный на небесах, да святится имя Твое, да приидет царствие Твое и на земле, как на небе!

И Ты встретился на небе со своим Отцом. И Он воскресил Тебя из мертвых и отправил на землю, чтобы Ты возвестил людям, что смерти нет. Смертию смерть поправ!

Я тоже умер для людей. А на самом деле жив. Но я, в отличие от Тебя, не воскрес, а слукавил. По правде, я очень боюсь смерти. Ты знаешь почему. Когда я встречу на Страшном суде со своим отцом, императором Павлом I, что я ему скажу? Прости меня, батюшка, не ведал, что дойдут до удушения твои убийцы. Поверит ли он словам моим? И простит ли? А простишь ли меня Ты, Спаситель? И прощу ли я себя сам?

Нет мне прощения. Только и остаётся возложить венец терновый на мою грешную голову, взять в руки посох и отправиться странствовать по свету. Пусть я буду мёрзнуть от холода, изнывать от жажды, голодать, пусть люди бросают в меня камни. Чем больше страданий я претерплю на земле, тем чище и радостнее будет встреча моя с Отцом небесным.

Я готов к своему Крестному пути. Укажи мне дорогу, Спаситель!»

Санкт-Петербург. Июль 1836 года

Кучер проворно соскочил с козел, открыл дверцу и, поддерживая владыку под руку, помог ему спуститься на землю. Митрополит Серафим был стар и немощен, да ещё простудился во время крестного хода, потому кое-как передвигал ноги. Из калитки к нему поспешили монахи.

Но вдруг из толпы неприкаянных бродяг, отиравшихся у лавры целыми днями в ожидании подаваний, выскочил грязный оборванец и упал на колени прямо перед митрополитом.

Монахи бросились поднимать наглеца, чтобы он не досаждал владыке своими проблемами.

Но нищий успел схватить отца Серафима за руку, посмотрел на него своими небесно-голубыми глазами и произнёс:

— Благословите моё возвращение!

Митрополит замер. Он властным жестом ладони остановил ретивых монахов и сам поднял бродягу с колен. Взял его за руку и повёл в лавру как дорогого гостя.

— Уж не чаял увидеть вас живым, — сказал митрополит, оставшись с гостем наедине. — Клейн-

михель* сказывал, будто бы вы погибли во время шторма.

— Я уже столько раз погибал, что сбился со счёта. Сам не знаю, почему меня смерть не берёт. Видно, такие тяжкие мои грехи, что до сих пор не могу искупить их сполна. Не судьба мне умереть на чужбине. За этим и вернулся на Родину, чтобы прах мой покоился на родной земле, — тяжело вздохнув, признался бродяга.

Митрополит покачал головой:

— Я-то вас понимаю. Но поймёт ли ваш поступок император Николай Павлович? Он уже так свyksя с верховной властью, что никого рядом не потерпит.

— Я знаю, владыка. Потому и пришёл вперёд к вам, а не к брату. Хочу, чтоб вы передали ему мою нижайшую просьбу. Мне не нужна власть, не нужны деньги. Я готов отправиться в самую далёкую ссылку, в самую глушь. Обо мне никто никогда не услышит. Я уже давно не царь Александр и даже не таинственный вельможа, путешествующий по свету. Эти господа умерли, и мир их праху. Я просто бродяга, не помнящий родства, который хочет дожить остаток своих дней среди соплеменников. Вот о том молю вас похлопотать перед императором.

Серафим подошёл вплотную к гостю и крепко обнял его, не боясь испачкаться о лохмотья:

— Всё сделаю для вас, сын мой, что в моих силах. Жаль, что граф Аракчеев не дожил до светлого дня вашего возвращения. Как бы он обрадовался, увидев вас. И матушка ваша тоже. Царство ей небесное! И Константин Павлович, братец ваш, преставился от холеры. Да упокоит Господь его душу. У нынешнего государя теперь другой первый советчик — генерал-адъютант Клейнмихель. Пошлю-ка я ему весточку,

пусть заедет ко мне. С ним и потолкуем. А пока располагайтесь здесь, в лавре. Отец настоятель выделит вам келью. Отдохнёте, приведёте себя в порядок. Вид у вас неважный. А потом и поведаете о странствиях.

Клейнмихель приехал через два дня. Владыка уже почти поправился и встретил царедворца на монастырском дворе в отдалённой беседке.

— Сын мой, хочу представить вам человека, вернувшегося из далёкого путешествия. Может быть, он покажется вам знакомым, но это ровным счётом ничего не значит. Это просто бродяга, не помнящий родства, — сказал митрополит и приказал служке позвать гостя.

Вскоре на тропинке появился высокий худой человек с окладистой седой бородой. Одет он был просто: в длинную холщовую рубаху, подпоясанную шнурком, доходящую ему до колен и такие же полотняные штаны. Но обут был в дорогие сапоги из мягкой кожи, и походка у него была явно не крестьянская. Клейнмихель готов был поспорить с кем угодно: незнакомец немало времени провёл в седле и служил в гвардии.

Странник подошёл ближе, и генерал-адъютант так резко вскочил со скамейки, что опрокинул на скатерть чашку с горячим чаем.

— Вы?! — воскликнул он. — Но как? Откуда? Этого не может быть!

— Успокойтесь, Пётр Андреевич, — молвил подошедший ласковым голосом. — Я вовсе не привидение. Владыка Серафим может подтвердить.

— Но вы же пропали!

— Вы, наверное, имеете в виду того графа, на содержание которого посылались деньги, — продолжил

странник. — Не переживайте, он действительно больше не вернётся. Мне же от вас никаких денег не нужно. Я уже давно научился сам заботиться о себе.

Царедворец недоумённо спросил:

— А что же вам тогда угодно, уважаемый...

— Фёдор Кузьмич, — подсказал старик. — Я с радостью буду отзываться на это имя. Я лишь хотел бы просить вас об одной услуге. У меня в Петербурге когда-то жила родня. Матушка уже умерла, и один брат тоже, но двое других ещё живы. Не могли бы вы, Пётр Андреевич, устроить мне с ними встречу. Я буду вам очень признателен за это.

— Не знаю, — растерянно пробормотал придворный. — Всё так неожиданно. Согласятся ли они встретиться с вами? Я должен вначале узнать их мнение.

— Вот и узнайте, пожалуйста. А я пока подожду их ответа здесь, в лавре, в гостях у митрополита, — сказал Фёдор Кузьмич, поклонился и пошёл прочь.

— Государь обрадовался, узнав о вашем возвращении! Он тут же велел мне привезти вас в мой дом. Я уже отослал жену с детьми и с Варенькой в Царское Село. Всем слугам тоже дал выходной. Ни одна живая душа не узнает о вашей встрече с императором, — тараторил Клейнмихель, пока они ехали в закрытой карете по столице.

— Спасибо, — тихо ответил Фёдор Кузьмич.

Доверенное лицо императора было не очень-то симпатично страннику, но разговор всё равно надо было поддерживать, хотя бы ради приличия, поэтому он спросил:

— А кто такая Варенька? Ваша дочь?

Клейнмихель засмеялся и, подмигнув попутчику, развязно заметил:

— Вы же совсем не в курсе дворцовых интриг! Варенька Нелидова — это моя протее и новая фаворитка государя. Николай Павлович от неё без ума. Она живёт в моём доме. Государь с ней встречается у меня. Он же образцовый семьянин и не хочет расстраивать царицу разными непотребными сплетнями. У нас сложилась своя тесная мужская компания. Мы устраиваем совместные вылазки на охоту за прелестницами. Матушка одного нашего товарища — начальница Смольного института, мы иногда при её содействии ищем приключений с очаровательными воспитанницами. А чаще закатываем в театр к другому нашему другу. Императору особенно нравится подглядывать в дырочку, как хорошенькие актрисы переодеваются в своих уборных. У этих походов, правда, бывают непредвиденные последствия. Но мне очень повезло с женой. Она понимает мужскую природу и даже помогает скрыть от общественного осуждения незаконнорожденных детей государя, выдавая их за плоды нашей с ней супружеской любви.

Фёдор Кузьмич отвернулся. Ему захотелось выйти из коляски.

Царь стоял у окна в шитом золотом генеральском мундире и смотрел на улицу, где проезжали в вечерних сумерках экипажи. Скрипнула дверь. Он обернулся. Свет из окна падал сбоку, поэтому вошедший мог созерцать лишь тёмный царственный профиль с длинными бакенбардами.

— Ты привёз его? — спросил император.

— Да, Ваше Величество. Он внизу. Прикажете пригласить?

— Конечно, зови... Нет, постой. Как он выглядит? Сильно изменился?

— Постарел. Поседел. Отрастил бороду. Стал молчаливым. Но это, без сомнения, он.

— Что ж, приглашай брата. И, пожалуйста, принеси нам водки и чего-нибудь закусить.

Дверь открылась снова, и в комнату вошёл высокий человек с плешивой головой и длинной седой бородой.

Какое-то время они безмолвно стояли друг против друга: царь нынешний — у окна и бывший — у двери. Брат изучал глазами брата. О чём думал каждый? Опасался ли Николай конкурента в лице воскресшего Александра? Допускал ли победитель Наполеона, что эта семейная встреча может стать последней в его жизни? Может быть, за дверью его уже поджидают убийцы с кинжалами? Но ни тот, ни другой не подал виду, что чего-то боится.

Первым сделал шаг навстречу Николай. Он подошёл вплотную к брату, посмотрел в его небесно-голубые глаза и быстро обнял его, чтобы Александр не увидел его слёз.

— Оказывается, не только Христос воскрес из мёртвых, — проговорил он, уткнувшись в мягкую бороду.

— Не богохульствуйте! — строго сказал Александр. — Хотя я и прошёл Дорогой скорби, по которой нёс свой крест Спаситель, но в царстве мёртвых, в отличие от него, не был. Правда, не раз уже готовился отправиться туда.

— Но почему ты не писал мне? — с обидой спросил император.

— Извините, у меня не было возможности писать.

— Но где ты был все эти годы?

— Скитался по свету. Жил в монастырях, у простых людей, много молился. Много где был, Ваше Величество, всего и не упомнишь.

Император прошёлся по комнате и снова встал возле окна.

— А я вот царствую, несу бремя власти. Иногда завидую твоей беспшашной удали. Вот так взять бы и бросить всё, и уплыть, куда глаза глядят. Путешествовать по разным странам и морям. Это ли не счастье? Но я так не могу. Чувство долга, ответственность за страну не дают мне сделать это. В отличие от тебя, я не мистик и не романтик. Я не люблю философии. Мне нравятся инженеры. Надо заниматься не любопытством и поиском смысла жизни, а строить крепости, мосты и дороги. Во всём должен быть точный расчёт и порядок. А для этого нужны сильная власть и закон. Я есть их олицетворение в Российской империи. Знаешь, как меня называют придворные? Весьма поэтично — «Дон-Кихот самодержавия». В моём царствовании нет твоего блеска. Я не расширил, как ты, границы империи. За эти одиннадцать лет я присоединил только два кавказских ханства. Хотя мог бы поддержать восстания балканских народов против османов и осуществить вековую мечту нашей династии — завладеть Константинополем. Но я этого не сделал. И даже вопреки имперской логике, когда нашему заклятому врагу турецкому султану пришлось совсем туго, я пришёл ему на помощь и послал наш десант на берега Босфора. Никто — ни англичане, ни французы, ни австрийцы — не поверил в моё бескорыстие. А зря. Я и поныне убеждён, что народы должны быть покорны своим верховным правителям, какую бы веру они ни исповедовали: христианскую или магометанскую. Без этой покорности невозможна никакая империя.

Николай Павлович подошёл к столику, на котором стоял принесённый Клейнмихелем графин с водкой.

— Выпьем за встречу? — предложил он брату.

Александр отрицательно покачал головой.

— Я никогда не любил водку. А сейчас вообще не пью.

— Как хочешь, — сказал император, налил себе рюмку и выпил её одним глотком.

Потом спросил:

— Зачем ты только дал этим полякам конституцию?

Александр промолчал.

— Ты же знал, что я всегда буду чтить законы, какими бы они ни были. Это вы с Константином, потакая во всём полякам, спровоцировали их на восстание. Не было бы вашей конституции, не пролились бы реки крови. Вы меня подставили в очередной раз. Белоручки и чистоплюи! Наворотили дел, расплодили вольнодумцев, а расхлебывать заваренную вами кашу пришлось мне. Я удивляюсь, как меня не убили на Сенатской площади в первый день моего царствования. Я взял на себя грех и вздёрнул на виселице главарей бунта, а остальных отправил в Сибирь и на Кавказ. Зато империя цела! И в том моя заслуга, а не твоя. Это моё царство!

— Я знаю, — тихо произнёс старший брат.

— Зачем ты тогда вернулся?

— Хочу умереть на Родине.

— Это можно устроить быстро.

— И это знаю.

Николай ещё налил водки, но пить не стал.

— И как ты себе представляешь свою жизнь здесь? — спросил он Александра.

— Я очень виноват перед вами и Отечеством, — тихо начал странник. — Мне нет прощения, и я готов понести любое, самое тяжкое, наказание. Вы правильно считаете меня соучастником декабристов и польской смуты. Я готов разделить участь этих людей.

— Виселица или каторга?

— Вам решать.

Николай Павлович задумался, затем поднял рюмку и сказал короткий тост:

— За твоё здоровье, брат!

А потом спросил:

— Почему бы тебе не удалиться в монастырь и там замаливать свои грехи? Ты же ради этого оставил трон?

— Мои устремления сильно изменились с той поры. Бог всегда пребудет в моей душе, но монашеское послушание — не для меня. Всё равно я был и останусь светским человеком, и грех гордыни мне вряд ли удастся в себе преодолеть. К тому же я уже отпет. Мне не нужно никакое богатство. Я готов к самой жалкой жизни. Роскоши материальной я предпочту богатство духа. Но всё же я хотел бы жить в миру, среди людей.

Император внимательно выслушал брата и решил его судьбу:

— Сибирь большая. В ней места хватит. Я организую так, что тебя сошлют на поселение.

— Спасибо, Ваше Величество! Ваша милость безгранична.

До Перми ехали в карете. Странника вызвался сопровождать великий князь Михаил Павлович. Всю дорогу он расспрашивал старшего брата о неведомых странах и народах и всё не переставал удивляться диковинным обычаям.

— Как я завидую вам, брат! Вы так много повидали! — в сердцах восклицал Михаил.

Своей эмоциональностью он напоминал Александру Константина. Между младшими братьями — Николаем и Михаилом — была почти такая же разница в

возрасте, как между старшими — Александром и Константином. Но разделяла эти две пары потомков Павла I целая пропасть — почти двадцать лет. Поэтому старшие братья никогда не воспринимали младших всерьёз. Они больше годились им в сыновья, а не в братья, поэтому и общения между ними особого не было.

И только сейчас Александр понял, что его и Николая, ставших впоследствии императорами, при всей их непохожести объединяло нечто общее. Стремление быть первыми. А Константина и Михаила, наоборот, — желание всегда оставаться на вторых ролях. Каким верным другом был Константин Александру, такой же верной тенью стал Михаил для Николая.

За месяц жизни в лавре Александр Павлович заметно изменился. Исчезла болезненная худоба и вселенская усталость. На его здоровье благоприятно сказались возвращение на Родину и радушный приём, который он встретил здесь. Да и пища в монастыре была гораздо лучше той, к какой он привык за годы скитаний.

Он не взял ничего с собой из Петербурга, что могло бы изобличить его: ни портретов, ни документов, ни фамильных драгоценностей. Дорогие его сердцу предметы он заранее передал Михаилу, договорившись, что брат перешлёт их ему в Сибирь, когда он устроится на поселении. Даже денег у него не было. Карманы его холщовых штанов были пусты.

Погода уже установилась прохладная, особенно по вечерам. На Урале их встретила настоящая осень. Листья на берёзах пожелтели. Шли затяжные дожди. Поэтому карета на последнем отрезке пути двигалась очень медленно, часто застревая в дорожной грязи.

— Всё, брат! Спасибо, что проводил меня. Но дальше я должен идти сам, — сказал странник великому князю, когда они приехали в Пермь.

— Но отчего же! — воскликнул Михаил. — Мне совсем не трудно. Напротив, очень приятно ваше общество! Давайте хоть до Екатеринбурга доедем вместе. Меньше придётся идти по этапу в арестантской партии.

— Нет. Мы расстанемся здесь. Лучше подыщите мне хорошего коня. Да такого, чтобы каждому встречному бросался в глаза.

Инспекция полицейских постов, которую провёл напоследок бывший император, удалась на славу. Двести вёрст проскакал он на своей красивой лошади, но ни один жандарм не спросил у него документов. Представление надоело, и он остановился на окраине города Красноуфимска у кузницы, попросив мастера подковать лошадь.

Одет всадник был просто, в обыкновенный крестьянский кафтан, зато лошадь у него была знатная, орловской породы, и стоила целое состояние.

Кузнец поинтересовался: откуда он и куда путь держит, но приезжий ничего вразумительного не ответил. Тем временем возле кузницы стал собираться народ, и некоторые особо бдительные сограждане заподозрили, что дело нечисто. Крестьянский наряд никак не сочетался с благородными манерами незнакомца. Староста из ближней деревни поинтересовался документами путника. Но никаких бумаг при нём не оказалось.

— К полицмейстеру его. Он разберётся, — выкрикнул один кучер. — Видать, конокрад. У него такая лошадь, а паспорту нету.

Почуяв развлечение в тусклой провинциальной жизни, толпа одобрительно загудела и потащила таинственного деда в полицейский участок. Но тот ничуть не сопротивлялся, а шёл сам и даже улыбался.

Представителям закона на допросе он назвался Фёдором Кузьмичом. И пояснил, что неграмотный, исповедания греко-российского, холостой. Происхождения своего не помнит с младенчества, жил у разных людей, а теперь вот решил отправиться в Сибирь. От дальнейших показаний отказался. Объявил себя бродягою, не помнящим родства.

Его арестовали и судили за бродяжничество. Уездный суд приговорил бродягу Фёдора Кузьмича к наказанию двадцатью ударами плетью и отсылке в Сибирь на поселение. Сам подсудимый приговором остался доволен.

Великий князь Михаил Павлович покинул Пермь лишь после утверждения губернатором решения суда: «Бродягу Фёдора Кузьмича, 65 лет от роду и неспособного к военной службе и крепостным работам, сослать в Сибирь на поселение».

12 октября он был наказан плетью, а на следующий день отправлен по этапу в Сибирь. В Тюмени его распределили в Томскую губернию, в деревню Зерцалы Боготольской волости.

Село Красная Речка Томской губернии.

Сентябрь 1840 года

Сашенька возвращалась из леса с корзинкой, наполненной до краёв спелой брусникой. Ягоды были плотные, цельные и ничуть не кислые. Сколько ни съешь, всё равно хочется. Вот братья-то обрадуются, когда она принесёт им целое лукошко.

Родители её умерли давно, когда она была ещё совсем маленькой. Потому ни маму, ни отца почти не помнила. Жила Сашенька со старшими братьями, а грамоте обучал её настоятель здешней церкви отец Поликарп. Священное Писание девочка знала лучше всех наук и скоро стала очень набожной. Ей нравилось в церкви буквально всё: и запах ладана, и расшитая золотом ряса, которую отец Поликарп надевал на праздничные богослужения, и скорбные лики святых на иконах, и мягкая, вкрадчивая речь старого священника.

Ещё её тянуло к необыкновенному старцу с длинной седой бородой и пронзительно-голубыми глазами, живущему в сторожке за околицей, недалеко от винокурни. Разговоры взрослых об его строгой подвижнической жизни, о чудодейственных способностях только подогревали интерес Сашеньки к дедушке Фёдору.

Теперь она ходила в лес только через винокуренный завод. И если ей доводилось украдкой увидеть его высокую и всё ещё статную фигуру либо за работой в огороде, либо беседующего с кем-нибудь из крестьян, Сашенька была счастлива.

Она уже много раз просила братьев поговорить со старцем, чтобы он взял её к себе на обучение. Занимается ведь он с другими крестьянскими ребятами! Но братья всякий раз отмахивались от малолетней сестрицы, мол, не будет он с тобой даже разговаривать.

А сегодня день был особенный. После первых осенних заморозков неожиданно вернулось тепло, установилась солнечная и сухая погода. Воздух в полях и лесу был такой прозрачный и вкусный, что невозможно было им надышаться. Крестьяне благодарили бога за тёплые деньки и стремились использовать их с полной отдачей, каждый доделывал на земле, что не

успел за лето. Листья на деревьях окрасились в волшебные цвета. Красные, оранжевые, жёлтые... всякие. И комаров уже не было. Чудесная пора в Сибири — бабье лето!

Старец тоже решил не упускать погожий денёк и копал на огороде картошку. Даже эту простую крестьянскую работу он делал как-то особенно, не так, как здешние мужики. Подкапывая вилами картофельный куст, он не склонялся, а держался ровно и прямо. Мешки забрасывал на плечо, как пушинки, словно и не старик вовсе, а молодой силач, для потехи нацепивший себе на лицо поддельную бороду. И по огороду нёс мешок, даже не замечая его тяжести, а всё думал о чем-то своём — тайном и далёком.

Сашенька давно уже стояла у изгороди и смотрела на Фёдора Кузьмича. И вдруг решила. Прогонит, так прогонит. Она ловко перепрыгнула через забор и подбежала к нему.

— Не хочешь ли, дедушка, ягодок? — прошептала девочка, закрывая платочком красное от стыда лицо.

Он поднял голову и посмотрел на неё голубыми, как небо, глазами.

— Спасибо за заботу, милая! А как тебя зовут?

— Александра.

Старец оттряхнул с рук налипшую землю и подошёл ближе к гостье.

— Красивое имя. Александра, — повторил он его медленно, растягивая каждый слог. — А меня зовут Фёдором Кузьмичом. Но ты меня можешь называть просто дедушкой. Договорились?

Сашенька кивнула головкой.

Дедушка подошёл ещё ближе, склонился к ней и поцеловал её в лоб.

— Ты не боишься приходить ко мне? Родители бранить не будут?

— У меня нет родителей, дедушка. Только братья. А они пусть бранят, — зашептала, подняв глаза, Сашенька. — Говорят, вы детей грамоте учите. Возьмите меня к себе на обучение. А то я в церкви у отца Поликарпа все книжки перечитала. Да и учить ему меня недосуг. Семейство у него большое, и приход ещё. А вы, говорят, много где бывали, многим наукам обучены. Я не глупая, я быстро выучусь. А я вам ягодок и грибов буду собирать. Вы же любите грибы, дедушка?

Фёдор Кузьмич вытер грязные руки о подол длинной холщовой рубахи и, поглаживая девочку по голове, ответил:

— Обучу, милая. Обязательно обучу. Без ягод и грибов. Просто от чистого сердца. Ты же ко мне по зову души пришла.

— Скажите, дедушка, а почему вы никогда не ходите к исповеди и причастию? — как-то после урока спросила у него ученица. — Отец Поликарп за это на вас сильно обижается. А попадья вообще называет вас безбожником.

Этот наивный детский вопрос застал Фёдора Кузьмича врасплох. Он не сразу на него ответил:

— Я верю в Бога сильнее многих ваших прихожан. Но есть в моей жизни такая тайна, какую я не могу доверить даже священнику. Бог всегда в моей душе. Я делюсь с ним своими помыслами напрямую. Хуже тем несчастным, которые, не имея веры в душе, притворяются верующими. Они забывают, что Господь, великий сердцевед, знает не только наши помыслы, но даже наперёд, что ещё будем думать.

И добавил:

— А к причастию я не хожу, потому что уже отпет.
— Это как же? — удивилась Сашенька. — Вы же живой!

Фёдор Кузьмич улыбнулся, погладил её по голове и сказал фразу, видно, из какой-то очень умной книги:

— И так бывает. А духовник у меня есть. Пусть ваш настоятель не переживает.

Однако отец Поликарп объяснениям девочки не поверил и написал жалобу в епархию. А вскоре сильно заболел и слёг в постель. Из Ачинска вызвали доктора. Тот осмотрел больного и сказал, что тот безнадежен. И тогда по совету односельчан попадья, забыв все свои дурные отзывы о Фёдоре Кузьмиче, направилась к нему со слезами о помощи.

Старец пришёл к умирающему. Сел подле него и присидел так в полном молчании около часа. А потом сказал:

— Нельзя судить о человеке, не зная его самого. Нельзя выносить скоропалительные приговоры. Всё, что вы делаете и думаете, когда-нибудь вернётся к вам. Я на вас зла не держу и вам не советую того делать, если хотите поправиться.

Уже к вечеру священнику стало легче, и вскоре он встал на ноги.

А через неделю произошло настоящее чудо. В Красную Речку из Красноярска по жалобе отца Поликарпа неожиданно приехал сам архиепископ. Его коляска подкатила к избушке самого еретика. Вся деревня сбежалась посмотреть на такую невидаль. В толпе был и выздоровевший отец Поликарп.

Фёдор Кузьмич встретил владыку, как доброго старого знакомого. Они обнялись и расцеловались.

А потом пошли прогуляться в рощу и о чём-то долго беседовали.

Больше в селе никто дурно о старце не отзывался.

Сашенька стала любимицей старца. Целые дни она проводила у него. Убиралась в домишке, сопровождала в прогулках. А летом иногда даже оставалась на ночлег, ложась спать в телеге с сеном, стоявшей во дворе.

Как много знал Фёдор Кузьмич! Он мог часами рассказывать ей о святых местах и монастырях, о войне с Наполеоном и даже о далёких странах. Сашенька слушала его рассказы как зачарованная. Она, живущая в своём маленьком мирке — глухом таёжном селе, привыкшая к тяжёлому крестьянскому труду, воскресным службам в бедной церквушке и общению с малообразованными людьми — из рассказов старца неожиданно открыла для себя, что мир не заканчивается за околицей, Ачинском и даже Томском. Что есть ещё и другие города, красивые и большие; иные страны, где люди говорят на других языках. В тех городах есть огромные храмы с золотыми куполами, а богатство лавр поражает всякого богомольца.

Как-то вечером по дороге с винокурни проезжали на лошадях хмельные казачки. У сторожки они остановились, чтобы спросить, как лучше проехать в Красную Речку. Сашенька им подробно объяснила дорогу. А дедушка задремал на лавочке, но вдруг встрепенулся, вскочил на ноги и заплакал. Такое впечатление на него произвели слова незатейливой старинной солдатской песни ещё времён войны с Наполеоном, которую затянули казаки перед отъездом:

«Ехал, ехал русский царь,
Православный государь...»

— Братцы! — взмолился старец. — Христом Богом заклинаю, пожалуйста, не пойте при мне этой песни.

При этих словах Фёдор Кузьмич разрыдался. Казачки вскочили на лошадей и усаkali прочь. А Сашенька отвела расстроенного дедушку в сторожку и уложила на лавку.

Шли годы. Сашенька выросла и превратилась в статную девуцу. И вот однажды она пришла к старцу очень грустная.

— Что случилось, Сашенька? — спросил Фёдор Кузьмич.

Вместо ответа девушка упала перед ним на колени и разрыдалась.

— Встань, встань, родная! Успокойся. Расскажи по порядку. Кто тебя обидел?

— Братья! — сквозь всхлипы произнесла она. — Они хотят выдать меня замуж, дедушка. А я не хочу выходить за нелюбимого. Я одного вас в этом мире люблю...

Он помог встать ей с колен. А девушка возьми и брось к нему на грудь с поцелуями.

— Дорогой мой, родной мой, только ты есть в этом мире для меня. Ты один. И никто более мне не нужен. Не гони меня. Оставь. Буду рабой твоей навеки, — шептала Сашенька.

Фёдор Кузьмич стоял посередине кельи, не проронив ни слова, и только с силой вдавливал в бока сжатые кулаки.

Сашенька понемногу стала успокаиваться. Она опустила глаза вниз и увидела, что из-под длинной рубахи старца натекла лужа крови.

— О Боже! — вскрикнула девушка и отпрянула в сторону.

И только тогда она заметила, что его лицо блее снега, а рубаха на боках вся в кровоподтеках.

— Вы ранены. Но как? — Александра всплеснула руками. — Раны надо перевязать.

Она едва дотронулась до окровавленного места, как старец перехватил её руку и строго, глядя прямо в глаза, сказал:

— Не надо. Сами заживут.

Но Сашенька успела почувствовать под холстом железный пояс. «Он, должно быть, с острыми шипами», — подумала она.

И ей стало так стыдно, что она отпрянула в сторону и закрыла лицо руками.

— По закону Христа человеку следует любить только одного Бога. Люди не должны привязываться к тому, что имеет конец, или смерть. Их сердца должны любить то, чтоечно, то есть Бога. Только его одного искать и только ему одному угождать. Грешно и несправедливо иметь сильную привязанность к людям. Господь говорил: «Кто любит отца и мать более меня, недостоин меня!». А теперь уходи. Я должен побыть один.

У калитки Александра обернулась и увидела через окно, как старец стоит на коленях перед иконой Спасителя и отбивает поклоны.

Но если бы она услышала слова его странной молитвы, то, скорее всего, ничего бы не поняла.

— Господь мой, Бог мой! Помоги мне избавиться от обмана страстей, обрести, наконец, свободу. Помоги выдержать ещё одно испытание, ниспосланное мне Тобой в этой таёжной глуши. Я знаю: всё, что мы желаем и лелеем в жизни, в итоге придёт к своему концу. Страдания порождаются желаниями. Но удовлетворение этого желания — лишь иллюзия, проходя-

щее удовольствие. Я отрину его ради Тебя. Господи, но зачем Ты продолжаешь мучить меня соблазнами? Я стар и болен. Мне осталось жить совсем немного. А Ты искушаешь меня этой страстью. Всё — пустое, всё — обман. Никого, кроме Тебя, у меня в этом мире не осталось...

Он снова сильно надавил локтем на свой железный пояс. Острые шипы вонзились глубоко в тело. Кровь снова потекла из-под рубахи. А он молился и молился перед иконой. И временами надавливал на шипы.

На следующий вечер Фёдор Кузьмич сам пришёл к братьям Александры.

Хозяева засуетились, собрали на стол всё лучшее, что было в доме, но старец, кроме чая, ни к чему не притронулся.

— Не выдавайте сейчас сестру замуж. Не трогайте её. За её доброту Бог не оставит её. Она не будет нуждаться в вашем хлебе, сам царь наградит её своей казной. Было мне видение нынешней ночью, что мужем её будет офицер.

При этих словах старца братья только рты раскрыли и не знали, что и ответить.

А он встал из-за стола, поблагодарил хозяев за хлеб, за соль и сказал на прощанье:

— Лучше отправьте её на богомолье по святым местам. Я напишу добрым людям, чтобы её приютили.

Братья послушались совета старца и снарядили Александру Никифоровну в дальнюю дорогу.

Перед отъездом она зашла к Фёдору Кузьмичу попрощаться и получить благословение на паломничество.

— Как бы мне царя увидеть? — спросила Александра своего наставника.

— А зачем тебе царь нужен?

— Как же, батюшка. Все говорят, царь да царь, а какой он из себя, и не знаешь.

— И цари, и полководцы, и архиереи — такие же люди, как и мы. Только Богу угодно было одних наделить властью, а другим предназначено быть под их постоянным покровительством. Погоди, — задумчиво добавил старец. — Может, и не одного царя на своём веку увидеть придётся. Бог даст, и разговаривать ещё с ним будешь. Увидишь тогда, какие цари бывают.

Он подошёл к Александре, поцеловал её, как маленькую, в лоб, перекрестил и сказал:

— Ступай с Богом!

Александра Никифоровна совершила два путешествия по святым местам. Во время первого осенью 1849 года в Кременчуге в доме графа Остен-Сакена, к которому дал ей рекомендательное письмо Фёдор Кузьмич, она встретилась с императором Николаем Павловичем и долго с ним беседовала. На вопрос царя, как же она не испугалась одна поехать в такую даль, девушка ответила: «А чего мне бояться? Со мной Бог, да и великий старец Фёдор Кузьмич за меня молится». При этих словах Николай I насупился и больше никаких вопросов не задавал.

А во время второй поездки она познакомилась в Почаеве с майором Фёдоровым и вышла за него замуж. Супруги прожили пять лет в Киеве, а после смерти мужа Александра вернулась в Сибирь и поселилась в Томске, получая пожизненную пенсию 130 рублей в год. Старец к тому времени уже умер, и майорша Фёдорова почти каждый день после церковной службы приходила на могилу Фёдора Кузьмича и молилась за упокой его души.

Корону за любовь

Томск. Октябрь 1858 года

Воскресенская гора осталась позади, они пересекли деревянный мост через узкую, но быструю речушку, тридцать лет назад спроектированный Гавриилом Батеньковым, и выехали на Базарную площадь. За десятилетия таёжной жизни старец отвык от городской суеты и сейчас, не переставая, смотрел по сторонам.

Всё ему было в интересно. И крепкие бревенчатые дома, и каменные здания, и торговые ряды со всевозможными товарами.

А Хромов рад был стараться и всё больше нахваливал Томск.

— На той улице проживают самые богатые купцы. А вот — новая часовня. Нынче архиерей освятил её. Иверской назвали. Говорят, она точь-в-точь такая же, как в Москве у Кремлёвских ворот. В честь солдат Томского гренадерского полка, погибших в Крымскую кампанию, возвели.

Старец слушал своего провожатого в пол уха и любовался позолоченными куполами собора.

— Как называется сей храм?

— Богоявленский, — охотно пояснил Хромов. — Эта церковь построена ещё в прошлом веке. Прежде на этом месте была деревянная, ровесница города. Во как! А это магистрат, главное пожарное депо и городское полицейское управление.

Но Фёдора Кузьмича больше поразила вывеска «Сибирский общественный банк», красовавшаяся на здании с колоннами.

Владельцы лавок сворачивали торговлю, убрали товар в лабазы. Навстречу попадались грузчики с тяжёлыми тюками и мешками, нищие в надежде чем-нибудь поживиться. Очень много было пьяных. Отовсюду слышалась площадная ругань.

Хромов заметил, что приезжому неприятно наблюдать эти проявления низменных человеческих инстинктов, и, пытаясь хоть как-то сгладить неприглядное впечатление, сказал:

— Мне самому толкучий рынок не по душе. Жене и дочери я вообще запретил здесь появляться. Но ничего, сейчас на Юрточную гору поднимемся, и считай уже дома. Есть дорога короче, через монастырь, но сейчас там грязь. Боюсь, застрянем.

Миновав почтовую контору, они добрались до великолепного здания, архитектурой и отделкой в стиле ампир во много раз превосходящего магистрат.

— Это дом Ивана Дмитриевича Асташева, самого богатого в здешних местах золотопромышленника, — с почтением пояснил Хромов. — Он в городе самый уважаемый человек. Все к его мнению прислушиваются. Даже губернатор.

За поворотом в двух кварталах коляска остановилась возле добротного бревенчатого дома.

Завидев в окно хозяина с гостем, на улицу вывалили все хромовские домочадцы — жена и дочь и дворовые люди.

— Милости просим в дом, Фёдор Кузьмич, — пропела хозяйка. — Мы вас уже и заждались. Все глаза на дорогу проглядели. Комнатку вам во флигеле приготовили. Уютная, опрятная. Вам понравится.

Старец улыбнулся купчихе любезно, а на Хромова цыкнул:

— Ты же знаешь: я не люблю людей стеснять.

— Да что вы, Фёдор Кузьмич, — возразил хозяин.
— Разве вы можете кого-то стеснить. Флигель у нас всё равно круглый год пустует. А ещё у меня заимка есть, в четырёх верстах отсюда. Красивейшее место! Родник там бьёт с целебной водой. Вот по весне я вам там келью и поставлю. Вы ещё сто лет проживёте. Помните, как в Библии сказано: прежде люди и по триста лет жили. Ибо святы были. А вы, Фёдор Кузьмич, в своей святости им не уступите.

С такими разговорами они и вошли в дом.

— Значит, уехал Гавриил Степанович отсель? — спросил Хромова старец, когда на следующий день зашёл разговор об известных жителях губернского города.

— Уж два годка как уехал. Говорят, в Калуге теперь проживает, — ответил хозяин.

— Жаль. Интересный был собеседник, — удручённо вздохнул гость.

— Да не переживайте вы так, Фёдор Кузьмич! — успокоил его купец. — Грамотных людей в Томске много. Вон на Воскресенской горе купил дом один ссыльный. Сказывают, во французской революции участвовал, а когда в городе Дрездене провозгласили республику, его даже избрали вице-президентом. Три государства приговорили его к смертной казни: Пруссия, Австро-Венгрия и наша империя. Но ничего, живой. Даже жениться собирается. Бакунин* его фамилия. Может, слышали?

— Нет, — признался старец. — А чем он ещё кроме смуты знаменит?

— Говорят, книжки разные пишет — по философии, по политике. Наши разночинцы от него без ума. По вечерам все к нему на посиделки бегают. Если желаете, могу его пригласить к нам.

— Нет, Семён Феофанович, не стоит. Бог даст, и так свидимся, а специально не надо.

— Что ещё? Поляков у нас много. В тридцатые годы после восстания их сюда сослали. Им даже разрешили католический костёл построить. Каждое воскресенье собираются все там на службу. Чудные они. Вроде бы одному Богу молимся, но всё у них не как у людей. И храм — не храм. В нашу церковь войдёшь — душа радуется! Светло, красиво. Сразу жить хочется! А у них в костёле всё наоборот. Тоже красиво. Но по-своему, мрачно. Словно они постоянно думают о смерти.

Слова Хромова насчёт костёла старец мимо ушей не пропустил. В следующее же воскресенье, отстояв молебен в Богоявленском соборе, Фёдор Кузьмич решил заодно посетить и Семиглавую Воскресенскую церковь. Её высокий силуэт в стиле барокко он приметил ещё на подъезде к Томску. И тогда же принял решение: непременно побывать и помолиться в этом храме.

Первые дни на новом месте он сильно хворал. Но ничего, на этот раз Бог миловал: болезнь отступила.

Вооружившись посохом и накинув на себя худой армячишко, новый житель губернского города отправился на разведку.

Тяжело ему дался подъём в гору. Старец остановился, чтобы перевести дух, поднял глаза вверх и только тут заметил, что стоит он прямо перед лестницей, ведущей к воротам костёла.

У католиков служба закончилась, и прихожане стали выходить во двор. Мужчины, пожилые и молодые, вели под руку своих жён и невест, а дети, нарядно одетые, исчерпав всю свою выдержку на мессе, озорно переглядывались и стремились поскорее вырваться на волю.

Лестница была крутая, и мужчинам на спуске приходилось поддерживать дам. Один молодой человек помог своей спутнице, а, увидев за ней спускающегося старика в чёрном плаще и шляпе, хотел поддержать и его, но дед оказался гордым и отодвинул протянутую руку.

Пожилый поляк уже почти прошёл мимо стоящего у обочины старца. Но неожиданно вернулся и спросил Фёдора Кузьмича:

— Вы кто? Прежде я вас никогда здесь не видел.

— Бродяга, не помнящий родства. Фёдором Кузьмичом меня кличут.

— А раньше нам встречаться не доводилось? Голос мне ваш почему-то уж больно знаком. В Польше не бывали: в Кракове или в Варшаве?

— Не помню. Может, и бывал. Я давно живу. Много странствовал.

А поляк всё пристальней всматривался в его лицо, силясь вспомнить, где он мог видеть этого человека. И вдруг его лицо расплылось в улыбке.

— Я вспомнил! — радостно воскликнул человек в чёрной шляпе. — Вы напомнили мне великого князя Константина Павловича! Вы говорите прямо, как он. Так же держитесь. И этот взгляд. Его ни с каким другим не спутаешь. Меня зовут Владислав Синецкий, — представился он. — Я служил адъютантом у великого князя, когда он жил в Варшаве. Мой дом неподалёку отсюда. Пожалуйста, окажите мне честь своим визитом.

Фёдор Кузьмич не возражал, чем очень обрадовал поляка.

Домик у бывшего польского офицера был одноэтажный, зато с ухоженным палисадником перед окнами. И во дворе прибрано на европейский манер. С аккуратностью, но не так, как у немцев. В своей прошлой жизни Фёдор Кузьмич повидал немало подворий. Исколесил, почитай, всю Европу. Ему было с чем сравнивать.

У немцев педантичность в крови. Хозяйство продумано до мелочей, и каждая вещь лежит на своём месте. У русских же — наоборот. А польский порядок — нечто среднее между немецким и русским. И главная проблема Польши всегда заключалась в том, что она стремилась на Запад, оставаясь для французов и немцев дикой страной, но всё же в меньшей степени, чем Россия.

В общем, в хозяйстве Синецкого всё было устроено на европейский лад, но по-польски.

К тому же суровость сибирского климата требовала от представителей любых народов, волею судьбы заброшенных сюда, устраивать свой новый быт не для красоты и не ради проявления национальной самобытности, а чтобы выжить.

Двор у Синецкого был крытый, с настилом из струганных досок. Хозяйственные постройки — хлев, курятник, сарай и небольшая кузница — находились под одной крышей и примыкали к дому.

— Хозяйка у меня третий год как преставилась. Бобылём свой век доживаю. Спасибо детям: помогают. Не бросают старика одного. Дочки забегут, еды принесут. А если требуется сила, сыновья на подмогу

приходят. Грех на судьбу жаловаться, — потчуй гостя чаем с оладьями и мёдом, рассказывал хозяин.

— Хороши у тебя оладьи, пан. Даже царь от таких бы не отказался! — нахваливал старец. — Кто готовил — дочь или сноха?

— Дочка, — с улыбкой ответил Синецкий. — Младшая, Иоанна. Я же её в честь супруги великого князя Иоанны Грудзинской назвал. Красивая была женщина, и как любила своего мужа! И он её тоже очень любил. Даже от царского трона ради неё отказался.

— Как интересно! — оживился гость. — А не могли бы вы рассказать мне об этом подробнее. А то все говорят, что я внешне похож на великого князя, а иные, что даже на царя. А я к своему стыду о них мало что знаю. Право же, расскажите.

— И точно! — хлопнул себя по колену хозяин. — Вот на кого вы походите, как две капли воды: на императора Александра Павловича! Как же я сразу, старый пень, не догадался.

— Не переживайте вы так, пан Синецкий. Это только внешнее сходство, не более. Александр Первый давно уже умер, и Константин Павлович — тоже. А вот узнать, какими были эти венценосные особы, мне ужасно интересно. Ведь так мало осталось в живых людей, знавших их лично!

— Отец мой, мелкопоместный краковский дворянин, был ярым сторонником независимой Польши. Когда Наполеон создал Великое герцогство Варшавское и начал готовить поход против России, моя дальнейшая судьба решилась без моей на то воли. Батюшка, снабдив рекомендательным письмом к графу Понятовскому, отправил меня понюхать пороху и послужить Отечеству. Я был зачислен

корнетом в конный егерский полк. Мне в ту пору не было ещё и восемнадцати.

Я был одним из немногих в Великой армии, кому повезло уцелеть во время русского похода. В нашем полку из десяти переправившихся через Неман только один вернулся обратно.

Но война для меня ещё не кончилась. Армия царя Александра вступила в Европу. На себе сполна испытал всю силу и мощь русского оружия. Хоть генерал Понятовский и приблизил меня к себе, но в штабе я не отсиживался. Битву народов под Лейпцигом встретил уже в чине капитана. Раненный картечью граф Понятовский погиб на моих глазах, сжимая в кулаке маршальский жезл, накануне врученный ему Наполеоном.

Когда пал Париж, его преемник — генерал Домбровский — отправил делегатов к русскому царю. Мне повезло сопровождать парламентёров. Вот тогда-то я и увидел впервые двух братьев — императора Александра и великого князя Константина.

Честно скажу, мы были готовы к суровой каре. Наши солдаты особенно бесчинствовали в покорённой Москве. И русский царь об этом знал. Но Александр Павлович простил нас и разрешил вернуться на родину. И даже не разрозненной толпой, а в строевом порядке и — чего уж мы никак от него ожидали — с оружием. Даже барабаны и знамена оставил. Правда, сопровождали нас русские полки. А дома победители поставили нас перед выбором — оставаться на службе или уходить в отставку.

Император восстановил Царство Польское под опекой российской короны. А главнокомандующим войсками в Варшаве — и русскими, и польскими — Александр назначил брата Константина.

Константин Павлович стал искать штабистов, ему порекомендовали меня.

— Водочки, Фёдор Кузьмич, не желаете? Мне почему-то ужасно хочется назвать вас «Ваше Величество», — обратился хозяин к гостю.

— Нет, благодарствую. Я спиртного не употребляю, — отказался старец, но добавил. — А вы, пан, если хотите — выпейте. Я к этому нормально отношусь. Коли человек меру знает.

— И то правда! — обрадовался Синецкий. — У меня от воспоминаний, знаете ли, во рту всё пересохло. Говорить тяжело.

Он достал из шкафа графин и налил себе полную стопку водки.

— Может, чаю ещё хотите?

— С удовольствием. Разве можно отказаться от хорошего чая и доброй беседы?

Хозяин потрогал самовар: не остыл ли? И облегчённо вздохнул. Он нарезал сала и хлеба себе на закуску. Налил гостю чаю.

— За ваше здоровье, уважаемый, — произнёс он короткий тост и опрокинул в себя стопку.

Потом крикнул, зажевал куском сала с хлебом и спросил:

— На чём я остановился?

— Константин пригласил вас к себе в штаб, — торопливо подсказал ему гость, желая быстрее услышать продолжение.

— Так вот, значит, начались повседневные дни моей новой службы. Не суждено было мне тогда оказаться на сибирской каторге, а поселился я в милой моему сердцу Варшаве, правда, служил теперь новому государю.

Константин Павлович был человек мужественный и прямой, но отличался непредсказуемостью поведения. Мог прийти в неопишемую ярость от малозначительной провинности, что пена у него брызгала изо рта. Но долго зла таить в себе тоже не мог, ибо сердце у него было отходчивое.

Великий князь впервые получил под своё командование большое войско и самостоятельность в принятии решений. Санкт-Петербург далеко, а в Варшаве он был императорским наместником, первым лицом в Царстве Польском. И Константин задался целью сделать из польских легионов самую лучшую и боеспособную армию в Европе. Он мечтал когда-нибудь превзойти в воинской славе Наполеона и брата Александра.

Только любимое детище великого князя, окрепнув и уверившись в собственной непобедимости, обратило мощь против своего создателя.

Пятнадцать лет жизни отдал Константин Павлович Польше. Разные это были годы. При нём моя страна получила хоть урезанную, но конституцию. Чего до сих пор нет в России. Стал заседать сейм. В честь его открытия даже приезжал в Варшаву Александр I и выступал перед депутатами. С Константином мы пережили и скоропостижную кончину благословенного императора, и восстание декабристов, и первые николаевские судилища.

Своё личное счастье цесаревич тоже обрёл в Польше и не променял его даже на корону великой империи. Кто из нынешних правителей способен на такое?

— А вы были знакомы с его женой? — неожиданно поинтересовался старец.

— Мне ль не знать! Я, уважаемый Фёдор Кузьмич, одно время даже служил личным адъютантом

великого князя и жил со всей его семьёй под одной крышей в Бельведерском дворце. И с блистательной Иоанной Грудзинской — княгиней Лович, и с сыном великого князя, бастардом Павлом доводилось даже обедать за одним столом.

— И что, от её красоты можно было потерять голову?

— Просто очаровательна! Особенно её тёмно-синие глаза. Омут! К тому же очень похожа на первую любовь Константина Павловича. С вашего позволения, я выпью ещё стопочку?

Фёдор Кузьмич согласно кивнул. В мыслях он уже был далеко отсюда. Собеседник, крикнув, выпил и продолжил рассказ. Он и впрямь был хорошо осведомлён. Старец внимательно слушал его и только утвердительно покачивал своей длинной седой бородой.

— Хватит с меня немецких принцесс! Увольте! Я сыт ими по горло. Больше я никогда не поступлю вопреки зову моего сердца. Так матушке и передайте, дорогой брат! Хотите вы того или нет, но я всё равно женюсь на Иоанне Грудзинской!

В таком тоне Константин ещё никогда не разговаривал с царём. Да, он был вспыльчив, но грубил подчинённым, зависимым от него людям. Открыто и дерзко против воли императора и матери ещё никогда не выступал.

Александр даже опешил слегка от такого напора. Они стояли друг напротив друга — два брата: царь и цесаревич — в кабинете главнокомандующего Литовским корпусом в Брюлёвском дворце в Варшаве.

Император только что выступил на заседании сейма, затем осмотрел полки и остался доволен. И вдруг брат вылил на него ушат ледяной воды. Константин и прежде

заговаривал о свадьбе, но Александр не придавал его словам значения: ведь у него было столько влюбленностей!

— Государь! Брат мой! — сменил интонацию великий князь, он уже не ставил ультиматум, а просил, умолял: — Бог поразил моё сердце любовью. Чистая и светлая девичья душа полюбила меня. Я не могу просто совратить её, обмануть её доверие. Разреши, государь!

Константин упал на колени.

— Полно, брат! Хватит! Пожалуйста, встань, — смущённый Александр поднял его.

Глаза цесаревича были полны слёз. Всклипывая, он продолжал убеждать императора:

— Я, как ты, не хочу провести остаток своей жизни с той, которая ненавистна мне, а я — ей. Только из-за каких-то выдуманных приличий.

— Но такова незавидная участь царей! — задумчиво произнёс Александр. — В нашем роду ещё никто не женился по собственному выбору и по любви. Ты хочешь быть первым?

— Кто-то же должен отважиться и подать пример!

— Но первому всегда достаются главные трудности.

— Я их не боюсь. С любимой я готов отправиться в самую далёкую ссылку, хоть в Сибирь.

— Хорошо, — согласился царь. — Я перешлю твоё дело в Синод и попробую уговорить матушку.

Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна два года не соглашалась выслушать своего непутёвого сына.

Наконец царь вызвал Константина в Санкт-Петербург, наказав захватить с собой портрет избранницы.

Постаревшая и располневшая Мария Фёдоровна встретила сына прохладно.

— Вы никогда не были благоразумны, не оправдали моих надежд и очень огорчили меня. Но я вынуждена согласиться с доводами государя...

Цесаревич рухнул к её ногам и стал благодарить:

— Простите меня за все огорчения, которые я вам причинил. Я знал, что ваше любящее сердце поймёт меня...

— Вам, безусловно, следовало выбрать себе жену из достойного рода. Но вы не послушались моего совета и свою судьбу ломаете сами. Ваш выбор хорош, но лишь для частного лица. На свадьбу я не отпущу никого из нашей семьи.

Константин, не слыша материнских укоров, продолжал осыпать её словами благодарности.

Он даже не помнил, как брат поднял его с пола и вывел из материнских покоев.

— Синод расторгнул твой брак с Анной Фёдоровной, — поведал ему Александр. — Ты вправе жениться во второй раз.

Цесаревич снова рассыпался словами благодарности, теперь уже перед братом.

— Однако матушка дала своё согласие на твой брак с Груздинской, потребовав взамен дорожную плату, — в голосе императора зазвучал металл. — Сначала ты должен подписать документ о своём отречении от трона, а я — издать специальный манифест на будущее — о том, что дети, рождённые в подобных браках, не имеют права наследования престола.

Константин равнодушно пожал плечами и спросил:

— Какую бумагу мне надобно подписать?

Император, поражённый легкомыслием брата, произнёс по слогам:

— Ты должен сам написать своё отречение. Ты хорошо подумал?

— Более чем когда-либо, — хладнокровно ответил цесаревич и добавил: — Какой из меня царь? Ты красив, умен, хороший дипломат. А я просто солдат. Солдатом и останусь. Да и не хочу я всходить на трон. Я к этому делу не приучен. Убьют меня, как отца убили.

Александр задумался.

— А может быть, ты и прав. Жить как частный человек — это ли не отрада? Любить и быть любимым, воспитывать детей... Не в этом ли счастье человека? В глубине души я тебе даже завидую, — признался царь и уже без каких-либо недомолвок объявил: — Я хочу сделать твой невесте подарок на свадьбу. Это имение Лович и титул княгини.

— Спасибо, брат...

Константин сел за стол и быстро написал своё отречение, как будто всю жизнь он только и делал, что отрекался от империи.

Братья обнялись и расстались.

Молодые хотели обвенчаться тайно. На бракосочетании в Королевском замке присутствовали только четверо старых друзей великого князя. Вначале их обвенчал православный священник в дворцовой церкви, а потом такой же обряд был совершён в католической часовне.

Но едва молодожёны вышли из Королевского замка и сели в конный кабриолет, как толпы варшавян вывалили на улицы. Новобрачных осыпали цветами.

Константин был счастлив. Разве не стоила корона великой империи, обогрётная кровью его несчастных предков, этих неподдельных восторгов благодарного польского народа?

И старый добрый Бельведер зажил новой жизнью. В нём появилась молодая очаровательная хозяйка. И — ребёнок. Незаконнорожденный сын Константина Павловича и Жозефины Фридерикс. За огромную сумму мать удалилась из Царства Польского и оставила его с отцом.

Он был крестником императора Александра, и полное его имя звучало: Павел Александрович Александров.

В двенадцать лет Павлуша свободно говорил почти на всех европейских языках, ему нравилось учиться.

Когда за обеденным столом в парадной зале собиралась его новая семья — любимая жена и подающий большие надежды сын — наместник был счастлив.

Из Таганрога стали поступать разные известия. Гонец привёз письмо, извещавшее, что император неожиданно тяжело заболел. Другой — что царю стало лучше, он даже поел с аппетитом и вставал с постели. А третий — о скоропостижной кончине государя.

В кабинете воцарилось молчание. Все придворные стояли подавленные и угнетённые. Наконец один из старших офицеров робко поинтересовался у Константина Павловича:

— Какие теперь будут приказания Вашего Величества?

Великий князь вскочил со стула и с гневом обрушился на него:

— Прошу не давать мне титула, который мне не принадлежит! Все запомните: теперь наш законный император — Николай Павлович!

Но когда всё худо-бедно, правда, не без кровопролития, устроилось, и Николай взошёл-таки на престол, великий князь часто спрашивал своего адъютанта: чего же хотели восставшие?

Хитрый придворный всегда рассказывал одну и ту же историю.

— Солдаты на Сенатской площади кричали: «Мы за Константина! Мы за Конституцию!» А когда у них кто-то из толпы поинтересовался: а кто она такая, эта конституция, служивые, не задумываясь, ответили: «Известно кто. Жена Константина!»

На этом самом месте польский наместник начинал дико хохотать и непременно обращался к своей супруге:

— Представляете, дорогая, как русский народ вас величает? Моя любимая, моя ненаглядная Конституция!

Несмотря на многочисленные донесения о создании Военного союза и подготовке к восстанию главнокомандующий отмахивался от них. Он не верил, что поляки, которые его так любят, способны на чёрную неблагодарность. Он создал для Польши первоклассную армию, обеспечил её лучшим оружием, вымуштровал полки. При нём жизнь на разорённой войнами земле только начала налаживаться. И вдруг какое-то восстание. Наговоры, вымысел недоброжелателей. В таком тоне он писал в столицу императору Николаю. В его обожаемой Польше всё спокойно.

Анонимные письма о заговоре он бросал в камин. А Бельведерский дворец по-прежнему охраняли всего два сторожа-инвалида, и ворота замка на ночь даже не запирались.

У великого князя неожиданно заболел большой палец на ноге. За ночь он так распух и почернел, что на ногу невозможно было ступить. Впервые за шестнадцать лет жизни в Варшаве Константину Павловичу пришлось изменить свои планы. Он не поехал на развод постов на Саксонскую

площадь. И в толпе народа его напрасно прождали сорок молодых людей в длинных плащах, под которыми они прятали бомбы и пистолеты. Жертва спутала их планы.

Начальник варшавской полиции дожидался аудиенции в приёмной великого князя уже третий час. За окнами смеркалось — в ноябре темнеет рано. Камердинер внёс подсвечник с зажжёнными свечами. Потом, ни слова не говоря, бесшумно отворил дверь и, как тень, скользнул в кабинет.

Вскоре он вышел оттуда и тихо сказал:

— Его высочество по-прежнему спит. Ему нездоровится. Не лучше ли отложить ваш визит до завтрашнего утра?

Полицеймейстер встал с дивана и ответил:

— Я бы с удовольствием так и сделал. Но моё дело не ждёт, завтра может быть уже поздно. Вам придётся разбудить великого князя. Иного выхода нет...

Он ещё не закончил фразу, как снизу послышался какой-то шум.

— Я посмотрю, — остановив камердинера, сказал полицеймейстер и вышел в коридор.

Шум доносился с лестницы. Со стен падали картины в тяжёлых рамах, звенели осколки разбитых древних ваз, по ступенькам, громыхая сапогами, со штыками наперевес неслись студенты в красных конфедератках.

— Спасайтесь, Ваше Высочество! Вас хотят убить! — крикнул изо всех сил полицеймейстер и бросился бежать назад в приемную.

Но он был человек грузный, конфедераты нагнали его и пронзили штыками.

Зато камердинер успел заскочить в кабинет великого князя и задвинуть засовы. Через потайной ход он вывел Константина Павловича на крышу, в одну из угловых башенок.

Конфедераты ошиблись, искололи штыками другого генерала, похожего на великого князя, и покинули дворец.

В покои княгини мятежники не решились ворваться. И когда бледный, как смерть, Константин вышел из своего укрытия и спустился в приёмную, то рядом с телом несчастного полицмейстера застал свою жену. Она искала его среди убитых. Увидев мужа живым и невредимым, Иоанна бросилась ему на грудь и разрыдалась:

— Вы живы! Какое счастье!

К замку уже подходили русские полки.

Константин вышел во двор и принял донесения от офицеров. Только тогда ему стали ясны масштабы произошедшего. Это оказалась не вылазка горстки смутьянов, а подготовленная, тщательно спланированная акция. Захвачен арсенал. Польские командиры раздают оружие ополченцам. В городе убивают русских, жгут их дома.

К рассвету подтянулись все части русских войск, которым удалось вырваться из восставшей польской столицы. Константин Павлович отдал приказ оставить Варшаву.

Княгиня отказалась одна выехать в Россию и осталась рядом с мужем.

Через два дня к великому князю приехала делегация от Временного польского правительства. Её возглавлял старый друг императора Александра Адам Чарторыйский.

— Я уполномочен обсудить с вами, Ваше Высочество, меры, с помощью которых мы можем избежать разрастания конфликта, — начал он издаലെка. — Но при некоторых условиях.

— Единственным условием может быть только ваша беспрекословная покорность российскому императору, — отрезал Константин.

— Мы можем обсудить и это, — парировал выпад Чарторыйский. — Но у польского народа есть ряд требований. Мы требуем восстановления конституции, данной нам императором Александром и урезанной Николаем, а также передачи Польше её исконных земель. Мы настаиваем на полной и безоговорочной амнистии всем восставшим. Если вы, Ваше Высочество, поддержите наши требования и перейдёте на нашу сторону, то я уполномочен предложить вам от имени Временного правительства стать нашим законным королём, и чтобы наследники ваши правили свободной и процветающей Польшей.

Константин побагровел, его кулаки сжались, и он чуть не набросился на главу самозванного правительства.

— Вы хотите, чтобы я предал империю, предал брата? — гневно спросил он Чарторыйского.

— Бросьте, Ваше Высочество! Ни о каком предательстве речь не идёт, — стал успокаивать его парламентёр. — Вы же любите Польшу, и Польша любит вас. Это же ваша вторая родина. Не так ли, ваше сиятельство?

Последние слова были обращены к княгине Лович. Она покраснела и громко, чтобы слышали все, сказала мужу:

— Не слушайте этого человека! Он предатель!

Константин улыбнулся и спросил:

— Все слышали ответ гордой польки? — он обвёл взглядом членов делегации. — Император Николай — ваш и мой государь. А я здесь только первый подданный. Обратитесь со всеми этими вопросами лучше к нему.

— С вашего позволения... Фёдор Кузьмич... ещё одну стопочку...

Синецкий уже сильно захмелел. Даже язык заплетался, но старец всё равно не уходил. Он хотел дослушать рассказ до конца.

— А что было потом, милейший пан?

— Потом?.. — поляк явно запамятовал, на чём он остановился. — Ах, потом... Обсудили условия перемирия. Наши выдали вашим пленных. А польским частям, оставшимся верным присяге, Его Высочество разрешил вернуться в Варшаву. Тогда я и покинул великого князя, даже не попрощавшись с ним по-людски. Мы открыли дорогу русским полкам к границе. Но у Николая Павловича оказалось наготове огромное войско. Он его намеревался отправить для усмирения французской революции. А вместо этого двинул на Польшу. Только командование теперь поручил генерал-фельдмаршалу Дибичу, ибо Константин Павлович в его глазах пал низко, что позволил созреть восстанию. Правда, великий князь остался в ставке. Он хотел помочь усмирить Польшу малой кровью. Всё уговаривал Дибича только поугатать, а не воевать всерьёз. Но в мае 1831 года фельдмаршал заразился холерой и умер, а через месяц в Витебске от этой же заразы скончался и великий князь. Мир праху его! Достойный был человек.

После Дибича русскую армию возглавил генерал-фельдмаршал Паскевич*, ставший потом польским наместником. Этот волкодав с нами уже не церемонился. К осени всё было кончено. Варшава пала. Наши отряды распущены. А потом что? Суд. И вот она — Сибирь-матушка, приют всех неприкаянных душ.

Кузьмич? Ещё по стопочке? Где вы, Кузьмич?..

Старый солдат Синецкий пережил Фёдора Кузьмича всего на две недели. Его похоронили в Томске на католической части кладбища.

После смерти Константина Павловича император Николай I пригласил княгиню Лович на жительство в Царское Село в качестве вдовствующей великой княгини. Но через год и её не стало...

Загадочная смерть брата императора и его жены послужила поводом для разного рода слухов. Поговаривали даже, что великий князь вовсе не умер от холеры, а, последовав примеру брата Александра, инсценировал свою смерть и добровольно уехал в Сибирь. Он не мог простить себе собственного легкомыслия, следствием которого явились утрата безоблачной жизни в Бельведерском дворце и такое кровопролитие.

Константин якобы устроился на Байкале, близ Иркутска, а вскоре вызвал к себе и жену. Там они дожили свой век в мире и согласии, осуществив мечту о частной жизни.

Но это, скорее всего, красивая сказка. Как, может быть, и вся история о Фёдоре Кузьмиче. Кто его знает?

Но если это всё-таки было, то выглядело, вероятно, так или хотя бы похоже.

Вознесение

Томск. Декабрь 1858 года

— **И**стория — это эволюционный процесс, шествие человечества из «царства животности» в «царство свободы». Атрибутами низшей степени являются религия и государство. Человек отличается от животного только мышлением, которое вызывает к жизни религию. А государство, олицетворяющее тиранию и эксплуатацию, опирается на фикцию бога. Будущее общество — строй ничем не ограниченной свободы, независимости человека от всякой власти, полного развития всех его способностей.

Оратор с несколько заплывшим лицом и всклооченной бородой окончил свою пламенную речь, и тотчас же в маленькой комнатёнке, в которую набилась уйма народу, раздались аплодисменты.

— Bravo, Михаил Александрович! — закричала эмансипированная девица в очках. — Да здравствует Бакунин! Да здравствует свобода!

— Тише, тише, — зашикали на неё соседи. — Мы не на митинге. Не надо так кричать.

Старики сидели в соседней комнатке, где Антонина, молодая жена хозяина дома, потчевала их чаем. Они хорошо слышали всё, что говорила молодёжь, и делали свои выводы из сказанного.

— Ишь, до чего договорился твой зять, пан Ксаверий, — осуждающе заметил Синецкий, напросившийся

в гости к дочке своего старого приятеля. — Он уже не только на царя, на самого Бога ропщет! Ох, гореть ему в адском пламени после Страшного суда! Как же ты за такого еретика дочь замуж-то выдал? Куда глаза твои глядели?

Квятковский стыдливо потупил глаза и удручённо ответил:

— Не хотел я этого брака. Как мог, противился ему. На что мне ссыльный, лишённый всех прав зять? Но коли в дом сам генерал-губернатор Восточной Сибири граф Муравьёв-Амурский приезжает и сватает Антосю за своего племянника, как тут отказать? Да-да, этот безбожник, этот каторжник приходится родственником его сиятельству. Граф нарисовал мне картину скорого возвращения Бакунину всех прав и его блестящей будущности. Господин Муравьёв даже согласился быть посажёным отцом жениха и лично присутствовал на свадьбе. Чтоб ты сам сделал?

Синецкий задумался, а потом честно ответил:

— Не знаю.

— Вот и я не знал. С одной стороны, я всей душой желал дочери уехать из Сибири и поселиться где-нибудь в Европе, а с другой — боязно мне было за неё. Вот и сказал ей, мол, поступай, как сердце велит. Она, дура, согласилась выйти за него. Боже мой! Он же чистейший карбонарий. Мы, Владислав, воевали за свободу нашей Родины, этому же вообще никакая родина не нужна. Он враг любого государства. Он тут заявил мне на днях: «Анархия — мать порядка!» Я чуть со стула не упал при этих словах.

— Да, пан Ксаверий, угораздило же тебя связаться с чёртом! — глубокомысленно и одновременно сочувственно сказал Синецкий.

— И не говори, пан Владислав. Сильно жалею, что поддался тогда соблазну породниться со знатью. Эти образованные дворяне опаснее любой черни. Вон как он гладко всё причёсывает. Молодёжь уши развесила, внимает каждому его слову. Нутром чую, что он не прав, а опровергнуть его не могу. Ума не хватает.

— А вы, Фёдор Кузьмич, что думаете по этому поводу? — Синецкий неожиданно спросил старца, доселе хранившего молчание. — Сами же просили привести вас в дом к этому инсургенту?

— У писателя Грибоедова была такая комедия «Горе от ума», — тихо произнёс старец. — Сей господин болен как раз этой болезнью. А что у него с лицом?

Квятковский пожал плечами:

— Врачи нашли у него ожирение сердца. Поэтому и выпустил его царь из Петропавловской крепости, в надежде, что недолго смутьяну жить осталось. А он возьми да и окрепни в ссылке. Помирать совсем не собирается, вон женился даже. Я уже давно заметил, что Сибирь на многих ссыльных действует благодатно. Словно, курорт какой. Кто в ней приживается, тот потом живёт долго. Прямо, как мы с вами.

Старики рассмеялись. Даже Фёдор Кузьмич улыбнулся сквозь бороду.

— Это Божья кара, — продолжил старец, имея в виду болезнь Бакунина. — Но он из-за своей гордыни этого никогда не признает. Он ставит человека в центр мироздания, обращается к его сознательности и мудрости. Но сами эти качества — есть проявление Бога в человеке. Без Бога в душе даже самые лучшие замыслы приводят к чудовищным преступлениям. С такими проповедниками потомкам нашим предстоит пережить бедствия великие. Человек несовершенен. Его душа — есть арена борьбы Добра со Злом. Бог есть Добро.

Уберите его, и в мире останется одно Зло. И как бы человек ни обольщал себя, что он центр Вселенной, это иллюзия, вызванная непомерной гордыней. Он — смертен, он — прах. Чтоб быть человеком, надо иметь Бога в душе. Этим мы отличаемся от животных. Важно, чтобы люди верили в Бога. Кто знает, может быть, когда-нибудь народы настолько повзрослеют, что начнут воспринимать друг друга как ближнего своего и объединятся в одно большое государство. Но произойдет это не с помощью огня и меча, а по доброй воле и любви. Тогда и наступит на земле Царство Божие. И это будет торжество Бога в душах людских.

Тем временем в соседней комнате слово взял другой оратор — молодой человек лет двадцати от роду, по внешнему виду и говору происходивший из казаков.

— Я люблю Сибирь! Это моя родина. Я здесь вырос. Я люблю эту землю и готов служить ей беззаветно. Чтобы из бедной, пустынной, убогой и невежественной превратить её в богатую, образованную. На месте несчастной, слышащей только звон цепей и проклятия ссыльных, колонии я представляю жизнерадостную и ликующую страну будущего. Подобно Америке и Австралии. Новый девственный край. С неисчислимыми богатствами. Царица Азии. Мы наладим торговые связи и с Китаем, и с Америкой, и с Европой, и с Индией. Не только через морское сообщение, но и возродим забытые караванные пути через Тянь-Шань и Тибет. Весь мир будет завидовать нам. Стране, свободной от имперского гнёта прогнившей и одряхлевшей династии, где правят не выжившие из ума цари, а сами свободные труженики через выборные органы. Вот каким я вижу будущее дорогой моему сердцу Сибири!

Бакунин подошёл к молодому человеку, покрасневшему от пылкой речи, пожал ему руку и крепко обнял его:

— Молодец, Григорий Николаевич! С тебя выйдет толк. Я спокоен за будущее Сибири, раз у неё есть такие благородные сыны, как ты.

Он отвёл юношу в сторону и сказал ему:

— Я давеча заходил к самому богатому в Томске купцу, рассказал ему про тебя: есть, мол, такой сибирский самородок — Григорий Потанин*, жаждущий получить образование в Петербурге. Он обещал дать тебе сто рублей на дорогу. Как Ломоносов, пешком в лаптях в столицу в столицу не пойдёшь. Для тебя уже выхлопотали разрешение доехать до Петербурга с караваном золота. Я дам тебе письмо к своему старинному приятелю, с которым мы слушали лекции в Берлинском университете, чтобы он приютил тебя на первых порах. Мечты сбываются, Григорий Николаевич! Собирайся в дорогу.

— Не знаю, как вас и благодарить, Михаил Александрович, — пролепетал переполняемый чувством восторга юноша. — Вы так много для меня сделали.

— Не стоит благодарности, — махнул рукой Бакунин. — Послужишь честью и правдой Родине, как только что обещал, вот и квиты будем.

Томск. Январь 1864 года

Семён Феофанович Хромов решил нынче сам отнести еду старцу. В честь Крещения жена купца напекла любимых Фёдором Кузьмичом оладий с сахаром.

— Может, хоть их поест, горемыка. Третий день у него во рту и маковой росинки не было. Ты уж повлияй на него, Семён. А то, не дай Бог, помрёт с

голоду наш дедушка, — наказывала мужу Наталья Андреевна, собирая еду.

Едва переступив порог кельи, Хромов почувствовал незримое присутствие смерти. Вроде бы, всё было как прежде, та же убогость и аскетизм, догорающие в печке дрова, иконы и картинки с видами монастырей и святых мест, развешанные по дощатой стене — единственное украшение комнатки. И в то же время какое-то холодное дыхание лишало все эти предметы их прежней жизненной значимости. Они имели значение лишь согретые душой праведника, а сейчас его душа угасала.

— Это ты, Хромов? — спросил лежащий на кровати старец и, кряхтя, повернулся на бок, чтобы было удобнее говорить с вошедшим.

— Я, Фёдор Кузьмич, вот хозяйка велела передать вам. Олады — ваши любимые, с сахаром. Вы их всегда хвалили. Говорили, что даже сам царь таких не едал.

— Спасибо ей передай, Семён Феофанович, но извинись за меня. Я их не съем. Сил у меня нет даже на это.

— Да откуда они будут, силы-то, коли вы ничего не едите. Без еды человек долго не протянет. Пища каждому нужна, — приговаривал Хромов.

Однако старец не внял уговорам, а лишь сказал:

— А вот интересно, панок. Ежели человек, отказавшись от еды, умрёт, будет ли церковь считать его самоубийцей?

— Оно понятно. Конечно же, будет. Надо же, заморить себя голодом — это грех великий.

— Это коли человек хочет есть, но насильно заставляет себя отказаться от пищи. А ежели он есть не хочет, и даже наоборот — всякая еда ему противна, тогда как?

— Не знаю, батюшка. Но всё равно мне кажется, что кушать надо даже через силу. А вдруг вы потом захотите поесть, а она, костлявая, уже на пороге.

Фёдор Кузьмич горько усмехнулся:

— Тебя, Хромов, не переспоришь. Из тебя бы знатный богослов мог выйти, если бы ты пошёл по этой стезе. Но золотой телец сбил тебя с пути. Скажи мне честно, Семён, зачем тебе столько денег? Дом вон какой у тебя, комнат не счесть. Приданым дочку обеспечил, замуж выдал. Неужто тебе мало твоего золота? Охота тебе заниматься этим промыслом, и без него же Бог питает тебя?

Семён Феофанович почесал свой лоб и вымолвил:

— Слаб я, батюшка, и грешен. Я такой же, как и все. Мало мне ещё денег. Вон сосед-то какие хоромы отгрохал. А я чем его хуже?

— Пустое это всё, Хромов. Так, суета. Христианину надлежит заботиться не только о хлебе насущном, но и о жизни будущей. О душе пора тебе задуматься.

— Ещё малость подзаработаю, а потом и подумаю.

— Гляди, можешь не успеть, — предупредил его старец, а потом строго посмотрел ему в глаза. — Обещай мне, пока владеешь приисками, не будешь обирать рабочих.

— И даже на копейку? — переспросил старца купец.

— Даже на копейку, — эхом повторил Фёдор Кузьмич.

Хромов сел в рассеянности на стул, держа поднос с едой на коленях.

— Не губите, батюшка, — запричитал владелец прииска. — Я же тогда разорюсь.

— Эх, Семён, — с укоризной произнёс старец.

— Не всем же быть такими праведниками, как вы, батюшка, — сказал купец.

А потом поставил поднос на стол и упал на колени перед кроватью старца:

— Благословите меня, батюшка!

— Господь тебя благословит.

Но Хромов стоял на своём:

— Есть молва, что вы, батюшка, не кто иной, как Александр Благословенный. Правда ли?

Фёдор Кузьмич, услышав это, перекрестился:

— Чудны дела твои, Господи... Нет тайны, которая бы не открылась.

А потом повернулся лицом к стоящему на коленях купцу и попросил:

— Панок, хотя ты и знаешь, кто я, но когда умру, не величь меня, схорони просто.

На следующий день старцу Фёдору Кузьмичу стало хуже. Томск облетела весть, что праведник при смерти, и у дома Хромова стал собираться народ, чтобы проститься с ним.

Дежурившая возле кровати купчиха сказала больному:

— Надо бы позвать священника. Негоже христианину умирать без исповеди и причастия.

— Не надо, — строго ответил старец. — Я уже отпет.

— Объяви хотя бы имя твоего ангела.

— Это Бог знает, — пробормотал он.

Стоящий рядом с женой Хромов набрался смелости и задал вопрос:

— Батюшка, в случае вашей смерти не надеть ли на вас чёрный халат?

Фёдор Кузьмич открыл глаза и недобро посмотрел на купца.

— Я не монах. И никогда им не был, — прошептали его губы.

Но всё же потом согласился принять священника. Исповедовался и причастился по христианскому обычаю. Сам же исповедник вышел из кельи старца в полнейшем расстройстве чувств и долго не мог найти выход из купеческого дома.

Старец ещё несколько часов боролся со смертью. То ложился на один бок, то переворачивался на другой, осеняя себя крестным знамением. Но всегда находился в памяти.

С наступлением сумерек все из кельи ушли. С умирающим остался один только Хромов.

Фёдор Кузьмич слегка приподнялся на локте на кровати и показал пальцем на висевший на гвозде маленький мешочек:

— В нём моя тайна!

Потом лёг на спину, трижды глубоко вздохнул, а на четвёртом вздохе отдал Богу душу.

Семён Феофанович перекрестился. У него сложилось твёрдое впечатление, что старец сам руководил своей смертью и ушёл в мир иной, когда захотел.

Хромов не выполнил просьбу старца «схоронить просто». Похороны его были многолюдны. За гробом шла толпа народа. У некоторых офицеров даже возникла мысль отдать старцу при погребении воинские почести, но этого не позволил губернатор.

Его похоронили на кладбище Богородице-Алексеевского мужского монастыря. По углам ограды посадили четыре кедра, а на деревянном кресте сделали надпись:

«Здесь погребено тело Великого Благословенного старца Фёдора Кузьмича, скончавшегося 20 января 1864 года». По настоянию губернатора слова

«Великого Благословенного» потом закрасили белой краской. Но через какое-то время краска стёрлась, и на кресте можно было прочесть закрашенное.

В вещах покойного Хромов обнаружил интересные находки. Отпечатанное на толстой синеватой бумаге, а отчасти заполненное от руки метрическое свидетельство о бракосочетании великого князя Александра Павловича с баденской принцессой Луизой-Марией-Августой, после крещения принявшей имя Елизаветы Алексеевны. Письмо на французском языке, написанное Наполеоном императору Александру I. А также ключ к какой-то тайной переписке, икону и перстень. Последние две вещи некогда принадлежали императору Александру Павловичу и странным образом исчезли перед его кончиной в Таганроге.

Собрав наследство Фёдора Кузьмича, Хромов отправился в Санкт-Петербург. Он встретился с митрополитом и показал ему свои находки. Владыка посоветовал обратиться к царю.

Через жандармского начальника Хромов просил свидания с царем. До Александра II его не допустили, оставшиеся от старца вещи конфисковали, а самого купца посадили в Петропавловскую крепость, чтобы не болтал лишнего в столице.

Но вскоре выпустили и пригласили на аудиенцию к министру императорского двора графу Воронцову-Дашкову*.

Санкт-Петербург. Сентябрь 1882 года

Оробевший купец из Томска вошёл в кабинет министра в Зимнем дворце. За большим столом сидели восемь генералов, а на председательском месте — сам граф.

— Что вы можете рассказать нам о старце Фёдоре? — спросил Хромов министр.

— Он был великим подвижником. Я почитаю его и благоговею перед ним, — коротко ответил сибиряк.

— Правда ли, что этот старец — Александр I? — задал провокационный вопрос один из генералов.

— Вам, как людям учёным, это лучше знать, — ловко ушёл от прямого ответа купец.

Генерал побагровел и указал пальцем в сторону Петропавловской крепости:

— Если вы, Хромов, станете распространять молву о старце и называть его Александром I, то наживёте себе много неприятностей. Вы меня поняли?

— Я всё понял, ваше превосходительство. Я человек маленький. Я только привёз бумаги старца Фёдора в столицу. А что в них написано, это не моего ума дело, — испуганно ответил провинциал.

Тогда, чтобы удостовериться в понятливости купца, сам министр спросил его напоследок:

— А что означают странные инициалы, начертанные на его новом памятнике, «А.П. И.В.»? Не «Александр Павлович, императорское величество»?

— Что вы, ваше сиятельство? — как можно искреннее возмутился Хромов. — Конечно же, нет. Сии буквы имеют значение мысли «Адам пал, Иисус воскрес». Они призваны напоминать живущим о бренности земной жизни и вечности небесной благодати. Этому и учил старец Фёдор.

Сообразительность купца и ловкость, с которой он выкрутился из щекотливой ситуации, вызвали у графа Воронцова-Дашкова улыбку.

— Возвращайтесь домой, Хромов! И никого не бойтесь. Вы находитесь под моей защитой. Привезённые вами реликвии имеют огромную ценность для отечественной истории. Спасибо и доброго вам пути!

Дети Николая I не были счастливы. Дочерей император выдал замуж против их воли. На Александра II Освободителя народовольцы объявили настоящую охоту и в конце концов взорвали его. Реформы, которые игнорировал его батюшка, запоздали. Началась борьба с самодержавием, вылившаяся в три последующие русские революции.

Михаил Александрович Бакунин благодаря стараниям своего дяди губернатора Муравьёва в 1859 году был переведён в Иркутск. А в 1861 году, когда его родственника отозвали в Петербург, он понял, что свободы ему не дожидаться, и совершил побег. Добрался до порта Де-Кастри, а оттуда в Иокогаму, Сан-Франциско и Нью-Йорк, а затем в Лондон, к Герцену.

Когда Бакунины жили в Италии, Антонина Ксавьерьевна познакомилась с Гарибальди. И он подписал ей свой портрет, который она переслала сестре в Сибирь.

Григорий Николаевич Потанин за участие в студенческих волнениях был выслан из Петербурга обратно в Сибирь. Однако весной 1865 года его арестовали, обвинили в намерении отделить Сибирь от России и приговорили к пяти годам каторжных работ в Свеаборге, а затем он находился в ссылке в Вологодской губернии. Он так и не нашёл караванный путь в Индию, зато составил подробное географическое описание до этого мало известных и неизученных областей Центральной Азии, собрал большой гербарий и много материалов по культуре, быту и народному творчеству тюрков и монголов.

Эпilog

Престольный праздник. Мороз под сорок. Горожане, плотно закутанные в меховые шубы, направляются к собору.

От ограды до самой паперти в два ряда выстроились нищие: калеки и убогие, горбатые и хромые, безрукие и безногие.

Вдруг вся братия встрепенулась и, как по команде, устремила свои взоры в одну сторону.

— Это он! Он! Идёт, идёт! — перешептывались нищие, старухи испуганно крестились.

По заснеженной, обдуваемой позёмкой улице быстро, большими шагами шёл высокий старик с длинной седой бородой, одетый в одну ситцевую рубаху, тиковые штаны, и совершенно босой. В руке его была большая толстая палка, за спиной мешок.

Он ничего и ни у кого не просил, но мешок его, будто по волшебству, наполнялся подаяниями.

Почувствовав, что сумка уже полная, старик останавливался, снимал свою ношу с плеч и раздавал всё, что ему давали добрые люди.

— Берите, православные! Это ведь не моё... Вон сколько всего наложили...

Калеки и юродивые, поражённые его щедростью, молились ему вслед.

А он, раздав всё до последней копейки, до последнего куска хлеба, надевал на себя пустую сумку и, помолвившись, шёл дальше к храму.

Его голубые, как небо в ясный апрельский день, глаза светились лучезарным светом.

— Это святой человек! — перешёптывались нищие.

И даже призванный следить за порядком будочник, замёрзший на своём посту в тулупе и валенках, без малейшей тени сомнения верил им.

Кончилась обедня. Народ хлынул из церкви, и старец пошёл вместе с ним с церковного двора, часто останавливаясь, чтобы раздать нищим содержимое своей постоянно наполнявшейся чудо-сумки.

Вдруг он встретился глазами с богато одетым приезжим господином, судя по дорогой модной шубе, из столицы.

— Вы ли это?! — не поверив своим глазам, воскликнул знатный вельможа.

Он схватил смутившегося старца за руку и увлёк его за собой из толпы в церковную сторожку.

— Да. Это я. Но чему вы удивляетесь? Разве я сделал что-нибудь дурное?

— Нет. Но это странная перемена в вас! На кого вы стали похожи? Исхудали, поседели, сгорбились. Ведь краше в гроб кладут!

— Разве в одной плоти сила и красота человека? Теперь я чувствую в себе бодрость духа, силу и крепость. Я никогда не был так счастлив и богат, как сейчас! Разве оделял я тогда так щедро всех нищих и убогих, как оделяю теперь! Взгляните на этот мешок. Мало ли в нём накопилось денег, пока я шёл из храма? И всё это я могу отдать калекам и убогим. Это ли не благодать Божия? А был ли тогда я так свободен? Что важней перед Богом — тело или душа?

И, не дождавшись ответа, он уходит в заснеженную тьму. А всем кажется, что на белом коне в блестящем мундире уезжает статный и благородный царь. На прощание он оборачивается, и его голубые глаза светятся неземной благодатью.

2005, 2015 гг.

ТРУСЛИНА

Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдёт, то будет мило.
Александр Пушкин

Отец лежал на раздвинутом столе посреди большой комнаты. Руки вытянуты вдоль туловища по швам, как у солдата в строю. Неподвижное тело укрыто белой простынёй, на груди — тяжёлая почерневшая от времени серебряная шкатулка с откинутой крышкой. Наглухо зашторенные окна не пропускали внутрь дневной свет, а пробившемуся полумраку не в чем было отражаться. Все зеркала, стёкла в старом серванте и на семейных фотографиях, даже телевизор, были завешаны покрывалами и полотенцами. И только золотая звезда с серпом и молотом на подушечке красного бархата тускло подсвечивала гладко выбритый синюшный подбородок усопшего. Остальная часть лица была закрыта старинным полотенцем с вышитыми арабской вязью молитвами.

— Это — сын! Средний. Из Крыма! — старухи в чёрном, сидевшие вокруг стола, шёпотом передали новость по цепочке.

Мурата здесь знали немногие. После развода родителей он остался с матерью, затаив обиду на разрушившего семью отца. В этом холёном и спортивном мужчине сорока лет с благородной сединой на висках и в дорогой одежде мало кто бы признал хулиганистого подростка, гостившего летом у стариков Сабанавых в Татарской слободе — Заистоке.

— Молодец, что приехал. Ни нам судить отца, а Всевышнему, — тихо произнёс подошедший сзади толстяк.

Приехавший обернулся и обнял старшего брата.

— Ты прав, Фарит. Всё в руках Аллаха, всесильного и милосердного. Иншаллах*!

Сделав шаг в сторону траурного стола, Мурат остановился и спросил:

— Почему дома прощаетесь, а не в ритуальном зале?

Фарит развёл руками и полуоборотом лица показал на сидевшую у изголовья отца худую старуху.

— Абика* настояла. Хоронить по обычаю. Нам ещё могилу копать. Приготовься.

Чёрная мумия бросила на шепчущихся внуков строгий взгляд и указала костлявым пальцем на место рядом с собой. Тем временем сторбленная вдова тихо встала со стула и, закрыв лицо чёрным платком, проскользнула мимо пасынков.

— Явился — не запылится, крымчак, — словно змея, прошипела абика. — Вот смотри, довёл атая* до могилы.

Мурат нервно сглотнул слюну, но промолчал. Потом приглушенно спросил у брата:

— Инфаркт или инсульт?

— Переохлаждение. В лес ушёл. Десять дней искали.

И только потом, набравшись мужества, он посмотрел на родителя. Как же постарел отец! Никогда не унывающий шутник и балагур, очень любивший жизнь, лишившись её, превратился в кусок расплывшегося студня.

Сын прошептал молитву на арабском языке и добавил на крымско-татарском от себя:

— Прости, что я тебя не простил. Теперь прощаю всё. Спи спокойно, баба*!

Сабанаевы

Страшно, когда у матери не остаётся слёз оплакать собственного сына. Высохли, как кожа на теле и лице. Всё выплакала, ещё по мужу, которого одного любила на всём белом свете больше жизни. А в сыновьях Зульфия лишь узнавала черты характера и лица Вилен и боготворила эти частички в них. На себя, свой род она давно махнула рукой, но сабанаевская кровь для неё оставалась святой. А Наиль, её первенец, единственный из сыновей унаследовал от отца светлые волосы и голубые, как небо в июльский полдень, глаза. Такой же непокорный, задиристый, смелый и нежный.

Это для своих сыновей и внуков он — старик. Семьдесят лет прожил. Достаточно. Какой же древней кажется им она! Только тень одна и осталась.

Кажется, совсем недавно она повстречала своего суженного. Вернулся с фронта красавец-кавалерист, орденосец. Только взглянула Зульфия в его голубые глазоньки, так сразу утонула в них, как в омуте.

Сабанаевы в Томске — фамилия известная. Дед Рахматулла ещё у самого Карим-бая конюхом служил. И сыну Вилену привил любовь к лошадям.

Виля, Вилечка, Вилен... Сызмальства приучился скотину пасти, а годам к четырнадцати сам стал пастухом.

Когда немцы напали на СССР, он сразу побежал на призывной пункт. Но его на фронт не взяли. Во-

семнадцать только в январе, в день смерти Ленина. За что и имя такое получил, совсем не татарское, — Вилен. Владимир Ильич Ленин. Дядья рассказывали, сильно он переживал, что не удастся повоевать, немцев точно за лето прогонят. Но ошибся, зимой его призвали.

В Уфе сформировали кавалерийскую дивизию и бросили её под Сталинград. Так от Волги с боями прошёл он до самой Эльбы. Даже на развалинах рейхстага расписался. А отец его, Рахматулла, с войны не вернулся. Пропал без вести под Москвой.

Ему бы грамоте выучиться, цены б тогда человеку не было. Четыре класса — с горем пополам. Но после войны — какая учеба? Так жить хотелось! Богом суждено было встретиться им.

На их свадьбе гуляли вся Эушта* и весь Заисток. Гости восхищались красивой парой. Русоволосый коренастый герой-жених и невеста кожей бела, а волосы и глаза, черны, как смоль, а сама тоненькая, как тростиночка.

Но молодой муж не сразу оценил её чувство и даже после свадьбы погуливал на стороне. Фронтовик-орденоносец был везде нарасхват. Одинокие женщины после войны на каждом шагу. Он старался хранить верность жене, но не всегда получалось. Должность завхоза на ипподроме — ответственная. Так много нужно знать! Кругом — цифры, цифры, цифры. В глазах рябит. Ему б просто за лошадами ухаживать. Испугался герой растраты казённых денег. Пришёл на поклон к директору и слёзно попросил перевести его в наездники или просто в конюхи.

После войны заезды устраивали редко, по праздникам, а в будни он чистил конюшню, мыл лошадей и выезжал их. Зато на бегах равных Сабанаеву не было.

Все заезды выигрывал. Но однажды кто-то из завистников, а, может быть, обиженных мужей, ослабил крепление колес на его коляске-каталке. Перед самым финишем, когда конь нёсся на полной скорости, колеса отвалились, и наездник, сделав в воздухе акробатическое сальто, рухнул на беговую дорожку.

Всю войну прошёл без единой царапины. А тут надо же — на родном ипподроме в присутствии сотен земляков изувечился. Три месяца пролежал в гипсе. Левую руку хирурги собрали буквально по частям, но былую подвижность суставам вернуть не удалось. Хвала Всевышнему, хоть на ногах кости срослись нормально. А два компрессионных перелома позвоночника в области поясницы и грудины для любого другого означали б инвалидную коляску, но только не для Вилена Сабанаева. Превозмогая адскую боль, он заставлял врачей делать ему операции, какие были в хирургических справочниках, лишь бы получить шанс на выздоровление.

Из клиники домой его принесли на носилках. Благо, Заисток начинался прямо за мединститутом. Зульфия и по сей день помнила, как встретила мужа в смятении.

— Что, жена, не рада калеке? — издевательски спросил он с кровати.

Нервно перебирая пальцами концы платка, она набралась смелости и произнесла:

— У твоей мамы случился сердечный приступ. В больнице мы боялись тебе сказать. Она умерла.

Вилен зажмурился, сжал изо всей силы правый кулак и ударил по стене. Посыпались извёстка и штукатурка.

— Ничего, Зуля. Я встану, обязательно встану. Клянусь!

Её отец, работавший плотником в колхозе, соорудил зятю турник над кроватью, чтобы, уцепившись руками за перекладину, он пытался приподнимать туловище.

Вода камень точит. И Вилен после изнурительных шестимесячных тренировок встал с постели, а потом устроился мясником на центральный рынок.

Однажды тёплым августовским вечером они пошли прогуляться в парк на Белое озеро. И рядом со скульптурой пограничника с собакой под кустом акации Зульфия рассказала мужу старинную легенду.

Давным-давно древнюю крепость, стоявшую на этом месте, осадило войско бухарцев и степняков. Эуштинцы стойко оборонялись. Но враги призвали злых духов, заразивших озеро болезнями. Кто пил из него воду, сразу заболел.

Храбрый эуштинский воин Ушай* вызвал на поединок местного князца Басандая*, перешедшего в стан врагов. Но Ушай уже был болен и погиб в схватке. А ночью во сне его невесте красавице-княжне Томе* голос с небес подсказал, что оживить озеро может только княжеская кровь. И тогда она, горя о смерти жениха, зашла в озеро и пронзила себе грудь острым кинжалом. Вода вокруг неё закипела, вначале стала алой, а потом окрасилась в белый цвет. Каждый из выживших защитников крепости, выпив целебной воды из озера, тут же исцелялся. Поэтому озеро и прозвали Белым.

— Красивая сказка!

Опираясь на трость, Вилен проводил взглядом цокающую каблучками по асфальту очередную пару изящных женских ножек.

Зуля повернула голову мужа на себя и, смотря прямо в его бесстыжие голубые глаза, произнесла металлическим голосом:

— Это — последнее предупреждение тебе, кобель. Если не перестанешь пялиться на других баб, клянусь: убью себя и твоего ребёнка.

Вилен понял, что жена не шутит, и с той поры никогда больше не изменял ей. А под Новый 1947-й год у Сабанаевых родился сын.

Наиль уже учился в первом классе, когда в семье появился второй ребенок — НаDIR. Поступление первенца в техникум совпало с рождением третьего брата — Анвара.

А разве давно встречали из армии самого Наиля? Накрывали столы во дворе. Резали барана, а сколько ещё говядины и конины приготовили — не счесть. В доме все гости не помещались. Одной родни человек тридцать из Эушты и Тахтамышева приехало, а ещё — соседи, друзья.

Под раскидистым сиреневым кустом у калитки стояла лавочка. На ней на коленях у старшего сержанта в парадной форме сидели двое мальчишек и, с восхищением дотрагиваясь до блестящих армейских значков, то и дело спрашивали: «А эта медаль за что?».

Наиль счастливо улыбался и охотно объяснял младшим братьям — Анвару и Надиру:

— Это — не медаль, а гвардейский знак.

— Значит, — орден? — сделал вывод дошкольник Анвар: — А за что его дают?

— Не орден. Значок означает, что я служил в гвардейском полку, — растолковал мальчугану дембель.

Но ребячий спор только усилился.

Шестиклассник стал задирать младшего брата:

— Тоже мне сказанул, «орден»! Да ты хоть знаешь, за что ордена-то дают?

Анвар надулся, но сдаваться не собирался:

— А сам-то? Медаль, медаль...

И высунул язык. За что тут же получил оплеуху от Надира. Младший в долгу не остался и схватил брата за волосы. Завязывалась нешуточная потасовка, и Наиль вынужден был рассадить драчунов по разным концам лавки. Но те всё равно продолжали передразниваться.

— «Орден!»

— «Медаль!»

Сержант встал и строго сказал:

— Государственные награды присуждаются за подвиги на полях сражений. А я, в отличие от отца, в боевых действиях не участвовал.

Но молчание длилось недолго. Первым его нарушил Надир:

— А гвардейский полк, он же самый лучший?

— Да, — согласился Наиль.

— Значит, почти орден!

— Нет, медаль! — Анвар покрутил пальцем у виска, намекая на умственную неполноценность брата.

Такое оскорбление не могло остаться безнаказанным. Надир схватил с земли валявшийся прут, и оба с криками понеслись во двор.

Сержант вернулся к столу. Высокий, подтянутый, с обветренным и загоревшим лицом, он нравился девушкам. От отца не укрылись призывные взоры соседок и школьных сыновьих подруг, собственный горький опыт послевоенного гуляния ныл в костях и суставах, особенно — при смене погоды.

— Что дальше думаешь делать, улым*?

— Пока, ата*, не решил. Месяц-два, можно, отдохну? А там посмотрим. Наверное, шофёром на автобазу устроюсь. У меня же армейская специальность — механик-водитель.

— А что водил-то на службе? — спросил незнакомый Наилю мужчина лет сорока, сидевший рядом с бабаем*.

Дед поспешил представить незнакомца.

— Это — мой двоюродный племянник из Казани — Фанзиль. Он геолог. Нефть ищет на севере нашей области.

Наиль пожал руку родственнику и не без гордости ответил:

— БТР-60, самой последней модификации. Они в нашем полку обкатку проходили. Зверь, не машина! По любому бездорожью катит, как по асфальту. Первый в мире бронетранспортёр, способный плавать!

— Ух ты! — не удержался сосед по кварталу, инвалид Эдик. — А крышу-то у новых БТРов сделали? А то в Будапеште мадьяры с верхних этажей закидывали нас бутылками с зажигательной смесью, и жарились мы заживо в бронемашинах, как ельцы на сковородке.

Сосед инстинктивно провёл пальцами по обгоревшему лицу.

— Сделали, конечно, сделали, дядя Эдуард. Такая толстая броня, что и от гранаты спасёт. Да что там — даже от последствий ядерного взрыва! — заверил дембель.

— Выпьем же за мир! — предложил тост хозяин дома.

Рюмочка за рюмочкой, и к концу застолья Вилен Рахматуллович изрядно захмелел. Обняв за плечи

старшего сына, он рассказывал то, о чём трезвый никогда не вспоминал, — о войне.

— Вот ты говоришь, бронетранспортёр — чудо-техника! Но супротив лошади твой БТР всё равно проиграет.

Механика-водителя задела даже не сама пьяная мысль отца, а безапелляционный тон, каким она была высказана.

— Ты не прав, ата. Может быть, в Гражданскую войну кавалерия и решала исход сражений, но уже в Великую Отечественную с танками, артиллерией и авиацией конница тягаться не могла, а сейчас вообще — война машин!

Ох, как больно ранили сыновьи слова старого кавалериста! Он нарушил все свои табу и произнёс речь, словно с трибуны, в защиту кавалерии.

Вилен Рахматуллович начал издавека, спросив сына, а знает ли он такую страну — Монголию? Ниль не только знал, но даже бывал в ней на войсковых учениях. Отец продолжил. Что монголы — народ кочевой, у них лошадей больше, чем людей. А у нас уже на исходе первого года войны половину лошадей поубивало. И когда в марте 42-го года в Уфе формировалась Башкирская кавалерийская дивизия, награждённая потом орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова и Кутузова, то многим её бойцам достались лошади-монголки. Ему — в том числе. Дивизия хоть и называлась башкирской, но воевали в ней и татары, и русские. На монгольских лошадях.

— Мой Батыр был всем батырам батыр, — вспоминал кавалерист. — Я с ним прошёл от Сталинграда по Украине, Белоруссии и Польше до самого Берлина. Дикий, но верный. А уж какой выносливый! Сто вёрст мог проскакать без остановки. Танки вставали

без горючего, самолёты не летали из-за тумана, а он всегда был на ходу. Проносил меня по таким буеракам, речкам и болотам, где никакая техника никогда не пройдёт. А в разведке переступал копытами тихо-тихо, даже мешковиной их не нужно было обматывать. Твой БТР, поди, так ревёт, что всех врагов перебудит? А когда под Сталинградом наша часть попала в окружение, и целый месяц мы плутали по заснеженной степи, не умерли от голода только благодаря лошадям. Трёх коней пришлось забить, но выжили. В безвыходной ситуации лошадь прокормит бойца, а твоя техника, улым, всегда сама нуждается в кормёжке.

Наиль уже пожалел, что спровоцировал отца, но сдаваться — не в характере Сабанаевых.

— Между прочим, лошадь тоже нужно кормить, причём всегда. А техника требует дозаправки только во время эксплуатации.

Кавалерист в долгу не остался:

— А твой БТР на лугу сам пасётся? Разве солярка растёт, как трава?

За сержанта ответил Фанзиль:

— Редко, но случается, Вилен абый*.

И он рассказал про бакинские промыслы, где такая чистейшая нефть, что ей можно сразу танки заправлять. Поэтому гитлеровцы и рвались на Каспий. А сибирская нефть по качеству почти не уступает бакинской.

Новая тема Наиля заинтересовала, но отец не дал её развить:

— Немцы же — не дураки. Поняли, что зря недооценили лошадиную силу. В конце войны стали создавать кавалерийские дивизии СС. С одной из них мы схлестнулись под Бранденбургом, когда замыкали

берлинское кольцо. Это был настоящий кавалерийский бой. Шашки наголо! Рубай фашистов!

Лицо Вилен Рахматулловича покраснело, словно окрасилось кровью. Правой рукой он рубил воздух, а левой держался за седло воображаемого коня.

Наконец он выдохся и усталым голосом произнёс:

– Лошадь, улым, вытянула на себе войну. Лошадь!

Сержант больше не спорил и согласно кивнул головой.

Когда Наиль был маленьким, по воскресеньям родители часто водили его в горсад. Сегодня мама тоже наделала праздничное платье, а на голову повязала новый цветастый платок, подарок мужа. Перед зеркалом больше вертелся глава семейства. Вилен Рахматуллович облачился в военный френч без знаков различия, какой, по его уверению, носил сам товарищ Сталин. Широкие галифе заправил в начищенные до блеска хромовые сапоги. Но с головным убором возникла проблема. Его любимую кавалерийскую фуражку моль поела до дыр. Он крепко обругал жену, что нафталина пожалела.

– В чём мне теперь в люди выйти? Папаху в жару не наденешь! Кто теперь поймёт, что я – бывший кавалерист?

Зульфия, как могла, успокаивала супруга.

– Тебе и без фуражки хорошо. Ни лысый, ни плешивый. А хочешь, жокейскую кепку надень?

– И буду выглядеть, как попугай. Во френче и в кепке!

Вилен Рахматуллович уже решил идти с непокрытой головой, но, увидев в окно Наиля в парадной форме, совсем расстроился и сел на сундук.

– Вообще никуда не пойду!

Зульфия задумалась, прикусив палец, но потом радостно воскликнула:

— А тубетейка? Тебе же бабай подарил на день рождения расшитую серебром тубетейку!

Мужу пришлось привстать, она откинула крышку сундука и, порывшись, извлекла сложенный вдвое головной убор. Расправив края и встряхнув, Зульфия торжественно водрузила его на седеющую шевелюру супруга.

— Какой же ты всё-таки у меня красивый, кадерлем*! — залюбовалась она его статью.

Вилен Рахматуллович критически осмотрел себя в зеркале.

— А что? И впрямь неплохо. Настоящий боевой татарин! Ряхмят, кучяргерем*!

Лицо Зульфии заалело, как мак. Давно муж не называл её так ласково. А то всё «жатын, жатын*». Два десятка лет она уже жена. А «голубка моя» — это прямо, как в молодости, после войны. Сразу захотелось летать.

Городской сад в традициях английского паркового искусства проектировал известный на весь мир ботаник Порфирий Крылов ещё в XIX веке. В Великую Отечественную сад изрядно пострадал. Много деревьев горожане порубили на дрова, а на полянах сажали картошку.

Потребовался не один субботник, чтобы восстановить любимое место отдыха томичей. И меж деревьев снова зазеленела сочная молодая трава, а извилистые дорожки, первоначально засыпанные песком, зачернели свежим асфальтом. Новые скамейки покрасили в ярко-голубой цвет. Почистили пруд, заново из камней сложили альпийскую горку, разбили цветники. На

летней эстраде снова заиграл симфонический оркестр. Стали давать концерты столичные знаменитости. Вилену и Зульфие очень понравился виолончелист, лауреат Сталинской премии Мстислав Ростропович.

В начале шестидесятых в горсаду установили новые аттракционы: чёртово колесо, воздушную карусель и виражный самолёт. А ещё открыли новый тир и танцплощадку.

Вот только прежние тенистые аллеи парка навсегда потеряли свою романтичность. Посаженные после войны тополя быстро вымахали телеграфными столбами, разрушив камерность и уединённость прежде увитых кустарником беседок. Одни сплошные побеленные стволы с толстой корой.

— Что, улым, зарубимся на меткость? — предложил сержанту отец, когда они проходили мимо тира.

— Да жалко мне тебя, ата, — прищурившись, ответил Наиль. — Я же — отличник боевой и политической подготовки. Разве что, фору тебе дать?

— Никакой форы! Честное состязание. Кто больше выбьет очков из десяти выстрелов.

— А победителю какой приз?

— Если выиграешь ты, то можешь бездельничать хоть всё лето. Клянусь, слова не скажу. А если я, то через неделю устроишься на работу.

Наиль пожал плечами и самоуверенно ответил:

— Лады!

— И ещё. Проигравший покупает всем мороженное.

— И газировку, — поддакнул уже потиравший ладошки Надир.

Отец и сын ударили по рукам.

Сабанаевы гурьбой подошли к стойке тира. Место для состязания как раз освободилось. Расстроенный

паренёк отстрелялся, так и не сумев завоевать для своей подружки главный приз — большого плюшевого медведя.

— И сколько очков надо выбить, чтобы забрать этого красавца? — спросил Вилен Рахматуллович у инструктора, принимавшего деньги и выдававшего пульки.

— Вообще-то, сто из ста. Но для вас, уважаемые, я сброшу одно очко. Девяносто девять!

— Крутовато. Все пули надо положить точно в яблочко. А я-то думал, почему косолапый так долго глаза мозолит.

— Да, — согласился инструктор, — Уже третий год никто не может его забрать. Перевелись настоящие снайперы.

Наиль хотел сам расплатиться за пульки, но отец его опередил.

— Ещё успеешь потратиться!

Зульфья встала рядом с мужем, а младшие сыновья не сразу определились с выбором. Каждый хотел оказаться на стороне старшего брата, но шестиклассник опередил дошкольника, и Анвару пришлось болеть за отца.

Сабанаевы стреляли одновременно, одним залпом. Прицелился, задержал дыхание и плавно нажал на спусковой крючок. Но с последним выстрелом Вилен Рахматуллович затянул, и сын отстрелялся первым.

Инструктор коршуном метнулся к мишеням и цокнул языком.

— Давно не видел такой стрельбы! Надо считать.

Он даже натянул на глаза очки с выпуклыми линзами на резинке, чтобы лучше разглядеть пробоины на мишенях.

— У вас, молодой человек, прекрасная кучность, но только в девятку, десятка — всего одна. А у вас, дядя, все — десятки, но один выстрел — вообще мимо.

— Не может быть!

Глава семейства вырвал из рук продавца мишень и повернул её на солнце.

— У вас, наверно, очки запотели от волнения, товарищ. Не разглядели, что два выстрела легли один на другой, и всё же второй сместился чуточку в сторону.

Поражённый Наиль глазам своим не поверил.

— Сто из ста! А я-то думал, что ты только шашкой махать умеешь. А ну, хозяин, тащи сюда медведя!

Как ни жалко было зрителю тира расставаться с ценным призом за целых пять рублей, но ничего поделаться он не мог. Зоркий татарин разглядел все попадания, да и толпа начала собираться у стойки с винтовками. Невыдача приза победителю могла сказаться на репутации заведения. И, скрепя сердце, под аплодисменты публики инструктор вручил странному татарину во френче и тюбетейке дорогую игрушку.

Вилен Рахматуллович равнодушно принял плюшевого медведя, как будто каждый день такого выигрывал, и передал его жене, а Наилу лукаво подмигнул.

— Недельку ещё отдохни. А через понедельник — на работу, — и громко во всеуслышание добавил. — А теперь — мороженое и газировка. Сержант угощает.

— Чур, мне — крем-брюле! — прокричал Анварчик.

— А мне — пломбир! — заказал Надир.

«Сегодня праздник у девчат.

Сегодня будут танцы.

И щёки девушек горят,

С утра горят румянцем.

Пришли девчонки, стоят в сторонке,
Платочки в руках теребят,
Потому что на десять девчонок
По статистике девять ребят».

На летней эстраде, подражая Клавдии Шульженко*, но очень экспрессивно, вытягивала ноты местная певица, заглушаемая музыкой инструментального ансамбля. Девчонки и на самом деле жались к ограждению танцплощадки из высоких металлических прутьев. Лишь самые смелые отважились кружиться попарно, девушка с девушкой, в центре танцевального круга. Парни же кучковались за оградой и курили сигарету за сигаретой. Некоторые уходили в кусты и там для храбрости распивали на двоих или троих бутылку портвейна из горлышка, а потом направлялись к освещённому входу, протягивая контролерше измятые билеты.

Наиль с одноклассниками Ринатом и Маратом, тоже жившими в Татарской слободе, уже зашли на танцплощадку и высматривали подходящие объекты противоположного пола.

— Смотри-смотри, вон те три девчонки, вроде, ничего. Может, подкатим? — предложил нетерпеливый Марат, сосед Наиля по кварталу, учившийся в политехническом институте на инженера-электромеханика.

— Они русские, нас точно отошьют, — с сомнением произнёс переодевшийся в гражданское сержант.

Помощник машиниста из локомотивного депо Ринат попытался развеять сомнения товарища:

— Мы все — советские люди и имеем законное право на отдых. Татарок приличных здесь всё равно нет.

После паузы музыканты заиграли громкую ритмичную музыку, и толпа, как по команде, вывалила

на пяточок. Парни и девушки стали изгибаться и кривляться, кто во что горазд. Один Наиль оставался в стороне.

— Старик, это же — твист! Пойдём, растрясёмся!

— Извините, парни, но я так не умею.

Упрямец так и не двинулся с места, продолжая наблюдать за беснующейся толпой.

Кто первым затеял драку, из-за чего, Наиль так и не понял, но вдруг из круга с разбитым носом вывалился Марат, а за ним и Ринат, отпинываясь ногами от русских парней. Толпа вокруг драчунов расступилась, и музыканты перестали играть. Противников изрядно прибавилось, они стали наедать на друзей, и Наилю тоже пришлось вмешаться. Удар направо, удар налево, и, подхватив побитого Марата под руки, он потащил его с танцплощадки в темноту горсада. Ринат ретировался первым. Встретились они в зарослях черёмухи напротив Дома учёных и затаились. Их уже искал чуть ли не взвод противника.

Незаметно перебежать освещённую улицу не получилось. И тогда Наиль предложил разделиться:

— Марат, ты беги к пруду, а ты, Ринат, — к тире. А я — через забор, отвлеку их.

Но стоило ему перепрыгнуть на тротуар, как вся стая преследователей бросилась за ним.

— Вот он! Лови его! Не уйдет, сволочь!

Хотя Наиль и сдал бег на золотой значок ГТО, но оторваться от вошедших в азарт охоты преследователей не смог. В отчаянии он сиганул в заросший бурьяном пустырь между Домом учёных и физико-техническим институтом. Один прыжок, второй, третий, и вдруг земля под ним провалилась.

Сержант чуть не вскрикнул от острой боли. Левая ступня угодила в какую-то ямку с твёрдыми краями.

Но крик он успел подавить вовремя: над его головой уже шуrowали преследователи.

— Куда он делся? Только что был здесь! Как сквозь землю провалился!

Наилю повезло, что никто из парней не угодил в провал следом за ним, и что лампочка на фонарном столбе перегорела. Порыскав вдоль высокого забора, они пришли к выводу, что татарин каким-то чудом перемахнул через ограду Дома учёных, и побежали перекрывать все выходы из усадьбы. Только голоса дозорных слышались с тротуара.

Наиль вытащил ногу из канавки, пошевелил стопой и радостно выдохнул: перелома нет. В кармане брюк он нащупал спичечный коробок.

Спичка сгорела быстро, но парень успел разглядеть сводчатый потолок и затянутые паутиной стены из старого отсыревшего кирпича. Справа и слева от него была темнота. В спёртом воздухе подземелья пахло плесенью. Над самой головой метрах в двух от пола в овальном проёме колыхалась высокая трава, а в чёрном небе светились звёзды.

Дембель попробовал подпрыгнуть на одной ноге. Ему удалось зацепиться за кирпичные края провала. Он уже стал подтягиваться, но снова услышал злые голоса и спрыгнул вниз. Зажёт ещё одну спичку и решил, пока выход перекрыт, обследовать подземелье.

Волоча подбитую ногу, он поковылял налево, где, по его расчётам, должен был находиться подвал Дома учёных. Скоро он упёрся в проржавленную железную дверь. Она оказалась не заперта и с противным скрипом отворилась.

Спички сгорали одна за другой. Наиль понял, что это — какой-то тамбур, за ним была ещё одна дверь

из массивного дерева, наглухо закрытая. За ней где-то вдали слышались голоса и какой-то шум.

Пальцы нащупали металлический язычок, прикрывавший замочную скважину. Наиль повернул его, и кромешную тьму подземелья пронзил яркий лучик электрического света. Он нагнулся и прильнул глазом к замочной скважине. Внутри стоял бильярд.

«Так это же бильярдная Дома учёных!» — догадался Сабанаев.

Он хотел постучаться в дверь и попросить, чтобы его выпустили из подземелья, но в помещении никого не было. Поздно.

«Если есть вход, то значит должен быть и выход», — решил Наиль и похромал в другую сторону.

Проходя мимо провала, он прислушался. На улице было тихо, но любопытство потянуло его дальше. Впотьмах он больно стукнулся лбом о железную лестницу. Пришлось зажечь последнюю спичку. Наверху был металлический люк, а подземный ход дальше сильно сужался.

Молодой человек поднялся по лестнице, попробовал на прочность запоры на люке, но там ничего даже не скрипнуло. Похоже, выход забетонировали.

Пришлось возвращаться к провалу. Не без труда, подтянувшись на руках, он выбрался на поверхность пустыря и ещё долго лежал в бурьяне, вдыхая свежий, напоенный черемуховым и сиреневым ароматом воздух тёплой майской ночи.

Проснулся он поздно. В комнате стояла необычная тишина. Никто ни сопел, ни хихикал, ни раскачивался на панцирных сетках соседних кроватей, младшие братья давно уже встали. Открыв глаза, он ещё какое-то время не шевелился, наблюдая за при-

чудливым танцем тени от сетчатой занавески на блестящих крашенных половицах. Потом потянулся, как пригревшийся на солнышке кот, и резко, словно по команде «Подъём!», вскочил с постели. Вывих голеностопа напомнил о вчерашнем приключении. После первых шагов Наиль притерпелся к боли и даже сделал зарядку. Стал искать одежду. Но ни рубашки, ни брюк на спинке стула, куда он их ночью повесил, не оказалось. В шкафу он нашёл синее спортивное трико, натянул его на себя и вышел в зал.

Дом на берегу Томи построил ещё до войны дед Наиля — Рахматулла. Сруб из массивных сосновых брёвен под двухскатной тесовой крышей был поделён по татарской традиции на две половины: белую и чёрную. Абика из Эушты ещё называла их гостевой и женской. Наверное, потому что на половине дома, где стояла большая печь с котлом, полновластной хозяйкой всегда была женщина. Целый день крутилась возле плиты, готовила еду на всю семью, кипятила бельё, мыла посуду... Но в семье Вилена и Зульфий прижились другие названия: комната и зал.

Пока Наиль был маленький, все Сабанаевы ночевали в комнате, а днём время проводили в зале. А когда он пошёл в школу и появился младший брат Надир, то родители отдали спальню сыновьям, а сами перебрались в зал. После рождения Анвара отец оштукатурил и побелил стены. В доме сразу стало светлее, а зимой — и гораздо теплее, но в глазах подростка родное жилище потеряло былую романтику. Комната перестала походить на хижину старателей на Юконе*, как в книжках Джека Лондона.

Открыв дверь, Наиль застыл в проёме. На удивление, все оказались дома. Отец сидел на лавке, укрытой тканым половичком, и с важным видом, в

очках, подшивал суровыми нитками, вдетыми в огромную иглу, кожаную сбрюю. На венских стульях за столом расположились братья. Анварчик старательно разукрашивал книжку «Раскрась сам», а Надир в белой рубашке и красном галстуке, похоже, только вернулся со школы. Табель успеваемости за год лежал на клеёнке рядом с самоваром, а пионер пил чай с чак-чаком.

— Завтракать будешь, улым? — спросила колдующая у плиты Зульфия.

— Конечно, ана*! А вы чего не на работе?

Отец недовольно проворчал:

— Понедельник. Рынок закрыт.

Мать поставила на стол тарелку с оладьями и блюдецко с разогретым маслом.

— Садись, полуночник. На обед будет бэлиш*.

— С рисом или картошкой?

— Как ты любишь. Говядина и картошка.

Вилен Рахматуллович не выдержал и, отложив своё шитьё, сердитым голосом произнёс:

— Ты ещё этому стилияге праздничный плов приготовь. Побалуй дитятку! — и, повернувшись лицом к сыну, спросил: — Ты где шлялся всю ночь?

Оладушек застрял в горле у Наиля, и, как нашкодивший пацан, он виновато пробубнил:

— С парнями на танцы ходили. А что, нельзя?

Отец встал с лавки и, подойдя к сыну сзади, выдал ему по затылку увесистую оплеуху.

— На танцы? Вся улица жужжит про ваши танцы! Участковый дома обходит, выясняет: кто же это вчера сыну председателя горисполкома в горсаду нос сломал? Ты часом не знаешь этого удальца? В тюрьму, на зону захотел, отличник боевой и политической подготовки, твою мать?!

Глава семейства перешёл на крик, после которого в зале установилась гробовая тишина.

— Я только защищался. Они первыми начали. Их было раз в десять больше, — оправдывался Наиль.

Выпустив из себя гнев, отец понемногу стал успокаиваться и уже почти нормальным голосом сказал:

— Сейчас никто не будет разбираться, кто первым затеял драку. Есть пострадавший, есть его заявление в милицию. В КПЗ закроют, а потом и срок пришьют. Давай, улым, наедайся впрок, собирай чемодан, и к дяде Фанзилю на север. Его экспедиция на днях уходит в тайгу. А там тебя сам шайтан не найдёт.

Ещё горячий бэлиш мать завернула в три слоя оберточной бумаги и положила в авоську.

— Только в чемодан не клади. А то от жира вещи потом не отстираешь. За обедом обязательно съешь, — наказала Зульфия сыну в сенях.

А потом разрыдалась и обняла его.

Отец с вёслами в руках поторопил:

— Хватит телячьих нежностей! На теплоход опоздаем.

Пока лодку не вынесло на стремнину, Вилен Рахматуллович налегал на вёсла, а потом закрепил их на бортах и закурил.

— Сейчас, как на метро, за полчаса до речпорта домчим.

Присмиривший сын одиноко сидел на корме, прижимая к себе чемодан.

— Чего пригорюнился, хулиган?

— Да, как-то неожиданно всё обернулось, — глядя на речную рябь, ответил Наиль. — Ещё не привык к новой реальности.

— А так всегда и бывает, — выпустив изо рта струйку дыма, тут же унесённую ветром, философски заметил отец. — Готовишься к одному, а судьба бросает тебя совсем в другую историю. Это — жизнь. Значит, такова воля Всевышнего.

Наиль недоумённо посмотрел на отца и спросил:

— Ты в бога веришь, что ли?

— Конечно, верю. Каждый человек в глубине души в него верит. Даже самые оголтелые коммунисты-атеисты. Только в глаза они тебе в этом никогда не признаются.

— А он есть, бог-то?

— А ты как думаешь? Разве последние события тебя ничему не научили? Ты разве не чувствуешь, что какая-то высшая воля ведёт тебя к твоей судьбе?

Сын задумался.

— Однажды на учениях в Бурятии я чуть не погиб. Совершали марш-бросок через Восточные Саяны в тыл условному противнику. Дорога пролегла по горному серпантину. С одной стороны — горы, а с другой — пропасть. Ночь, туман, и за выступом скалы я просмотрел поворот. А БТР ещё на кочке подбросило. Вижу, что впереди дороги под бронетранспортёром нет. Над пропастью он летит. В тот момент я и вспомнил о боге. И хотя вы меня никаким молитвам не учили, но на ум пришли фразы из Корана, которые иногда нашёптывал бабай. Шепчу я молитву и автоматически кручу руль вправо, словно могу развернуть многотонную бронемашину в полёте. И ты знаешь, ата, БТР повернулся и приземлился на дороге.

Вилен Рахматуллоевич бросил окурочек и сказал сыну:

— Я рад, что ты это понял. Легче жить будет.

А потом, на протяжении доброй половины пути рассказывал о томских храмах — церквях и мечетях — закрытых советской властью.

— Твоего деда Рахматуллу родители приучили ходить в Белую Мечеть на Московском тракте, где сейчас — цех карандашной фабрики. А в здании ликёроводочного завода раньше была Красная Мечеть. До войны все минареты разрушили.

Отец снова закурил.

— Православные ещё больше пострадали. Какой красавец был Троицкий кафедральный собор! Стёрли с лица земли до основания.

— А где такой, ата? Я про него ничего не слышал.

— Тоже от нас недалеко. На площади Революции, только раньше она называлась Ново-Соборной. В аккурат за трибуной, где начальство принимает праздничные демонстрации. Я ещё мальцом был, когда родители водили меня в горсад мимо этого собора. Он был огромный, Наиль. И такой величественный. Говорят, в Москве в честь победы над Наполеоном такой же храм построили. Его тоже, как и наш, разрушили. Там сейчас бассейн под открытым небом. А из кирпича нашего собора построили корпус строительного института.

Парень зачерпнул ладонью воды из реки и ополоснул лицо.

— Тёплая. Жаль, искупаться не успел, — сказал Наиль, а затем спросил отца: — А зачем это сделали?

Вилен Рахматуллович пожал плечами и ответил:

— Религия ведь — «опиум для народа». Советские люди должны верить только учению Маркса и Ленина, а не в бога.

Впереди замаячили порталные краны, и гребец опустил весла на воду.

— Постой-постой, ата, — опасаясь, что откровенный разговор может закончиться, Наиль поспешил задать последний вопрос. — А про подземные ходы ты что-нибудь знаешь?

На лицо отца снова напозла строгость.

— Кто тебе про них рассказал?

— Никто. Просто я вчера, убегая от драчунов, провалился в подземелье возле Дома учёных.

И Наиль вкратце поведал отцу о том, что с ним произошло. Внимательно выслушав сына, Сабанаев-старший ответил:

— До революции в Доме учёных жил губернатор, а в здании СФТИ* располагалось губернское управление. Вот и прорыли этот туннель для губернатора, чтобы он ходил на работу, не замочив сапоги, или мог сбежать незаметно от народного бунта.

— Но я своими глазами видел: ход ведёт дальше!

Отец приложил палец к губам:

— Все подземелья в нашей стране — это государственная тайна. Ты ещё от милиции не сбежал, а уже с комитетчиками хочешь познакомиться. Нет уж, улым, пльви-ка ты лучше на север, в тайгу, нефть искать.

И отец с удвоенной энергией налёг на вёсла, опасаясь, что быстрое течение может пронести лодку мимо пристани.

Журналистка оказалась молодой и очень симпатичной. Черноволосая, с античным профилем и карими дерзкими глазами, в которых, как показалось Наилю, играли чёртики.

— Гульнара Мансурова, корреспондент «Молодого ленинца», — представилась она и поправила выбившуюся из-под вязанной мохеровой шапочки чёлку.

– Наиль Сабанаев, буровой мастер.

Печка-буржуйка раскалилась докрасна и натопила вахтовый вагончик до полуденной летней жары. Он скинул с себя промасленную телогрейку, шапку-ушанку и развязал длинный шарф. В шерстяном свитере с высоким воротом, связанным матерью из овечьей и собачьей шерсти напополам, раскрасневшийся с мороза, Наиль выглядел моложе своих лет. Нос – картошкой, и ямочки на щеках, когда улыбался. А улыбался он тогда очень часто, даже во сне. При виде же такой красавицы – просто сиял, как новенький пятак.

– А я думала, что мастера – старше, – улыбнувшись в ответ, с лёгким кокетством произнесла журналистка.

Продолжая сиять, Наиль подошёл к печке и поставил греться чайник.

– Я, когда шёл сюда, тоже ожидал встретить, по меньшей мере, сорокалетнюю тётку в очках. Мне почему-то казалось, что в газете должны работать люди опытные. Знатоки человеческих душ, как-никак. А тут – настоящая Бриджит Бардо*!

На лице Гульнары появился румянец, комплимент буровика достиг цели.

– Вы разочарованы? – приподняв брови, спросила она.

– Что вы! Ни в коем случае! Юность города берёт, юность строит города. Аркадий Гайдар вообще в четырнадцать лет командовал полком.

Корреспондентка областной молодёжной газеты почему-то замолкла и сразу достала из сумки блокнот и авторучку, нарочито демонстрируя рабочий настрой.

– Ну, положим, в четырнадцать лет Аркадий Голиков только вступил в партию большевиков и записался в Красную армию. А полком ему поручили

командовать почти в восемнадцать, и то — против восставших кулаков на Тамбовщине.

Улыбающийся парень сел за стол напротив неё с двумя дымящимися алюминиевыми кружками.

— Как интересно! А я и не знал. Спасибо за информацию. Чаю будете? Да вы пальтишко-то своё снимите, спаритесь. Разговор, чувствую, нам предстоит долгий.

Эта зима была уже его третьей на томском севере. Механик-водитель приплыл в Александровское накануне торжественной отгрузки первой баржи с нефтью. Начальники толкали с рубки лихтера* пламенные речи: «Даёшь томскую нефть!», «Даёшь Нефтеград!». Студенты в стройотрядовских куртках кричали громкое «Ура». Играл духовой оркестр.

Дядя Фанзиль, встретивший двоюродного племянника с теплохода, тоже выступил на митинге, как главный геолог разведочной экспедиции, и говорил о метрах проходки, о дебете разведанных скважин, о потрясающей перспективе Западно-Сибирской нефтеносной провинции. Свою речь он закончил призывом: «Даёшь томский Самотлор*!».

А потом они битый час пробирались на вездеходе по заболоченным лугам, штурмуя мелководные обские протоки, до посёлка нефтяников.

— И какой же дурак придумал здесь город строить?! Летом даже вездеходы тонут! А каково осенью и весной, в распутицу?! На Оби, что ли, места не нашлось? — костерил геолог высокое начальство.

Племянник же по мере отдаления от цивилизации, напротив, ощущал себя всё уверенней и свободнее. Даже аппетит в молодом организме разыгрался, целого барана один бы съел.

Наиль никогда не забудет этого, ни с чем прежде не сравнимого ощущения — близости нефти. Непроходимая таёжная глухомань. Вдруг, откуда ни возьмись, появляется гул, словно реактивный самолёт летит низко-низко над землёй. Гул всё нарастает и нарастает, одновременно с чувством голода. А ещё... Так женщину хочется!

За ужином он слопал половину огромной кастрюли гороховой каши с тушёнкой, причитавшейся на всю буровую бригаду из двенадцати человек.

— Да, Фанзиль Нурлыгаянович, знатного едока ты привёз! — прикуривая папиросу от головёшки, добродушно поддел геолога седой мастер Иван Кузьмич, а потом добавил: — Если он работать, как жрать горазд, точно новый Самотлор отыщем.

Сидевшие вокруг костра буровики рассмеялись, а один мужик, тоже в годах, заметил:

— А в старину так работников и выбирали. Кто как ест, так и работает!

— Ага, особенно — как прошлой зимой! Месяц жратвы никакой не привозили. Всех собак у местных пожрали. До сих пор аборигены на нас косятся.

Дядя Фанзиль попытался успокоить бригаду, что больше такого не повторится. Теперь здесь — Всесоюзная ударная комсомольская стройка, объект государственного значения, обеспечение будет по первому разряду.

Наиль понемногу обвыкся на новом месте. Даже тучи кровожадных комаров перестал замечать. И чувство голода вместе с похотью понемногу притупились, но всякий раз, когда он подходил к нефтяной скважине, оба желания в нём просыпались снова.

Структуру месторождения геологи изучили уже основательно, и сейчас бригада занималась бурением разведочных скважин для определения запасов.

— Здесь везде — нефть, — раскинув руки, словно стремился охватить необъятную тайгу, восклицал дядя Фанзиль. — Где-то пласт толще, а где-то тоньше, в каком месте он выходит ближе к поверхности, а где прячется, мы точно не знаем. Бурим наугад. Попали — замечательно, а нет — продолжаем дальше бурить. Потому и дебет у всех скважин — разный. А каждая скважина — это два с половиной километра проходки. Буры, цемент, горючее, амортизация техники, зарплата, наконец! Кругом — народные деньги!

Из Томска постоянно приезжали разные учёные, испытывали новые приборы. И электрические, и гравитационные, и магнитные, и даже сейсмические. Абзый* со всеми «кулибиными» возился, как с малыми детьми, опекал, помогал, чем только мог. Отдача от новых разработок, конечно, была, но не та, на какую рассчитывали промысловики, и какую требовали партия и правительство.

Мастер Иван Кузьмич, приметив в Наиле неподдельный интерес к бурению, взял его к себе помощником. Дядька не возражал, водителя на вездеход он всегда найдёт, а вот настоящий бурильщик не из всякого получится.

— Запомни, сынок, скважины не бурят, их строят, — учил Кузьмич нового подмастерья. — Вначале широким буром проходим на глубину 30 метров, опускаем в скважину трубу и заливаем вокруг неё цементный раствор. Это — направление скважины. Оно укрепляет верхний грунт. Потом устанавливаем бур поменьше и бурим, бурим, бурим, пока не пройдем всю зону пресных вод.

— Зачем?

Иван Кузьмич закуривал свой любимый «Беломорканал» и объяснял: чтобы скважину не затопило.

— И глубоко?

— Когда как. Здесь, в Сибири — обычно полкилометра хватает, а в Азербайджане мы бурили кондуктора и до восьмиста метров. Забыл сказать, эта часть скважины так и называется — кондуктором. Как он в трамвае с безбилетниками воюет, так и мы с грунтовыми водами.

Полюбовавшись правильным очертанием выпущенного изо рта дымного колечка, мастер продолжал наставления:

— Вначале цементируем стенки кондуктора и только потом бурим скважину до нефти. Опускаем новые трубы, и все стенки ствола от устья до забоя — начала и конца скважины — снова заливаем раствором.

Когда труд вознаграждался нефтяным фонтаном, лицо бурового мастера озаряла неземная улыбка, а мизерный результат Кузьмич встречал серый, как тайга промозглой осенью, и несколько дней ни с кем не разговаривал.

Главный геолог пытался его успокоить, дескать, со всяким такое бывает, в нефтеразведке вообще на одну успешную скважину приходится по пять-десять «сухих». Но Иван Кузьмич от такой статистики только отмахивался и мрачнел ещё больше.

— Не бреди душу, Нурлыгаянович. Бурили бы мы поисковые скважины — одно дело, а тут — перспективный район с изученной структурой. Под нами же богатейшая нефтяная ловушка, найти бы в неё вход! Надоело стрелять по воробьям.

Палеозой, юрские отложения — эти определения из учебника по геологии нефти Наиль жадно впитывал в себя, как губка влагу. Они пробуждали в его сознании детские фантазии о загадочных мирах, огромных динозаврах и птеродактилях, миллионы лет назад населявших нашу планету. И он сильно разочаровался, узнав, что нефть — это вовсе не останки давно вымерших чудовищ, а всего лишь морской планктон, попавший в каменную ловушку и под многовековым воздействием осадков без доступа кислорода не разложившийся до конца.

Однажды, после очередной неудачной попытки бурения, Наиль набрался смелости и высказал нефтяным асам — Кузьмичу и дяде Фанзилю — свою дерзкую и фантастическую догадку.

— Мне в этой ложбинке сразу не понравилось.

Геолог и мастер переглянулись.

— И почему? — спросили они одновременно.

— Есть совсем не хотелось. А на прежнем участке меня постоянно жор мучал.

Многое повидавшие на своём веку нефтяники не знали, что и ответить.

Главный геолог экспедиции равнодушно пожал плечами.

— Не морочь людям голову, племяш. Я в цирке разных фокусников насмотрелся. Все их трюки — всего лишь ловкость рук и форменное надувательство публики. А у нас производство, а не цирк.

Но Иван Кузьмич был не столь категоричен.

— Постой-постой, Нурлыгаянович, не кати бочку на парня зря. Ты про лозоходчев слышал? Они как в старину воду искали? С ивовыми прутьями. Где прут начнёт клониться к земле, там и рыли колодец.

Может, у твоего племянника на самом деле подобный дар. Зря, что ли, он неделю назад всю бригаду объедал, а сейчас, как сонная муха, водит ложкой по миске, от еды нос воротит.

В одно туманное утро положил Иван Кузьмич в свой рюкзак буханку хлеба и банку тушёнки, разбудил Наиля, и пошли они гулять по окрестной тайге.

К полудню уже облазали все болотца и буреломы к северу и востоку от лагеря, и, обессиленные выбрались на солнечную поляну в кедровнике на косогоре.

Мастер, развалившись в густых зарослях папоротника, под могучим кедром-исполином продекламировал вслух: «У Лукоморья кедр зелёный...»

Наиль не удержался и поправил наставника:

— Ошиблись, Иван Кузьмич, у Пушкина в «Руслане и Людмиле» не кедр, а дуб.

Буровик усмехнулся в седую бороду и, повернувшись к ученику, ответил:

— Это Пушкин ошибся, что поместил своё Лукоморье на Чёрное море, скорее всего, — в Крым. Настоящее Лукоморье — оно здесь, в Западной Сибири.

И рассказал старый мастер такую историю.

Ещё до войны он учился на географическом факультете Московского университета. Его специализацией была картография. Изучая средневековые карты Евразии, составленные первыми европейскими специалистами, он неожиданно обнаружил Лукоморье с правой стороны от Обской губы, причудливо вытянутой до среднего течения Оби. Отсюда и название: «лук» и «море». Коса, залив.

— Где-то в здешних местах располагался город Серпонов, а выше по Оби в районе Томска — город

Грустина. По восточнославянской мифологии, заповедное место Лукоморье находилось на окраине мира. И в нём росло могучее дерево, как этот кедр. По нему можно было перемещаться в другие миры. Его корни росли из преисподней, откуда мы сейчас качаем нефть. Из неё делают топливо для ракет, улетающих в далекий космос, — задумчиво сказал Кузьмич.

— А почему вы здесь? И — не начальник? С дипломом-то МГУ? — удивился Наиль.

Иван Кузьмич нахмурился и поднялся с земли.

— До диплома дело не дошло. Мой отец был объявлен врагом народа. Его расстреляли. А я от него не отказался. Меня исключили из комсомола, отчислили из вуза и осудили на десять лет лагерей. Так я попал в Лукоморье, не по своей воле, на лесоповал. А потом прибил к нефтяникам, окончил техникум. Такая вот, брат, моя история с географией. Ну, пойдём дальше!

Подмастерье не спешил вставать с папоротниковых зарослей.

— Погодите, погодите, Иван Кузьмич! Очень мне ваш рассказ интересен. Я сильно проголодался. Да какой там! С голоду сейчас помру! — закричал Наиль и стал, как сумасшедший ползать на четвереньках по поляне.

Буровики не рискнули без мастера бурить на новом месте и провалялись на брёвнах до заката, подставляя животы под жаркое в июле сибирское солнышко.

К ужину вернулись лозоходцы и принесли много боровиков и маслят, обоим — и старому, и молодому — пришлось снять рубахи для грибов, на буровую явились в одних брезентовых куртках на голое тело.

Четыре большущих сковороды нажарили, все наелись до отвала. Голодный Наиль ел за пятерых.

Дядя Фанзиль смотрел на жующего племянника и осторожно поинтересовался у Кузьмича, смолящего папиросу:

– Неужели нашли?

Мастер подождал, пока табак продерёт лёгкие, и ответил с довольной улыбкой:

– С утра у кедрача попробуем забуриться.

С той поры в бригаде забыли про «сухие» скважины. За неделю до переезда на новое место Наиль садился на диету, чтобы проголодался хорошенько, а после они с Кузьмичом выходили прогуляться по тайге. Иногда выезжали вместе с дядей Фанзилем на вездеходе на участки с перспективной геологической структурой.

Слава – птица вольная, её в рукаве не утаишь. Слухи о чудесах геологоразведки быстро распространились по всей Западной Сибири. На буровую стали наведываться вербовщики из Нижневартовска, суля Наилю золотые горы.

– С таким-то талантом прозябать на бедных томских месторождениях? У нас, в Тюменской области, настоящая большая нефть! Широта, размах! Сразу бригаду возглавишь. Не успеешь оглянуться, как Героем Труда станешь.

– От добра добра не ищут, – отнекивался Наиль.

Но в глубине молодой души разгоралась жажда перемен, новых мест, большой работы. Да и признания, чего греха таить, тоже хотелось. Дядя Фанзиль заметил в племяннике смятение чувств. И когда сам начальник нефтепромыслового управления приехал за Сабанаевым, главный геолог не стал возражать по поводу его перевода. Одно лишь условие поставил: когда с разработкой новых месторождений станет туго,

управление откомандирует ценного специалиста обратно для усиления поиска. На том и порешили. Так, через полгода своего пребывания на севере, Наиль стал бригадиром бурильщиков-промысловиков.

— Вы же в русском языке сильны. Сколько значений у слова «промысел»? — спросил он раскрасневшуюся от печного жара журналистку.

Наморщив очаровательный лобик, она стала загибать свои маленькие пальчики.

— Во-первых, это — добыча чего-нибудь. Вот вы трудитесь на нефтепромысловом предприятии. Во-вторых, народные промыслы, то есть ремёсла. Можно ещё чем-нибудь промышлять.

— Разбоем, например, — лукаво вставил Наиль.

Девушка не согласилась:

— В понимании самих разбойников их занятие — тоже что-то вроде ремесла. Здесь особого значения выделять не стоит. А вот временную работу — отхожий промысел, пожалуй, как ономим, рассматривать можно.

Наиль помялся, но, набравшись смелости, всё-таки спросил:

— А промысел Божий?

— В смысле — провидения? А ведь точно! У вас, Наиль Виленович, чутьё настоящего лингвиста. Только правильно будет говорить не промысел, а промысл Божий. Хотя в разговорном языке употребляются оба варианта.

Смущённый нефтяник зачарованно смотрел на журналистку.

— И вы так свободно об этом говорите?

От Гульнарны не укрылись эмоции молодого человека. Она в свою очередь окинула его испыты-

вающим взглядом и произнесла, как ни в чём не бывало:

— Ещё в Древней Греции философы изучали идеи providения. А в пантеоне олимпийских богов была даже богиня судьбы Мойра. В исламе вообще вера в предопределение — краеугольный столп.

— Вы так много всего знаете. А сами-то в судьбу верите?

Она улыбнулась и пожала плечами:

— Если честно, не знаю. Может быть, только чуть-чуть. Вообще-то мне кажется, что каждый человек — сам кузнец своего счастья. Но, с другой стороны, ни в христианстве, ни в исламе бог не лишает человека свободы выбора, а даёт ему разум, чтобы различать добро и зло.

Поражённый Наиль глупо захлопал ресницами, словно соринка попала ему в глаз.

— А я верю и в промысел, и в судьбу. И знаю: это она вас привела сюда, — огорошил он журналистку неожиданным признанием.

В тот день он рассказал ей о себе почти всё. Одно только утаил. Постеснялся сказать, что не только голод помогает ему в поиске нефти, но и желание обладать женщиной. Теперь он точно знал, о ком он грезил.

Очерк в «Молодом ленинце» назывался «Жажда нефти». Гульнара с большим трудом поймала героя своей статьи в нефтепромысловом управлении, чтобы объясниться. Секретарша из приёмной окликнула Сабанаева, когда бригадиры расходились с еженедельной планёрки у заместителя директора по производству:

— Наиль Виленович, вас из редакции областной газеты какая-то дама разыскивает. Целый месяц названивает.

В конторской сутолоке ему неудобно было говорить, но стоило лишь услышать её голос — такой нежный, как все декорации внешнего мира мгновенно исчезли, и никого больше не осталось во всей Вселенной, кроме них двоих.

— Ты прочитал мой материал? И как тебе? Извини, что не смогла обыграть твоё уникальное чувство голода. Светла всё к банальной жажде, но никакого другого образа в моей голове не родилось. У нас в редакции очерк отметили в числе лучших публикаций за неделю. Мне уже из Москвы, из «Комсомольской правды» заказали о тебе зарисовку. Через месяц у меня отпуск, и я обязательно прилечу. Дашь ещё одно интервью для центральной газеты?

Как же замечательно, что она приехала только в августе! Наиль взял у товарищей напрокат нейлоновую палатку и два импортных спальных мешка, в конторе — неделю отгулов и увёл Гульнару в поход по Лукоморью. Они любили друг друга, как первые люди — Адам и Ева, в дебрях заповедной первозданной страны. В тёплых протоках купались голышом, удили рыбу, собирали грибы на солнечных полянах, по вечерам валялись на мягком еловом лапнике и слушали скрипучий треск костра. Искры поднимались в небо и растворялись меж звёзд.

Нефтяной голод — полная ерунда по сравнению со страстью, восплававшей в сердце Наиля к Гульнаре. За неделю таёжного уединения влюбленные открыли столько будущих скважин, что бригаде Сабанаева хватило бурить их на двадцать лет с гаком.

И ребёночка сотворили. Правда, о своей беременности Гуля сообщила будущему мужу не сразу, а только когда он предложил пожениться.

А вот его родителям девушка не понравилась категорически. Как воспитанные люди, при первом знакомстве они ничем не выдали своих эмоций. Наоборот, Зульфия приняла молодую радушно, не знала, чем ещё угостить, а Вилен Рахматуллович вообще, как старый павлин, распустил свой хвост перед сотрудницей прессы, засыпал её комплиментами. Но когда сын, проводив невесту в общежитие, вернулся, дома его ждала суровая родительская отповедь.

— Она старше тебя. Пусть рождает ребёночка, если хочет. Может даже записать его на нашу фамилию. Мы поможем его вырастить. Но жениться?.. Я — против! — твёрдо заявила мать.

Нервно теребя в руках расшитую серебром тюбетейку, отец с трудом подыскивал слова:

— Даже не в возрасте дело. Не пара она тебе, улым. Не пара! Да за тебя любая с радостью пойдёт! Уж лучше на русской женись.

Наиль стоял ошарашенный посреди комнаты.

— И почему вы так решили? — кусая губы до крови, со злостью спросил он. — Она же — татарка! Как вы и хотели.

— Но какая татарка?! — взревел Вилен Рахматуллович. — Крымская!

— И что?

— Да у них совсем другой язык, другие обычаи! — всплеснула руками Зульфия.

— А у русских — прямо всё, как у нас? — поддел родителей рассерженный сын.

— Зато они — свои! — закричал вскочивший со стула отец.

— А крымские татары — не свои?

— Да, представь себе! Зря, что ли, Сталин за сорок восемь часов их всех выселил из Крыма? Ты даже

представить себе не можешь, как они перед фашистами выслуживались, сколько зверств над советскими людьми совершили! Даже гитлеровцы меньше лютовали, чем крымчаки. Я освобождал Крым, своими глазами всё видел.

От этой тирады у Наиля даже дар речи пропал. Он никогда прежде отца таким не видел.

— Ата, ты хоть понимаешь, что говоришь? Двадцатый съезд партии осудил перегибы культа личности Сталина, насильственная депортация народов признана преступлением. Или ты не знаешь об этом?

Вилен Рахматуллович демонстративно поддакивал, а потом взвился с новой силой:

— Но только — не крымчаков! Чеченов, ингушей реабилитировали правильно. Они возвращаются на Кавказ. Но ни одного крымского татарина в Крыму до сих пор не прописывают, потому что они — предатели! Такое не прощается!

Наиль сжал кулаки.

— Моя невеста никого не убивала. У неё интеллигентные родители, в отличие от вас. Отец — врач, мама — учительница. Они, итак, безвинно пострадали. А — вы?.. — Сын снова растерял словарный запас. — Никогда не думал, что у меня родители — такие сталинисты. Ну и оставайтесь со своим Сталиным, а мне в этом доме больше делать нечего.

И он выскочил в сени, громко хлопнув за собой дверь.

Свадьбу сыграли в Стрежевом. Столы в столовой управления сдвинули огромной буквой «П». Стульев для гостей не хватало, со всей конторы собирали. Начальник промысла вручил молодожёнам ключи от новой двухкомнатной квартиры, а ребята

из комсомольско-молодёжного коллектива подарили на свадьбу бригадире мебель для спальни и гостиной. Посуда, шторы, постельное бельё, пылесос, холодильник, телевизор и ковры. Всё что нужно для жизни молодой семье. Подарки от смежников, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций.

Невеста в воздушном белом платье благодарила гостей и проникновенно говорила о северном гостеприимстве, щедрости отважных покорителей недр и солидарности трудящихся.

— Я горжусь, что стала одной из вас, — Гульнара показала раскрытую трудовую книжку. — Со вчерашнего дня я — заведующая промышленным отделом вашей районной газеты. До свидания, старинный Томск, здравствуй, юный Стрежевой!

Её слова потонули в овациях.

На свадьбу со стороны невесты приехала только университетская подруга. Их вместе распределили в Томск с факультета журналистики Уральского университета.

— Я — коренная свердловчанка, а Гуля — вообще из Узбекистана. У меня тётя в Кемерово живёт, вот мы и поехали на практику в «Молодой ленинец», чтобы тётку как-нибудь навестить. Ваш областной центр нам очень понравился, и на распределении мы попросились в Томск, — рассказывала свидетельница в очках комсorghу бригады — свидетелю со стороны жениха, не сводившему с неё глаз.

Своим родителям Гульнара запретила приезжать на свадьбу, хотя они очень хотели. Мол, следующим летом сами к вам приедем — и зятя, и внука увидите.

В студёное и тёмное зимнее сибирское утро, когда обессиленные молодые супруги засыпали после первой

брачной ночи, Гульнара прошептала засыпающему мужу на ушко:

— Ты никогда не пожалеешь об этом. Я сделаю тебя счастливым.

Многие люди в нашей небогатой стране под словом «счастье» понимают в первую очередь материальное благополучие: «Чтобы дом был — полная чаша». И тянутся на это всю жизнь. Всё в дом. А под старость остаются одни в пустоте вещей. Для Гульнары «счастье» имело иной смысл. Молодой семье не надо было копить деньги вначале на квартиру, потом — на мебель, на отпуск, на машину. Львиная доля материальных благ на них свалилась сразу, молодожёны порой даже не знали, на что зарплату потратить. Гульнара стремилась к другому, чего в своё время оказались лишены её родители. К статусу, общественному положению. В советское время это стоило гораздо больше всяких там гарнитуров или машин. Если у тебя есть должность, звание или имя, то всё остальное приложится само.

Умная и честолюбивая молодая женщина быстро освоила правила номенклатурной игры. Надо делать вид, что искренне веришь в советские мифы. Мифологическое сознание не любит суровой нелицеприятной правды жизни, люди гораздо охотней верят в сказки. «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме! Ура, товарищи!»

Добыча нефти в тяжелейших условиях севера, которую потом продавали проклятым капиталистам на загнивающий Запад за доллары, прикрывалась завесой из идеологических и патриотических лозунгов: «Даёшь! Даёшь! Даёшь!»

Для мифов нужны герои. Буровой мастер Наиль Сабанаев лучше многих подходил на эту роль. Из семьи фронтовика, отслужил в армии, комсомолец, ударник, передовик. Владелец уникальных, не поддающихся логическому объяснению, способностей. Пусть он работает за идею ради процветания советского государства, она сама позаботится о дивидендах с этого.

В декрете она просидела недолго. Едва Фарику исполнилось три месяца, Гульнара сразу отдала его в ясли, а сама вышла на работу. Редактора газеты уволили за пьянку, а она была единственным коммунистом в коллективе, не считая трёх пенсионеров. Такого карьерного шанса нельзя было упускать. Заведующая яслями очень боялась грозной молодой редакторши, поэтому к Фарику нянечки относились особо. Его, единственного из младенцев, выносили на прогулки, и пелёнки ему меняли чаще, чем другим малышам.

К домашним ужинам Наиль привыкнуть не успел. Столовские котлеты были вкуснее, чем стряпня его жены. Готовить Гульнара не умела совсем.

Зато редактор газеты из неё получился. Районка стала лучшей в области. Гульнару Акрамовну часто приглашали на различные совещания в областной центр и через год избрали в члены обкома КПСС, а потом и вовсе она перешла на партийную работу, заняв кресло заведующего идеологическим отделом горкома партии.

Комсомольско-молодёжная бригада бурового мастера Наиля Сабанаева гремела на всю страну. За десять тысяч метров годовой проходки его наградили орденом Трудового Красного Знамени, за двадцать тысяч — орденом Ленина. Жена настояла, чтобы он

написал заявление о приёме в партию. Он послушал. И когда его бригада достигла годового рекордного для Западной Сибири результата — тридцати тысяч метров проходки, Гульнара пообещала, что добьётся для мужа Золотой Звезды Героя Социалистического Труда. Но что-то пошло не так, и власть оценила трудовой подвиг стрележчанина лишь премией Ленинского Комсомола. От злости Гульнара Акрамовна не находила себе места в новой трёхкомнатной квартире, постоянно звонила по телефону в Томск и в Москву, ругалась, умоляла, но всё без толку.

Осознав бесполезность усилий, она нашла утешение в объятиях пришедшего с работы мужа и в тот же вечер зачала второго ребёнка.

Это была её месть высокопоставленному любовнику — ответственному работнику обкома партии, не сдержавшему данного ей обещания.

Потребовалось ещё целых семь лет, чтобы звёзды сошлись в заданной Гульнарой точке. Первому секретарю Томского обкома, руководившему областью без малого два десятка лет, предложили должность секретаря ЦК КПСС с перспективой стать членом Политбюро. Своего многолетнего помощника он, естественно, забирал с собой.

— Надеюсь, товарищ Сабанаева тоже переберётся в Москву. Работу в ЦК и квартиру я гарантирую, — предложил ей любовник на съёмной квартире в Томске, где они встречались уже больше десятка лет.

— А Наиль? Он что, будет бурить свои скважины в пределах Садового кольца? — язвительно спросила она.

— Ну, найдём ему тёплое место в министерстве. В столице совсем другие возможности. И о детях тоже

нужно подумать. Твоему старшему скоро поступать. Выпускникам института международных отношений карьера обеспечена.

— В Томске вузы не хуже. Хорошее образование можно получить и здесь.

— Значит, ты остаёшься? И что я могу для тебя сделать на прощание? — закурив сигарету, спросил помощник первого лица области.

— А ты забыл о своём обещании? — ответила она вопросом на вопрос.

— Ты про Героя? Да далась она тебе эта «Золотая Звезда». Иди лучше ко мне, звёздочка моя ясная!

Он хотел быстрее перескочить неприятную тему, но она выскользнула из объятий и произнесла, как отрезала:

— Если мой муж не станет Героем, то я перестану считать тебя мужчиной.

Он понял, что любовница не шутит, и тоже сказал серьёзно:

— После Андропова такие вопросы решаются очень сложно. Но я поговорю с шефом. У него хорошие отношения с генеральным. Но и твой должен сильно постараться.

— Сорок тысяч метров годовой проходки устроит?

— Вполне.

Жизнь Наиля катилась по проторенной колее. Молодой город нефтяников рос и хорошел вместе с его сыновьями. И по благоустройству ничем уже не уступал областному центру. Ночи зимой здесь гораздо длиннее, чем в Томске, зато в июне их совсем нет, солнце не успевает заходить за небосклон.

Юношеская романтика уже улетучилась, настали обыкновенные трудовые будни. Его бригада по-

прежнему бурила больше всех скважин, но первую, лёгкую, нефть из открытых месторождений уже выкачали, а чтобы добраться до сложных залежей, требовались новые технологии. Былой талант «лозоходца» за рутинной повседневной работой притушился. На смену интуиции пришли знания и опыт. Благодаря настойчивости жены Наиль заочно окончил техникум и поступил в политехнический институт, но проучился там всего два года и бросил, твёрдо заявив на домашнем совете, что не каждому дано быть начальником.

Геологи всё реже привлекали его для бурения поисковых скважин. На новых участках Сабанаев ошибался не меньше остальных буровиков. Но на старом изведанном месторождении Наиль Виленович бурил по-прежнему уверенно, наверняка, и ещё держал в загашнике памяти пару-тройку неразработанных местечек, разведанных ещё в период страстной влюбленности в свою жену.

Супружеские отношения Наиля и Гульнар тоже накрыла повседневность. Фразы жены «не надо, дорогой», «я сегодня очень устала», «голова что-то сильно разболелась» всё чаще заменяли близость. Тогда муж, молча, вставал с постели и уходил в зал, где до окончания программ смотрел телевизор или читал какую-нибудь книжку.

Звезду Героя Социалистического Труда на пленуме обкома партии в областном драматическом театре ему вручал молодой, не старше самого Наиля, заведующий отделом ЦК, бывший референт Лигачёва.

Горбачёвская перестройка разрушила хрупкую иллюзию стабильности, прежний привычный и уютный мир исчезал на глазах. Наиль до полуночи смотрел по «ящику» программу «Взгляд» и удивлялся смелости

молодых ведущих, резавших с экрана правду-матку на всю страну. Как увлекательный остросюжетный сериал воспринимались прямые трансляции со Съезда народных депутатов СССР. Фразы ораторов сразу становились крылатыми: «агрессивно послушное большинство» или «Борис, ты не прав», сказанная Лигачёвым Ельцину на XIX партийной конференции.

Выдержки из пламенной речи секретаря Стрежевского горкома партии Гульнары Сабанаевой, представлявшей на съезде «Демократическую платформу»*, в защиту прав репрессированного крымско-татарского народа, цитировали даже по «Голосу Америки».

Зарплату стали задерживать даже нефтяникам. А на полученные деньги купить было нечего. Синие тощие куры, резиновая колбаса, даже водка, и та по талонам. В голове Наиля варилась такая каша, что разобраться со всем этим на трезвую голову он никак не мог. И, как нормальный советский мужик, он запил. Надолго, по-чёрному.

Жена по своим связям оформила ему больничный. Фарит уже учился в Томском университете на историческом факультете и лето проводил в какой-то археологической экспедиции. А четырнадцатилетнего Мурата Гульнара Акрамовна, забыв былые обиды, отправила на каникулы к родителям мужа, чтобы не смотрел на запившего отца.

Дома секретарь горкома стремилась бывать как можно реже, пропадала на работе, пока её саму не исключили из партии. Она забрала из сейфа подаренную кем-то бутылку армянского коньяка и пошла домой. Пробравшись через баррикады пустых бутылок, она села на разложенный диван, где валялся проспиртованный насквозь небритый супруг. Растолкала его и предложила выпить коньяку.

— За окончание нашей северной сказки, мой герой!

В тот вечер она напилась до чёртиков. А утром, продрав красные глаза, увидела ласковую улыбку свежевыбритого мужа.

— Мне это снится? Или я уже в раю? — простонала она.

— Пока только в чистилище, — пошутил трезвый Наиль.

— Это — католический догмат. Мусульмане и православные его не признают, — механически ответила Гульнара и уткнулась в подушку.

К жизни её вернули слова мужа:

— Тем более. Истинные мусульмане вообще спиртного не пьют. Но сейчас тебя спасёт только пиво.

Она поднялась на локте на грязной измятой простыне и обнаружила, что совсем голая.

— Ты что, меня изнасиловал?

— Это ещё вопрос: кто — кого?

— Какой ужас!

Гульнара закрыла ладонью глаза от ослепляющего солнца, и только сейчас обратила внимание на чистоту в комнате.

— Ты прибрался?

— И даже завтрак приготовил. Гречневая каша — с похмелья самое то. Все яды и сивушные масла нейтрализует.

Наиль принёс поднос с пивом и кашей и поставил его на журнальный столик.

— Завтрак в постель для сеньоры.

Она жадно глотнула пиво и вернула полбутылки мужу.

— Спасибо. Но я своё уже выпил, — сказал Наиль и вылил пиво в раковину на кухне.

Стрежевскую квартиру они решили оставить Фариту. Пока мальчик учится в университете, жилплощадь у него никто не заберёт. А дальше, кто знает, как жизнь сложится. Может, женится и вернётся на север, или на другой город обменяет. А четырёхкомнатную квартиру в обкомовском доме в центре Томска, где были прописаны трое остальных Сабанаевых, знакомая Гульнары Акрамовны, заведовавшая местным бюро обмена, каким-то чудом обменяла на двушку-«хрущёвку» в Крыму. В приморском посёлке Гурзуфе, пригороде Ялты.

Купленную год назад «Ладу» девятой модели перенять на юг пришлось своим ходом. До Симферополя Наиль добрался без приключений. Правда, устал, как собака, за пять-то суток пути. Переночевал в доме какого-то дальнего родственника жены. Допоздна отмечали переезд северян, а утром на перевале его «девятку» выбросило с трассы в глубокий кювет. Гульнарин родственник, сидевший на переднем сиденье, погиб на месте, а за жизнь самого Наиля врачи боролись целую неделю. Собрали по частям, и потом полгода он учился ходить заново. С огромным трудом Гульнаре Акрамовне удалось замять уголовное дело. Если бы не Звезда Героя, пять лет колонии общего режима её мужу дали бы наверняка.

Мансуровы

Отвесные скалы с трёх сторон надёжно закрывали от посторонних глаз большой и тёплый плоский камень, сползающий к синему морю. Отдыхающие из Гурзуфа за скальный выступ заплывали редко, и Акрам, набравшись смелости, робко дотронулся солёными губами загоревшей щеки Розы. Девушка не вскочила, не дала пощёчину, а, откинув мокрые волосы, озорно посмотрела на ухажёра.

— Да вы — большой шалун, доктор Мансуров. И, наверно, привыкли разбивать сердца молоденьким пионервожатым?

Акрам смутился и отвернулся к скалам.

Почувствовав, что сказала лишнее, Роза попыталась исправить неловкость.

— Не обижайтесь, Акрам Мансурович. Просто вы уже пятый год работаете в «Артеке», и каждую смену — новые девушки со всего Союза. А здесь — море, шёпот волн, уединённые бухточки. С вашей-то внешностью грех не стать Дон-Жуаном.

Фельдшер пионерского лагеря ещё больше ушёл в себя и прошептал с досадой:

— Скажете тоже. С такой-то рукой? Кому я, калека, сдался?

В доказательство своих слов Акрам приподнял левую руку и показал неподвижную, словно застывшую в камне, кисть.

Чувство сострадания было свойственно Розе. С малых лет она подбирала на улице бездомных собак и кошек, покалеченных — особенно, и приносила их домой. Пока отец работал на стройке, семья жила хоть и небогато, но не голодала, дочкино милосердие в сердцах родителей находило понимание. Котят и щенят раздавали родным и знакомым по всему Бахчисараяю. Но однажды под тяжестью балки перекрытия сырую кирпичную кладку повело, и вся стена рухнула на отца Розы. Когда его откопали из-под обломков, он уже не дышал. Ей тогда и четырнадцати не было. Старшая дочь в семье, два братишки и две сестрёнки от двух до десяти лет. Сразу пришлось повзрослеть.

Мать работала нянечкой в детском саду, и Розу устроила туда посудомойкой. На следующее лето дочь поступила в педучилище на заочное обучение, а в шестнадцать лет стала уже воспитательницей. Получив диплом, она только устроилась на работу в Бахчисарайскую восьмилетнюю школу № 1, как из райкома комсомола пришла разнарядка на вожатую для пионерского лагеря «Артек». Учительница, которую туда готовили, забеременела, а с животом во Всесоюзную пионерскую здравницу вожатых не брали. Так Роза, неожиданно для себя, оказалась в сказке.

От Бахчисарая до Гурзуфа — ехать всего ничего, каких-то сто километров, а по серпантину — и того меньше. Но Роза к великому своему стыду ни разу на море не была и даже плавала плохо, только пособачьи. А в райкоме комсомола на собеседовании соврала, сказала, что хорошо плавает.

Зато — в каком раю оказалась! Сверкающее море, стройные кипарисы, экзотические пальмы. Питание — полноценное, трёхразовое, сбалансированное по белкам, жирам и углеводам. Благоустроенные спальные

корпуса с водопроводом и электричеством. А дети? Со всего необъятного Советского Союза! Такие разные, и все — такие свои, родные.

Вожатые заехали раньше, за неделю до начала смены, чтобы успеть пройти необходимый инструктаж, изучить лагерь и маршруты для походов.

Подъём на гору Аю-Даг* для выросшей на крымском плоскогорье девушки показался лёгкой разминкой, хотя для многих, особенно — горожан, стал тяжёлым испытанием. А вот слова физрука, что завтра — сдача норматива по плаванию, привели Розу в состояние полнейшего уныния. Поздно вечером, когда весь «Артек» заснул, она незаметно проскользнула мимо сторожей на пляж. Разделась и зашла в прохладную воду с решимостью настоящего самоубийцы.

Проплыв совсем немного, она хлебнула солёной воды, испугалась и отчаянно заколотила руками и ногами, отчего ещё больше захлебывалась и стала тонуть. Ей катастрофически не хватало воздуха, она уже теряла сознание, а вместе с ним и надежду выбраться с глубины, как вдруг чья-то сильная рука подхватила её под живот и вынесла на берег. Потом ей больно давили на грудь, горячим ртом насильно вдыхали в её посиневшие губы животворящий воздух. Откашлявшись горькой водой, она открыла глаза. И увидела перед собой мужчину неземной красоты. Его большие чёрные глаза с расширившимися от волнения зрачками занимали почти половину лица. Густые и длинные тёмные волосы спутались и мокрыми прядями свисали с бронзовых плеч. Ноздри римского носа раздувались, как у породистого скакуна во время бешеной скачки, а чувственные губы обнажали ослепительно белые зубы.

— Вы в порядке? — испуганно поинтересовался спаситель.

Ощувив под спиной мелкую гальку пляжа, Роза только сейчас осознала, где она.

— Да. Спасибо, что спасли, — прошептала девушка.

— А вы зачем топиться вздумали? — придя в себя, спросил красавец.

— Я плавать училась. Завтра всем водителям надо сдавать норматив. А я вот совсем не умею.

— Разве так учатся? — произнёс он с укоризной.

Роза удручённо вздохнула:

— Значит, поеду обратно домой.

Он задумался на минуту, а потом приказным тоном сказал:

— Хватит лениться. До утра ещё много времени.

Акрам, так звали её спасителя, оказался на редкость талантливым тренером по плаванию. Восход солнца они встретили на одном из двух скальных островов метрах в трёхстах от берега.

— Их называют Адалары. «Острова» — на языке крымских татар, — рассказывал он, подставляя лицо восходящему солнцу.

Она закрыла ладошкой глаза и, улыбаясь, ответила на родном языке:

— Знаю, эфенди*. Я — родом из Бахчисарая.

От её слов он вскочил.

— А я думал, что ты — какая-нибудь черкешенка!

Они и не заметили, как перешли на «ты».

— Горцы отличаются от жителей прибрежной полосы, — произнесла Роза с улыбкой.

Про русский язык они забыли и общались теперь только на своём. Он рассказал ей легенду об этих скалах. Что давным-давно жил в здешних краях вол-

шебник, и были у него в учениках два брата-близнеца. Чародей научил их многому, но взял слово с каждого: никогда не использовать свой дар для собственной корысти. Но однажды братья повстречали красивую девушку и влюбились в неё. Она была из знатного рода и не обратила на бедняков внимания. И тогда один брат сделался богатым купцом. А другой превратил себя во всадника на белом коне. Волшебник увидел, как ученики воспользовались волшебным даром, и вместо братьев появились в море две груды камней.

— Отец мне рассказывал, что до революции здесь работал роскошный ресторан для богатых людей. Продукты доставляли по канатной дороге, а рыбу ловили прямо в море и сразу готовили.

Роза успешно сдала экзамен по плаванию и осталась в «Артеке». С фельдшером лагеря Акрамом Мансуровым они подружились и уже вместе совершали длительные заплывы. Новый знакомый загребал под себя морские волны окаменевшей левой рукой с такой силой, что угнаться за ним она никак не могла. Заметив, что Роза отстаёт, он переставал грести, переворачивался на спину и, качаясь на волнах, дожидался её.

Однажды она не выдержала и спросила его про увечье.

— Позапрошлым летом мы возвращались на яхте из Алушты и попали в шторм. Ветер налетел внезапно, и такой сильный, что сломал мачту. Я сидел у руля, и она придавила мне руку. На борту был целый пионерский отряд, тридцать ребят. Руль отпустить я не мог, нас сразу бы перевернуло. Пришлось терпеть целый час. Кости-то в больнице мне вправили, но су-

хожилия восстановить не смогли. Поэтому я не стал хирургом. Учусь на педиатра.

С моря слышались всплески воды. Из-за скалы к камню, где они сидели, подплыл какой-то мужчина.

— Извините, молодые люди, что прервал ваше уединение. Но можно мне пришвартоваться к вам ненадолго, а то другого места для стоянки я не наблюдаю.

Он был в армейских трусах и ещё совсем не загорел.

— Вы из военного санатория? — спросила Роза.

— Да, — ответил отдыхающий и удивился: — А вы как узнали?

Но потом посмотрел на свои трусы и рассмеялся.

— А мы из «Артека», — как бы представился Акрам.

— О! — воскликнул военный. — Так у нас же встреча с вашими пионерами в воскресенье. Меня тоже пригласили.

Но ни он, ни другие офицеры из военного санатория в воскресенье в «Артек» не приехали. А в полдень во время второго завтрака по радио выступил нарком иностранных дел Молотов и объявил, что германские войска вероломно напали на Советский Союз. Все слушали его речь, затаив дыхание, — и персонал, и только что приехавшие на отдых дети.

«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!». В этом никто не сомневался, но сообщение о бомбардировке Севастополя, в ста километрах от «Артека», сильно обеспокоило работников лагеря.

На следующее утро почтальон принёс полную сумку телеграмм от взволнованных родителей. Первыми, не успев отдохнуть у моря, уехали со своими вожатыми школьники из Москвы и Ленинграда.

Потом — с Поволжья, Урала и Сибири. К июлю в «Артеке» остались лишь двести ребят. Им некуда было возвращаться. Их родные города и сёла в Молдавии, Прибалтике, Белоруссии и правобережной Украине уже захватили фашисты.

В актовом зале с колоннами и роскошными люстрами, где до революции богатые курортники играли в рулетку, директор лагеря по фамилии Цигельман обратился к оставшемуся персоналу:

— Центральный комитет Ленинского комсомола и Наркомат здравоохранения СССР приняли решение об эвакуации «Артека». Из школьников, приехавших с оккупированных врагом территорий, принято решение сформировать специальную группу и отправить её в тыл. Наш лагерь будет работать и в военное время, правда, на новом месте.

— И где? — раздался вопрос из зала.

— Называют посёлок Нижний Чир на Цимлянском водохранилище в Сталинградской области. Это, конечно, — не Чёрное море. Но места там, говорят, красивые. И это зависит от вас, товарищи, кто поедет в эвакуацию вместе с детьми, не уронить честь высокой марки нашего пионерского лагеря. Создать новый «Артек»! Чтобы дети, потерявшие семьи, ни в чём не чувствовали себя обездоленными. Головой за них отвечаете!

Старшим в этой группе директор назначил фельдшера Мансурова. Его с покалеченной рукой на фронт не призовут.

— А как же вы, Анатолий Маркович? — спросил Акрам.

— Кто-то же должен остаться на хозяйстве, — с какой-то совсем не свойственной его энергичной натуре покорностью произнёс Цигельман. — Когда фашистов

прогоним, и вернётесь в Гурзуф, будет с кого спросить за сохранность социалистической собственности.

Но он не дождался. Погиб от рук захватчиков.

Под Липецком их поезд обстреляли немецкие самолёты. Пассажиры успели покинуть вагоны и залечь в хлебном поле. Хорошо, что вовремя подоспели наши истребители, не дали разбомбить состав. Акрам оказывал первую помощь раненым, а Роза вместе с другими вожатыми собирала в поле испуганную детвору.

В Москве они ночевали в спортзале какой-то школы в Сокольниках. Благо, каникулы, занятий нет. Мансуров каждый день, как на работу, ходил в Наркомздрав за билетами и деньгами. В суматохе эвакуации бюрократическая машина работала как попало, а будущий врач был человеком интеллигентным, горлом брать не умел. Лишь после жалобы в ЦК ВЛКСМ им выдали суточные и проездные документы.

До Нижнего Чира добрались к концу августа. Только начали обустроиваться, готовиться к зимовке, как вдруг пришло новое предписание: в связи с изменившейся обстановкой на фронте и угрозой дальнейшего продвижения неприятеля вглубь страны пионерский лагерь «Артек» эвакуировать на Алтай.

Началась новая железнодорожная «одиссея», длившаяся почти год. Казань — Уфа — Новосибирск — Барнаул. Где-то задерживались на недели, а где-то на месяцы. Холодные, плохо отапливаемые помещения. Дети болели. Акрам Мансурович не спал сутками.

Наконец, в столице определились с местом временной дислокации «Артека». Курорт Белокуриха. В сентябре 1942 года, на второй год войны, беженцы из Гурзуфа прибыли в предгорье Алтая.

Роза прыгала с одного валуна на другой с лёгкостью молодой козочки. Русло горной речки было щедро усеяно ими. И девушка восторженно оповещала всё ущелье:

— Какая красота! Какое совпадение! Это же — настоящий Крымский Большой каньон. Поразительное сходство! Дорогой, мы — дома!

Акрам любовался её непосредственностью.

— Только у нас — камни светлые, песочного цвета. А здесь классический гранит.

— Всё равно — очень похоже! И речка также весело шумит, и горы нависают. А воздух?! Чистый мёд! Надо обязательно сводить ребят сюда в поход! А ещё лучше — отметить здесь какой-нибудь праздник. Жалко, на 7 ноября, наверно, холодно будет.

Камни хорошо впитывали в себя последнее тепло осеннего сибирского солнца. Акрам сидел на одном из них и грелся, мысленно переносясь в родной Гурзуф.

— А зачем ждать? — вдруг решительно сказал он.

Роза перепрыгнула на соседний валун.

— И что предлагает директор алтайского «Артека»? — спросила она, стараясь удерживать равновесие.

Он встал. Её валун был выше, и их лица оказались рядом.

Акрам достал из кармана брюк сверкнувшее на солнышке колечко и одел ей на палец.

— Руку и сердце. Ты выйдешь за меня?

Она зажмурила глаза и прошептала многократное «да».

— Вот и повод для праздничного похода, — произнёс он и поцеловал невесту.

Следующим летом Всесоюзный пионерский лагерь «Артек» возобновил свою работу. В Белокуриху стали

съезжаться пионеры из сибирских городов. Но костяк дружины по-прежнему составляла первая «гурзуфская» смена 41-го. За два года некоторые ребята успели выйти из пионерского возраста и стали сами вожатыми.

Походы в горы и песни у костра чередовались с работой в местном колхозе. За лето артековцы заработали денег на целый танк «Т-34». Правительственную телеграмму с благодарностью от Верховного главнокомандующего товарища Сталина директор лагеря Мансуров зачитал на торжественной линейке. И воспитанники, и вожатые плакали от радости и гордости.

Роза была на седьмом месяце беременности, когда Красная армия освободила Крым.

Читая в «Красной звезде» репортаж из освобождённого «Артека», муж негодовал:

— Фашисты сожгли наш Дворец, разрушили все пристани. Парки изрыли окопами и обнесли колючей проволокой. Вандалы!

Не дочитав до конца публикацию, он, взъерошенный, выбежал на кухню барака, где жена готовила ужин, и, подхватив её на руки, стал кружить вокруг столов, плиты и навесных шкафчиков:

— Мы скоро вернёмся домой! Инженерный батальон 4-го Украинского фронта начал восстанавливать «Артек». Уже следующую смену ребят мы примем в Гурзуфе!

Через неделю поздно вечером к их бараку подъехал легковой автомобиль. Молодцеватый капитан НКВД в сопровождении двух автоматчиков бесцеремонно вломился в комнату Мансуровых и громко зачитал постановление:

— По решению Государственного Комитета Оборонь, вы, как крымские татары, подлежите переселению в Узбекистан. На сборы — полчаса.

— За что? — недоуменно спросил Акрам.

— «За участие в кол-ла-бора-цио-нистских формированиях, — по слогам, запинаясь, прочитал капитан, но закончил увереннее. — Выступавших на стороне нацистской Германии».

А от себя добавил:

— Про ваши злодеяния в концлагере «Красный»* уже знает вся страна.

Мансуров удивленно пожал плечами:

— Но я ни в каком другом лагере, кроме «Артека», не был.

И тут же получил прикладом автомата в живот.

Об ужасах депортации крымских татар Мансуров знал только понаслышке: от матерей и отцов, приводивших к нему на приём своих ребятишек.

— Нас везли в товарных вагонах. Стояла дикая жара. Люди изнемогали от жажды. А напиться могли только на станциях, если речка или озерцо оказывались поблизости. Некоторые пили прямо из луж. В Казахстане с вагонов начали снимать первые трупы. Хоронить никого не давали. Брюшной тиф. Я двух сыновей потеряла, спасите хоть последнего! — умоляла доктора рано постаревшая мать.

Эпидемию тифа удалось остановить, но дизентерия в антисанитарных условиях среднеазиатских кишлаков не переводилась. Пока посёлок спецпереселенцев из Крыма не влился в новый благоустроенный город шахтёров — Ангрэн.

Несчастья обошли с Мансуровых тороной. И если бы не утраченная мечта — вернуться в Гурзуф, то вы-

нужденный переезд с холодного Алтая в жаркий Узбекистан молодая семья могла занести в свой актив.

От Барнаула до Ташкента Акрама и Розу депортировали в спальном вагоне. Правда, их сопровождал охранник, но он постоянно бегал на станциях за пивом. В посёлке шахтостроителей в общем бараке они переночевали всего одну ночь. Главврач поликлиники, узнав, что молодой фельдшер до войны учился на педиатра и работал в самом «Артеке», сразу отправил его домой к главному инженеру «Шахтостроя». Пятилетняя дочь начальника болела тяжёлой формой полиомиелита, с параличом позвоночника. Акрам знал этот недуг, даже курсовую работу в институте написал по нему. В «Артеке» много таких ребят проходили курс реабилитации. За месяц он поставил девочку на ноги. Мансуровым сразу выделили отдельную комнату в общежитии, а рожать Розу даже отвезли в Ташкент, в настоящий роддом.

Выезд спецпереселенцев с места ссылки без разрешения комендатуры приравнивался к побегу и наказывался двадцатью годами каторги. Но для доктора Мансурова всегда делались исключения. Его отпускали на сессии и защиту дипломной работы. Медицинститут из Симферополя, где он учился, эвакуировали в казахстанскую Кзыл-Орду, недалеко от Ангрена.

Роза родила дочь. Её назвали древним персидским именем Гульнара — «Цветок граната».

Жена тоже получила высшее образование, окончила пединститут в Ташкенте. Она устроилась в школу учителем математики, где и проработала до самой пенсии.

Акрам вступил в партию. Его давно бы назначили главным врачом поликлиники, если бы не проклятый статус спецпереселенца. Гульнара окончила школу с

золотой медалью и решила поступать на факультет журналистики. Комендант из уважения к доктору выдал его дочери разрешение на выезд для учебы в Свердловск.

Гуля уже работала корреспондентом молодёжной газеты в Томске, когда Президиум Верховного Совета СССР, наконец, снял все санкции против крымских татар. Но на родину им возвращаться не разрешили, вместо этого в Узбекистане бесплатно выделили земельные участки, предоставили стройматериалы и дали ссуду по пять тысяч рублей на строительство индивидуального жилья.

— Без подачек обойдусь! — поначалу гордо заявил Акрам Мансурович и вместе с женой поехал летом отдыхать в Крым.

Туда-сюда помыкался. На работу его нигде не брали, хотя врачи-педиатры со стажем нужны были в каждом детском санатории.

В Ангрен они вернулись, не солоно хлебавши. Стоя с женой на утопающем в цветах балконе и глядя с третьего этажа благоустроенного многоквартирного дома на высокий хребет Тянь-Шаня, окутанный синеватой дымкой, быструю горную реку, стремящуюся в солнечную долину, Акрам смиренно сказал:

— Будем доживать свой век, Роза, в эрзац Крыму.

— А куда нам дёргаться, Акрам? Здесь мы нужны, нас уважают люди. Здесь — наш дом.

Крымчак смирил свою гордость, пошёл в горисполком и оформил ссуду на строительство.

В старости люди становятся обидчивыми. Любую несправедливость ощущают болезненно, гораздо сильнее, чем когда были полны сил и энергии. Иногда — не совсем адекватно. Что поделаешь, возраст!

Акраму Мансуровичу исполнилось уже семьдесят, его жене — шестьдесят пять, когда крымским татарам разрешили вернуться на полуостров. Страна, укравшая у них родину, загибалась сама.

Малогабаритная двухкомнатная квартира в панельном доме на четвёртом этаже на стариков впечатления не произвела. Даже меньше той, что была у них в Ангрене, а уж с новым домом — вообще никакого сравнения. К тому же спальню занимал прикованный к постели после аварии зять.

Но пальмы в палисаднике у подъезда! Старинный особняк с эркером* на узкой восточной улочке, ведущей к морю! Возле этого дома Акрам разрыдался. Он сел на вылизанную до блеска временем каменную ступень галантерейной лавки и закрыл седую голову руками.

— Что с тобой? — встревожилась дочь. — Тебе плохо? Может, «скорую» вызвать?

— Не надо врачей, — тихим голосом ответил отец. — Это дом твоего деда. Я вырос здесь.

Своего отца — богатого купца, торговавшего тканями, — Акрам не мог помнить. Его расстреляли вместе с врангелевцами сразу, как Красная армия вошла в Крым. Через неделю после рождения сына.

Потом советская власть экспроприировала особняк для комсостава, оставив прежним хозяевам маленькую комнатку в полуподвальном помещении. И первыми воспоминаниями мальчика были стучавшие через раскрытое узкое окошко у потолка о полированную брусчатку армейские сапоги и каблучки дамских туфель. Парусиновые тапочки, в которых ходили местные жители, ступали бесшумно.

— Успокойся, баба! Клянусь перед Аллахом, я верну этот дом нашей семье! — заявила дочь с революционной решительностью.

Вскоре она вошла в координационный совет Крымского комитета по делам депортированных народов, распорядившись выделением земель под застройку и стройматериалов для возвращающихся на полуостров крымских татар.

О переселении из старого дома Мансуровых Гульнара Акрамовна с большинством жильцов договорилась мирно. Одни соблазнились деньгами, другие — новым земельным наделом, только из одной квартиры, оформленной на упрямую старуху, жильцы отказывались съезжать. Сабанаева даже пошла на крайнюю меру: отправила крепких ребят поугагать бабкину семью. Но исполнители перестарались, изувечив зятя и внука вредной старухи.

А тут ещё поднявшийся на ноги муженёк фортель выкинул! По великому благу Гульнара Акрамовна устроила своего Героя Социалистического Труда на работу в бывший санаторий Четвертого управления Минздрава Украины заместителем главного врача по общим вопросам. Работа — не бей лежачего. Только щёки вовремя надувай с важным видом. Так этот великий нефтяник, кобель, завёл шуры-муры с толстой санаторной поварихой.

Такой пощёчины, такой обиды она, сделавшая из безродного сибирского татарчонка прогремевшего на весь Союз передовика труда, простить не смогла и тут же подала на развод. Развелись Гульнара и Наиль быстро, по обоюдному согласию. Она вернула свою девичью фамилию и стала снова Мансуровой.

Беда одна не ходит. С продажей дома в Узбекистане возникли проблемы, и родители попросили её срочно прилететь.

Шахтёрский городок Ангрэн хоть и располагается на въезде в Ферганскую долину в самом сердце Узбекистана, но за всю свою советскую историю узбекским так и не стал. Почти половину его населения составляли русские, двадцать процентов — крымские татары, пятнадцать — турки-месхетинцы. Коренное население в городе исчислялось несколькими процентами. На угольном разрезе узбеки работать не хотели.

В Ангрэне представительница советской номенклатуры всегда чувствовала себя как дома, по-хозяйски. Но уже по дороге из аэропорта Гульнара Акрамовна отметила произошедшие в республике перемены. За три часа езды на такси она увидела всего несколько славянских лиц. Татары и турки исчезли вовсе. Одни узбеки: грязные, плохо одетые, злые. Видимо, из дальних кишлаков.

А вот и родная улица в крымско-татарском частном секторе. Такси остановилось прямо у родительского дома в персиковом саду.

Калитка была открыта, но никто её не встретил. Гульнара рассчиталась с водителем и, закинув на плечо дорожную сумку, вошла во двор.

Отец лежал на песочной дорожке с проломленной головой. Дочь бросилась к нему, перевернула на спину и окаменела: всё его лицо было залито кровью, он не дышал.

— Мама! Мамочка! — по-русски во весь голос закричала дочь.

Из-за летней кухни послышался стон. Роза, цепляясь непослушными пальцами за край скамейки, пыталась подняться. Но сил не хватало.

— Слава богу! Жива! Кто сделал это?

— Узбеки... — тихо прошептала мать.

— Но почему?

— Не сошлись в цене с Акрамом за дом. Сказали, что возьмут бесплатно.

Усадив мать на скамейку, Гульнара забежала в прихожую вызвать «скорую помощь» и милицию. Схватила аптечку.

Во дворе её уже поджидали молодые узбеки с хорошими улыбками и кусками арматуры. Они услышали крики и вернулись.

— А вот и наследница объявилась. Может, ты сама отпишешь нам дом по-хорошему.

— Не дождётесь! Щенки...

Она не успела прокричать ругательство. Тяжёлый железный прут опустился на её голову.

Избитую бабу Розу перевёз в Гурзуф старший внук из Томска Фарит. Этом же рейсом из Ташкента в Симферополь в багажном отсеке доставили гробы с телами Акрама и Гульнары.

Во время трагедии в Ангрене Наиль со своей поварихой трое суток дождался задержанного рейса на Томск в московском аэропорту Домодедово. Денег у него не было даже на еду, не то что — на междугородние звонки.

После похорон деда и матери Фарит оставил ещё слабую бабушку в гурзуфской квартире на попечение младшего брата. Шестнадцатилетний Мурат наотрез отказался жить с отцом-предателем и взял фамилию крымского деда. Бабушка и внук оформили в собственность три квартиры, купленные Гульнарой в особняке Мансуровых, и стали сдавать их курортникам.

Новое время

Что такое любовь? Её тайный механизм людям не ведом. Вот и Наиль, дожив до седых волос, думал, что отлюбил своё. А вот — нате, влюбился, как мальчишка. В теплоту и мягкость молодого женского тела, а ещё — в аромат шипящих на раскалённом масле чебуреков.

Фируза была моложе его на четырнадцать лет. В Гурзуф она переехала с мужем из Набережных Челнов. Казанских татар в советское время здесь охотно принимали на работу. Проводимая демографическая политика предусматривала восстановление численности татарского населения на полуострове за счёт приезжих татар, лояльных власти.

Муж Фирузы устроился сантехником в цэковский санаторий, но проработал недолго. Красивая курортная жизнь — дешёвое вино, доступные на отдыхе женщины — затянула мужика с головой. Он стал прогуливать, и его уволили. Себе на жизнь он зарабатывал на лодочной станции, катал отдыхающих на вёслах по живописным бухточкам. А на зиму нанимался сторожить какую-нибудь турбазу. О жене даже не вспоминал.

— Что, сынку, помогли тебе твои ляхи? — вопросом Тараса Бульбы встретил Вилен Рахматуллович блудного сына спустя четверть века.

Прославленный нефтяник стоял безмолвно перед стариком-отцом и мял в руках панаму от солнца.

— Вот, ата, познакомься! Это — Фируза, — представил женщину Наиль. — Мы хотим пожениться.

— Вернулись, с чего начинали, — буркнул пенсионер. — Твой старший сын тоже жениться надумал. Сразу на двух свадьбах и погуляем.

Наиль молчал, а отец продолжил кураж.

— По прежней жене — матери своих сыновей — траур держать не собираешься?

— С Гульнаррой мы развелись. А Фируза беременна...

Зульфие надоело слышать ворчание мужа. По его интонации она поняла, что в глубине души старик рад возвращению Наиля. Да и новая невестка ему, похоже, понравилась. Хоть и молодая, но ведёт себя скромно, вперёд мужчины не лезет, закон чтит.

— Хватит, карт*, людей в сенях держать! Улым, проводи жену в спальню. Там свежая постель.

После жаркого Крыма Наиль не мог надыхаться резким, настоящим на хвое сибирским воздухом. От избытка кислорода у него кружилась голова. А столько вопросов нужно было решать! И с трудоустройством, и с жильём. У стариков-родителей с новой семьёй не обоснуешься. Вдобавок прибавление скоро. УЗИ показало, будет сын.

Лида, жена Фарита, тоже носила мальчика. У молодых в семье достаток. Дипломированный историк неожиданно стал удачливым коммерсантом. Делал деньги из всего. Его жена, по образованию экономист, вела бухгалтерию семейного предприятия. От продажи квартиры в Стрежевом денег даже на мебель не хватило. Инфляция обесценивала все сбережения.

Бригадир буровиков, привыкший просто работать, не вписывался в рыночную экономику. В нефтедобы-

вающее объединение его бы, конечно, приняли обратно. Но Наиль боялся возвращаться на север. На повторение прежних рекордов сил не осталось, а превращаться из легенды в обыкновенного работягу он не хотел.

Пробовал в Томске заняться бурением водяных скважин, но быстро прогорел. Водительских прав его лишили ещё в Крыму, и теперь он даже таксовать не мог. Два месяца проработал кондуктором на трамвае. Но зарплату там задерживали, да и пассажиры его узнавали, пришлось уволиться.

Вилену Рахматулловичу надоело смотреть на метания великовозрастного дитя, и однажды вечером он озвучил своё решение:

— Прошлого не вернёшь. А жить-то надо. Семью кормить. Я договорился, директор рынка ждёт тебя завтра в десять утра.

— Что? Я — на рынок? Мясником? — взвился Герой Социалистического Труда.

— А у тебя есть другие варианты?

Наилью возразить было нечего.

Фарит знал, что отец не возьмёт у него денег на квартиру, потому решил построить на дедовом участке ещё один дом. Стариковская изба стояла в глубине двора, и красивый особняк, выходящий окнами на улицу, прекрасно вписался в архитектуру Татарской слободы.

— Недвижимость — лучшее вложение капитала. Со временем двухэтажный кирпичный дом в исторической части города будет стоить гораздо дороже, — убеждал отца преуспевающий сын. — Я финансирую, а ты строишь. Право собственности оформим на тебя. Разве за двадцать с лишним лет на севере ты не заработал на такой дом? К Герою Социали-

стического Труда никакие налоговики претензий предъявить не смогут. Мне ж светить свои доходы резона нет. А завещание на меня напишешь. Ну что, по рукам?

Дядька родился на месяц раньше племянника. Новорождённых, не договариваясь, отец и сын Сабанавы назвали на иностранный манер: Артуром и Робертом. Так захотели жёны.

Стройка растянулась на три года. В первое лето залили фундамент, на второе — накрыли стены крыши, третье ушло на отделку. Хлопоты по строительству вернули Наиля к жизни. До глубокой ночи он сидел над чертежами, планируя, что, где и как лучше устроить. Времени на рефлексию у него не оставалось совсем. Шесть дней в неделю — работа на рынке, малой сын, да ещё стройка.

Братья тоже помогли, чем смогли. Анвар, тренер по боксу, сколотивший из своих воспитанников банду рэкетиров, вспомнил свою первую профессию каменщика и даже сам сложил один простенок. Надир, избранный мусульманской общиной муллою Белой Мечети, помогал рабочей силой, единоверцев из Средней Азии, приехавших в Сибирь на заработки, обеспечивал работой. Лида составляла сметы, а Фируза готовила работникам обеды.

Бабай тоже не сидел без дела. Контролировал работу строителей, сантехников и электриков.

— Если бы видел дед Рахматулла, какой домище отстроили его потомки. Не хуже, чем у самого Каримбая! — обычно скупой на похвалу Вилен Рахматулло-вич с гордостью заявил сыну и внуку в конце стройки.

От такого щедрого комплимента Фарит даже растерялся.

— Скажешь тоже, бабай. Дом татарской культуры втрое больше. А территория самой усадьбы? А подземелье?

Старый кавалерист хитро прищурился и ответил:

— Зато у Карим-бая — подвалы пустые, а у нас — и сауна, и бассейн, и овощехранилище.

Не довелось Вилену Рахматулловичу попариться в новой сауне. Накануне новоселья его хватил инсульт во сне, и спустя сутки он скончался, не приходя в сознание.

Разбирая вещи в отцовском сундуке, Наиль обнаружил на самом дне кожаную папку с какими-то схемами. Он уже собирался кинуть её в кучу на выброс, но остановился в последний момент. Надев очки, стал рассматривать чертежи внимательно. Стрелка начиналась от Дома учёных и вела к зданию СФТИ, а потом поворачивала вдоль тротуара на площадь и упиралась во Дворец бракосочетаний, напротив Дома офицеров.

Сводчатый потолок из потрескавшегося старого кирпича, светящаяся замочная скважина в бильярдную и сужающийся в темноте подземный ход Наилю вспомнились мгновенно, словно это было вчера.

Абика Зульфия, несмотря на все уговоры, наотрез отказалась переезжать в новый особняк.

— Здесь доживать буду! — твёрдо заявила она.

В старом доме всё пахло Виленом, согрето теплом их любви, а там — чужая, холодная роскошь.

Наиль не стал настаивать.

— Ана, а отец о подземельях тебе ничего не говорил?

— Тебе зачем? Не смей туда лазать! — властным голосом прикрикнула на сына мать.

И глава семьи, уже сам дед, послушно развёл руками.

— Просто в сундуке у отца нашёл странную схему, вот и спросил.

Абика села на топчан, нервно теребя костлявыми пальцами уголки платка.

— Прощу тебя, улым, оставь эту затею. Отца твоего просила, умоляла, а тебе просто запрещаю. Опасно там. Все ходы старые, осыпаются. Того и гляди, обвалятся. И закон запрещает. Даже не посмотрят, что ты — Герой, в тюрьму посадят.

Её лицо от волнения стало красным. Сын испугался и полез в комод за тонометром. Измерил давление и дал матери таблетку. Подождал, когда пожилая женщина успокоится, и продолжил разговор:

— Просто интересно. А откуда отец узнал о ходах? Дед Рахматулла рассказал?

Зульфия поняла, что сын не отстанет, и утвердительно кивнула.

Когда-то Сабанаевы жили в селе Тахтымышево, разводили лошадей, подрабатывали извозом у томских купцов. Богатства особого не нажили, но и с голоду не помирали. А в конце XIX века в их селе русский купец Максимов построил кошмовальный завод. Любители лошадей валять валенки не захотели и подались на заработки в соседнее село Кафтанчиково, где молодой энергичный татарин, из приезжих, Карим Хамитов организовал конезавод. Ему ещё и тридцати лет не было, а он уже был купцом второй гильдии, знал много разных языков и удачно женился на богатой невесте.

Хамитов разводил лошадей новой породы. Невысоких, выносливых, но быстроногих. Лучшие его ло-

шадки, запряжённые в сани, возили по триста пудов груза по зимнику. Такой товар в столице сибирского извоза не мог остаться незамеченным. Купец быстро сколотил состояние. Даже армия закупала лошадей у него. А в Русско-японскую войну лошади озолотили заводчика. Карим Хамитов вошёл в круг богатейших томских купцов. Построил роскошный дом в Татарской слободе. Стал меценатом, жертвовал большие деньги на строительство мечетей, школ. В народе его прозвали Карим-баем.

Вахит, отец Рахматуллы, работал конюхом на кафтачиковском конезаводе. Был на хорошем счету, и хозяин взял его сына в город.

Шестнадцатилетний Рахматулла поселился в богатой городской усадьбе, правда, в комнате для прислуги. Работал на конюшне, зато был всегда накормлен, одет и обут по-городскому. И главное — учился грамоте.

Карим-баю нравилось стремление парня к знаниям. Видимо, узнавал в нём себя в молодости. И сделал он юношу своим личным кучером. Хамитовскую тройку в Томске знали все. Ни у кого из купцов таких лошадей не было. Стать арабских иноходцев и красота орловских рысаков в них сочетались с огромной выносливостью и надёжностью сибирских лошадок. Летом и в межсезонье Рахматулла запрягал тройку в английскую коляску с усиленными рессорами, а зимой — в санную кибитку, на которой носились они с Карим-баем по губернскому городу и его окрестностям, как ветер в чистом поле.

После черносотенного погрома 1905 года Хамитов купил за бесценок две пострадавшие от пожара усадьбы под Юрточной горой, решил снести их и построить ещё одну — большую — конюшню в городе. Место уж больно удобное. Самый центр. Рядышком на горке с

одной стороны — Общественное собрание, а с другой — Управа Сибирской железной дороги. За ними — казначейство, казённая палата, губернское собрание, особняк губернатора, магазины и доходные дома томских богатеев на Почтамтской улице. Каждый аршин здешней земли дорого стоит. Потому решил Хамитов построить часть конюшни в склон оврага.

И как-то вечером его спешно вызвали на стройку.

— Беда, ваше степенство, ой, беда! — причитал подбежавший к коляске плотник. — Землекопы вход в какой-то тоннель отрыли.

— И что? — удивился странной реакции мастерового хозяин.

— А там... Все стены кирпичом выложены. Дорога такая ровная, что вы на своей коляске запросто проедете. Должно быть, самого государя-императора тайный путь. Сами поглядите.

Карим-бай уверенно направился к провалу. Саркастическая улыбка исчезла с лица, едва он заглянул внутрь.

Всё было, как описал плотник.

— Лампу, нет, лучше факелы принесите, — приказал он рабочим.

Передав Рахматулле один из факелов, конезаводчик спрыгнул в тоннель. Кучер последовал за ним.

Их не было добрых полчаса. Рабочие у провала стали уже беспокоиться: не случилось ли чего? Но скоро хозяин и кучер вынырнули из темноты.

— Вот что, братец, — вытирая пыль с сапог, сказал Карим-бай впечатлительному плотнику. — Позови-ка надёжных людей, и сколотите ворота на эту дыру. За ночь управитесь?

— Чего ж не управиться? Коли заплатят, — к плотнику вернулось былое лукавство.

— Об этом не переживай. За ворота плачу сто рублей. И ещё по пять рублей каждому — за молчание. И чтобы рты на замке держали! — Хамитов пригрозил строго, что ослушаться его ни у кого желания не возникло.

Так, Карим Хамитов и его верный кучер Рахматулла узнали старинную тайну. В Томске в ту пору жили и другие люди, которые по долгу службы были посвящены в устройство подземных коммуникаций: инженеры, высокопоставленные чиновники и жандармы, но пользовался этим потайным тоннелем один Карим-бай.

На реке — ледоход. Тяжеленные льдины, громадная, наползают одна на другую. Томь ревёт и стонет, освобождаясь от зимних оков. А Карим-бай с юным кучером на летней коляске вдруг появляются на конезаводе в Кафтанчикове. Хотя всего час назад десятки людей видели Хамитова в Общественном собрании. Словно у его лошадей выросли крылья, и они перелетели через реку с ревущими льдами.

— Ты хочешь сказать, что мой дед носился на тройке по тоннелю под Томью? — воскликнул удивлённый Наиль.

Мать осеклась на полуслове, коря себя за язык.

— Ты же хотел узнать, что рассказывал мне твой отец, — обиженно произнесла пожилая женщина и надула щёки.

— Пожалуйста, ана, извини. Уж слишком фантастичным кажется твой рассказ.

— Успокойся, улым. Этого тоннеля давно уже нет. Река затопила его, а на суше все входы замурованы. Тебе туда не попасть.

— Тогда это всё — сказки, — махнул рукой сын, но, испугавшись, что мать снова обидится, поправился. — Городская легенда.

Зульфия надула щёки.

— Конечно, сказка! Только почему-то Карим-бай всё своё состояние завещал городу на постройку моста через Томь в Лагерном саду. Через пятьдесят лет после его смерти. Он умер в девятнадцатом, а в шестьдесят девятом начали строить Коммунальный мост.

С возрастом думающему человеку проще понять прошлое. Достаточно от даты своего рождения отложить назад величину прожитых лет и примерить на себя, как бы ты сам действовал в дедовские и прадедовские времена. Эмпирический опыт подобного бытия уже имеется, а дальше всё только от фантазии зависит.

Наиль родился в 1946-м. В пятьдесят лет он легко переживал жизнь деда Рахматуллы, а в семьдесят — и судьба прадеда Вахита перестала восприниматься им, как белое пятно.

Стремительные перемены постиндустриального настоящего затмевали промышленную модернизацию Российской империи. На его веку запустили искусственный спутник Земли, человек полетел в космос, появились телевизоры, компьютеры, Интернет, гаджеты. По сравнению с этим железная дорога, электричество и водопровод — просто детские игрушки. Прожитые им семь десятилетий и столько же лет, отложенных назад, вмещали практически всю историю современной цивилизации.

— Гибрид газонокосилки, пылесоса и миноискателя. И как эта штуковина работает?

Наиль Виленович вертел в руках выписанную младшим сыном по Интернету очередную техническую диковину.

Артур снисходительно с видом знатока стал объяснять пенсионеру устройство георадара. Ему часто приходилось преодолевать дремучее техническое невежество старшего поколения. Мать, хоть и гораздо моложе отца, но от прогресса дистанцировалась, довольствовалась кнопчным сотовым телефоном и занималась по дому традиционными женскими делами. Но только — не атай. Он следил за всеми компьютерными новинками, делавшими жизнь людей интереснее и содержательнее. Стоило одному Артуровскому другу из диггеровского сообщества обмолвиться о возможностях георадара для определения подземных пустот, так отец сына буквально запилил: когда найдёшь? Артур думал, что заоблачная цена на прибор отпугнёт престарелого фаната подземелий, но ошибся. Наиль Виленович на следующее же утро сходил в банк и перевёл со своего сберегательного счета на карту сына кругленькую сумму.

— Я сэкономил по максимуму, — отчитался Артур. — Заказал среднечастотный радар. На глубине до десяти метров даже в тяжёлом грунте он высветит все подвалы, подземные выработки и захоронения. Блок регистрации покупать не стал, только программное обеспечение. Закачаю его на свой ноутбук. Там памяти много. А закончив работу, мы продадим передающую и принимающую антенны и блок управления телекоммуникационной компании. Они используют такое оборудование для определения кабельных порывов.

— Бизнесмен!

Артур не понял: то ли похвалил его отец, то ли осудил, но продолжил объяснять устройство прибора.

— В зондируемую среду излучается электромагнитный импульс, а отражённый сигнал от неоднородных объектов регистрируется и обрабатывается на компьютере. С таким радаром даже клады можно искать.

— Озолотимся, — проворчал старик.

Наиль старался держаться бодрячком, но годы брали своё. Сильно болели суставы, особенно при смене погоды. Совсем пропал сон. Он мог пролежать в постели до рассвета, ни минуты не вздремнув. Разные мысли лезли в старую голову. Он всё чаще вспоминал об отце, о Гульнаре, а думы о сыновьях не отпускали вообще.

В характере Артура, в отличие от старших братьев, стержня не было. Видимо, сказалось женское воспитание. Мать с бабкой в «младшеньком» души не чаяли. Вот и зализали. Хороший, добрый, но не мужик. Педагогикой Наиль никогда не заморачивался. Но, глядя на неприкаянность младшего сына, оценил воспитательские способности своей первой жены. Вроде бы, всё есть у молодого человека: ум, внешность, образование. Даже по стопам отца пошёл, стал геологом, но на работу по специальности так и не устроился и перебивался случайными заработками. В основном, перепродавал нефтяникам и газовикам компьютерные программы для определения залежей углеводородов, разработанных племянником Робертом, сыном Фарита.

Жизнь старшего сына тоже закладывала крутые виражи. В кризис 98-го бизнесмен потерял большие деньги и, осознав тщетность постоянной погони за золотым тельцом, поступил в аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию и стал преподавать в род-

ном университете. Какие-то остатки бизнеса тогда сохранил, однако следующий кризис добил их окончательно. Фарит Наильевич к тому времени был уже доктором наук. Но человеку, не привыкшему считать деньги, трудно прожить на одну зарплату, пусть даже профессорскую. Жена возглавляет филиал известной аудиторской фирмы, у сына — тоже мозги на месте, с первого курса на хоздоговорах зарабатывает.

Но угораздило профессора влюбиться в молоденькую аспирантку. И всё размеренное жите-бытие тут же полетело коту под хвост. Лидия Владимировна хоть и любила мужа, но измену простить не смогла.

— Любишь — уходи! — решительно заявила она и выставила к порогу чемодан.

В глубине души она надеялась, что старый кобель поблудит-поблудит да вернётся домой, поджавши хвост. Но Сабанаевы — не из той породы. Уходя, уходят навсегда.

Вместе с успешной защитой кандидатской диссертации двадцатипятилетняя аспирантка Светлана подарила своему сорокапятилетнему научному руководителю, к тому времени законному мужу, очаровательную дочурку — Аглаю.

Из-за развода Наиль Виленович сильно повздорил с сыном. Поэтому вопрос о переезде молодой семьи в фамильный особняк даже не ставился. Университет выделил преподавателям Сабанаевым комнату в мало-семейном общежитии площадью восемнадцать квадратных метров, где они втроём и обитали.

И всё же главной занозой в сердце отца оставался Мурат. Старейший мужчина в стотысячный раз спрашивал себя: всё ли он сделал тогда, в 92-м, чтобы не потерять сына. Но ответа так и не находил.

Каждый месяц он звонил в Гурзуф соседке по лестничной площадке дворничихе Айне и подолгу расспрашивал её о Мурате.

Наиль сильно обрадовался, узнав, что сын поступил в университет в Симферополе. Вот только выбранная им специальность отца смутила — «крымско-татарский и турецкий языки».

Бывшая тёща Роза скончалась за полчаса до миллениума. Отец позвонил в Крым, чтобы высказать соболезнования сыну, потерявшему бабушку. Мурат разговаривать не стал и бросил трубку.

На свадебный подарок для молодожёнов скидывалась вся томская родня, десять тысяч долларов собрали. Но в Симферополь полетел один Фарит. Больше никого Мурат не пригласил.

Наиль Виленович знал, что у него в Крыму растёт внук Арсен. Правда, никаких контактов с ним не имел.

Воссоединение Крыма с Россией совпало с разводом четы Мансуровых. Бывшая жена Мурата уехала в Стамбул и увезла сына с собой. Там вышла второй раз замуж за богатого турка.

Антон Павлович Чехов очень любил Гурзуф и не любил Томск. На берегу Чёрного моря он купил татарскую саклю с небольшой живописной бухтой, а Томск обозвал «свиньёй в ермолке».

«Томск — скучнейший город... и люди здесь прескучнейшие... Город нетрезвый, красивых женщин совсем нет, бесправие азиатское...», — писал он о будущих Сибирских Афинах. Через сто с лишним лет томичи ответили литературному классику с юмором, установив на набережной Томи карикатурный памятник под названием «Антон Павлович Чехов глазами

пьяного мужика, лежащего в канаве и не читавшего „Каштанку“».

В бухту Чехова Артур влюбился с первого взгляда. Фариту, впервые привёзшему младшего брата в Крым, дикие, причудливые скалы тоже нравились больше обустроенных пляжей с лежаками и зонтами от солнца, с утра до ночи забитыми обгоревшими отдыхающими. И каждое утро в восемь часов, как на работу, братья отправлялись на дачу Чехова.

Пожилая дворничиха сметала с тротуара уже начавшие опадать засохшие листья.

— Ой, Фарочка! — отбросив метлу, всплеснула она руками и стала обнимать толстяка. — А я-то сперва и не признала тебя. Думала, кому это Мурат сдал родительскую квартиру. Он же здесь редко бывает. В Бахчисарае в основном живёт. Как же ты возмужал! А это, должно быть, сынок твой? Похож.

— Нет, тётя Айна, это мой младший брат Артур. Познакомьтесь, пожалуйста.

Бабка опешила и, опустив на нос очки, стала бесцеремонно рассматривать молодого человека.

— И точно — вылитый Наиль Виленович в молодости. А у тебя самого дети-то есть?

— Есть, тётя Айна. Тоже сын. Ровесник этого молодого дядьки. Он — программист, в Эмиратах живёт.

— Батюшки свет! По всему миру люди разъехались. А я вот со своим стариком, видать, в Гурзуфе век доживать буду. Только он у меня, Фарочка, совсем из ума выжил. Как Крым к России снова присоединился, вообще мне ни копейки со своей пенсии не даёт. Твоя власть пришла, ты теперь за квартиру и плати. Вырядится в бендеровскую форму, напьётся горилки и давай горланить «Ще не вмерла Украина». А из меня-то — какая русская? Мои ж родители —

сосланные в Сибирь финны. Хоть назад к дочке в Барнаул езжай!

— А где же фонтан? — выразила недовольство дородная дама в соломенной шляпе.

Симпатыга-экскурсовод с задумчивым и печальным взором средневекового арабского поэта рассеяно посмотрел на экскурсантку, потом на бронзовый бюст Пушкина и показал на резную мраморную панель на стене:

— Знаменитый Бахчисарайский фонтан перед вами.

Толпа удивлённых туристов отпрянула от стены, а экскурсовод продолжил:

— Его ещё называют фонтаном слёз. Потеряв возлюбленную, убитый горем хан Гирей пожелал, чтобы сам камень заплакал, как плачет сердце мужчины. Верхняя чаша символизирует сердце. Из неё капля за каплей стекают «слёзы» в две чаши поменьше. Постепенно они наполняются, и горе снова переливается через края в нижнюю чашу-сердце. И так три раза.

— А розы сверху? Что означают они? — спросила одна из экскурсанток.

Гид по ханскому дворцу ответил стихами:

«Фонтан любви, фонтан живой!

Принёс я в дар тебе две розы.

Люблю немолчный говор твой

И поэтические слёзы».

А потом добавил прозой:

— Это дань памяти поэту, воспевшему в веках любовь. Сотрудники музея каждое утро кладут в верхнюю чашу «Фонтана слёз» свежие розы: алую и белую.

После экскурсии братья пообедали в кафе татарской кухни для туристов. Артур заказал пять больших

чебуреков и уминал их за обе щеки, не обращая внимания на текущий по подбородку мясной сок вперемешку с маслом.

Мурат тем временем незаметно рассматривал сводного брата. В его облике иногда проскальзывало что-то близкое и родное, но сама манера поведения, пренебрежения к этикету не вписывались в кодекс поведения крымских мурз. После продолжительной горной прогулки к монастырю и средневековой крепости, да ещё часовой экскурсии по ханскому дворцу, Фарит тоже изрядно проголодался и выбрал в меню седло барашка, но ел медленно, с достоинством, умело орудуя ножом и вилкой. Себе же Мурат заказал лишь кофе и сладости. В горы он не ходил, а экскурсии по Бахчисарайскому дворцу давно стали для него просто работой.

— Твоя экскурсия — настоящее шоу, — похвалил Мурата профессор истории. — Блестящая эрудиция, вкрадчивый голос. На женщин производит убойное впечатление. От курортниц, поди, отбоя нет?

Экскурсовод замял тему и спросил сводного брата, по возрасту годившегося ему в сыновья:

— И как Чуфут-Кале*? Понравилось?

— Великолепно, — обливаясь чебуречным соком, ответил Артур. — Крепость — просто отпад!

— Её начали строить ещё византийцы в V веке. А в мавзолее дочери золотоордынского хана Тохтамыша были?

— Угу, — пробормотал Артур и спросил у профессора истории: — А это тот самый Тохтамыш, что в прадедовом родовом селе похоронен?

— В каком селе? — переспросил бахчисарайский экскурсовод.

— Да, в Тахтамышево, откуда Сабанаевы родом, — между делом пояснил Фарит. — Оно — гораздо старше

Томска. И раньше называлось Кызыл-Каш*. А когда на тамошнем кладбище похоронили Тохтамыша, его и переименовали.

Мурат недоверчиво покрутил головой.

— То есть ты хочешь сказать, что великий хан Золотой Орды, соперник Тамерлана покоится под Томском?

— А что тут удивительного? Эуштинцы — очень древний народ. Когда-то их земли тоже были частью Золотой Орды.

— А мне пещерный монастырь* понравился больше, — безапелляционно заявил закончивший с чебуреками младший брат. — Там такая экзотика! Вместо крыш на монашеских кельях — огромные каменные глыбы.

Крымчак отвернулся и стал демонстративно рассматривать розы на клумбе. Какие же они дикари, эти сибиряки. Истинные ценности не замечают, а на чужую показуху ведутся!

Фарит увидел недовольство родного брата и примирительно сказал:

— Брось дуться, Мурат. Я, конечно, понимаю: северные варвары разрушили Крымское ханство. Но ведь столько времени прошло!

Мансуров холодно ответил:

— А я ничего не хочу забывать, брат. Погибла целая цивилизация, уникальный симбиоз культур — древних греков, гуннов, Византии, Золотой Орды и Османской империи. Такого никогда нигде больше не было, и не будет.

Профессор Сабанаев философски заметил:

— Жизнь продолжается, брат! Цивилизации не исчезают бесследно, они дают жизнь новым. Тот же Пушкин, например. Это — явление не только российской, а мировой культуры.

— Если бы Девлет Герей в шестнадцатом веке не спасовал перед Иваном Грозным и захватил московский Кремль, как это сделал хан Тохтамыш, то Пушкин, скорее всего, писал бы по-татарски!

Доктор исторических наук не сдержал улыбки и, пригубив ароматный кофе, сказал:

— А может его и вовсе бы не было? Туркмены-сельджуки, захватившие Константинополь, променяли свою энергетику на комфортный быт, а идеология и вера — дух Восточной Римской империи — отошли к Москве. Крымские татары переняли турецкую роскошь, а боевой настрой монгольской орды оставили снова русским вместе с кличем «Ура!». История не знает сослагательного наклонения. На этой земле — от Дуная до Енисея — всегда жили два больших народа. Скифы и саки, сарматы и гунны, русские и татары. И в единстве они достигали такого могущества и процветания, что им завидовал весь мир.

Зимой Артур уговорил отца пойти на лекцию одного чудаковатого профессора в пединститут. Лысый, с бородкой-клинышком, он с фанатизмом убеждал аудиторию, что подземные ходы — это часть древнего города, существовавшего тысячелетия назад на месте современного Томска.

— На старинных картах чуть выше места слияния двух полноводных рек помечен город с романтическим названием — Грустина. Град у устья. Явно славянского происхождения.

Сабанаевы скептически переглянулись.

— Разве не тюрки испокон веков населяли Сибирь? — тихо спросил сын.

Отец почесал седой затылок.

— Видимо, какое-то славянское поселение. Может, новгородцы ходили за Урал ещё до Чингис-хана. В Золотой Орде, думаю, люди тоже мигрировали из одного места в другое.

Но дальше экзальтированного лектора просто понесло. Разрозненные фрагменты из разных эпох он смешивал в одну кучу. Обнаружив где-то грунт с примесями извести и кирпичной крошки, сделал скоропалительный вывод, что холмистый рельеф города имеет рукотворное происхождение. Его Грустина сразу разрослась до размеров Рима, а по возрасту даже оставила «вечный город» далеко позади. Ведь её основали ещё гиперборейцы, представители исчезнувшей арктической цивилизации многие тысячи лет назад. С наступлением Ледникового периода местные жители ушли под землю, обустроив там целый город.

— Грустинцы были, безусловно, развитым народом, имели собственную письменность. Европеиды по внешности, они славились своим здоровьем и крепостью тела, как истинные сибиряки.

Дальше — больше. Несметные сокровища, древние книги в хорошо вентилируемых катакомбах.

Но чем нелепее были его идеи, тем сильнее они заводили публику. Представительница одной туристической фирмы даже предложила профинансировать издание романа о подземном городе. Сюжет, правда, банальный: современный человек через временной провал попадает в древнюю Грустину и там находит свою любовь.

Выйдя из аудитории, Наиль Виленович долго ругался. Выражения «бред сивой кобылы», «палата № 6», «психиатрическая клиника» были самыми цензурными. Но потом призадумался и сказал:

— Хотя... У каждого — своя Грустина. Но эта — всё равно чересчур.

За ужином разговор снова зашёл о древнем городе. Отец отошел от эмоций и окончательно определился во мнении.

— Улым, а ты мультфильм «Зима в Простоквашино» смотрел?

— Классный мульттик! Он у меня на компе закачан. Часто просматриваю. А что?

— А ты помнишь, как дядя Фёдор с отцом-академиком под Новый год приехали в Простоквашино к Шарику с Матроскиным?

— Что-то припоминаю. Отец дяди Фёдора ещё маску Деда Мороза на себя надел и спросил: «Угадайте, кто я?».

— Вот-вот! — обрадовался пенсионер. — А почтальон Печкин ему и говорит: «Иван Фёдорович Крузенштерн. Человек и пароход!»

— А папаша ему отвечает: «Ну вы уж совсем», — радостно подхватил Артур.

И отец с сыном дружно расхохотались.

— Так и этот профессор со своей Грустиной сильно палку перегнул, — откашлявшись, сказал Наиль Виленович.

А сын заметил:

— А я бы не отказался хотя бы одним глазком взглянуть на этих грустинцев. Интересно, какими они всё-таки были?

Поглощавшая шурпу абика внезапно встрепенулась.

— То же мне — невидаль?! Да смотри, сколько в тебя влезет! Атая родного, что ли, никогда не видел? Чистокровный грустинец!

Сын и внук недоумевающе переглянулись, а старая Зульфия снова принялась за еду.

— Груштина — эуштина, груштина — эуштина, — приговаривала она, шамкая беззубым ртом.

Доморощенным исследователям срочно потребовалась консультация специалиста. Но отец со старшим сыном-историком не разговаривал, как Матроскин с Шариком, и на встречу с Фаритом отправился Артур.

Профессор принимал на кафедре долги у студентов. Младший брат, ещё не вышедший из студенческого возраста, ничем не отличался от будущих историков и, не привлекая к себе излишнего внимания, дождался в аудитории, когда уйдёт последний двоечник.

— Как здоровье атая? — поинтересовался Фарит.

— Как перпетуум мобиле*. Никому расслабиться не даёт.

Братья рассмеялись, и Артур поведал, зачем пришёл: про Грустину и подземные ходы распросить.

Фарит Наильевич усмехнулся.

— Вам точно делать нечего, Индианы Джонсы*.

Разговор предстоял обстоятельный, и профессор предложил переместиться в кофейню.

По его научному мнению, древний город Грустина и подземелья Томска — совсем разные темы и принадлежат к различным эпохам.

На картах мира Ортелия и Меркатора XVI века, выполненных в мелком масштабе, действительно с координатами Томска обозначен город Грустина. Значит, это был достаточно крупный по меркам того времени город. При основании Томского острога в 1604 году московскому царю присягнули всего триста

местных татар — эуштинцев. Маловато для города мирового значения.

Выходит, Грустина была кем-то разрушена, а её население уничтожено или рассеяно за несколько десятилетий до похода в Сибирь Ермака. Но кто это мог сделать? В междоусобных войнах в Сибирском ханстве такой геноцид вряд ли был возможен.

Некоторые историки считают, что Грустину разрушил Тамерлан в войне с Тохтамышем. Но эти события происходили в конце XIV века, и даже для европейцев, бывавших в Сибири тогда очень редко, ошибиться на двести лет — чересчур. А вот поход в Западную Сибирь шейхов из Бухары для обращения в ислам местных инородцев вполне мог состояться в XVI веке.

Тоянов городок и татарские сёла рядом с Томском — остатки древней Грустины, которая просуществовала приблизительно семь-восемь веков. Торговую факторию на перекрёстке сибирских рек Томи и Оби, видимо, ещё в первом тысячелетии нашей эры создали совместно среднеазиатские и новгородские купцы как перевалочную базу для обмена пушнины на экзотические южные товары. Хотан — крупный торговый город в Центральной Азии — ещё называли Гаустана. Это название вполне могло со временем превратиться в Гаустину. Буква «Г» в языках восточных тюрков исчезла, и местные жители стали называть себя эуштинцами. Но славянские корни имеются. Тот же Меркатор на карте рядом расположил город Серпонов, саму провинцию назвал Лукоморьем, а внизу под Грустиной сделал приписку: «холодный город, в котором татары и русичи проживают совместно». Наверное потому среди эуштинских татар и сегодня встречаются светловолосые и голубоглазые люди.

Братья посмотрели друг другу в глаза. У Фарита, как у деда Акрама Мансурова, — глаза карие, а у Артура — темнее, почти чёрные, росомашьи глаза Фирузы. Голубых грустинских глаз ни один из сыновей от отца не унаследовал.

— А подземелья типичны для всех старинных сибирских городов. В Иркутске и Тобольске о них сложено не меньше легенд. Это уже — купеческое наследие, — расплатившись за кофе, сказал профессор на прощание.

Мебель для кабинета изготавливали на фабрике по индивидуальному заказу. Дизайн Фарит подсмотрел в профессорском читальном зале университетской библиотеки. Высокие, до потолка книжные шкафы со стеклянными дверцами, массивный письменный стол, обтянутые натуральной кожей кресла и диваны. А в качестве материала тогда ещё преуспевающий бизнесмен выбрал ольху. Его пленил тёплый золотистый с едва уловимым красным оттенком цвет, и необычный узор древесины с сердцевинными лучами.

Теперь лишь книжные шкафы да сверкающие из них позолотой корешки фолиантов свидетельствовали о благородном убранстве, вся остальная фешенебельность была завалена различными чертежами и схемами, как в проектно бюро во время аврала.

Наиль Виленович в роговых очках и махровом халате восседал за безразмерным столом за ворохом бумаг, как признанный литературный мэтр при написании бестселлера. А младший сын служил у него кем-то на вроде секретаря.

— Сколько ты насчитал ходов под Воскресенской горой? — спросил отец.

— Только старых, почти заваленных, — тринадцать. Плюс один целый, обложенный кирпичом, от здания областного суда, — как студент на экзамене, ответил Артур.

Старик аккуратно сложил стопку чертежей в пластиковый конверт, закрыл его на защёлку и вынес вердикт:

— С острогом, в целом, разобрались. Потайные ходы из крепости — норма средневековья. Как сейчас, запасные и аварийные выходы.

— Вторую группу подземелий тоже можно отнести к убогаловкам, — высказал своё мнение молодой помощник. — Из монастырей, домов богатых золотопромышленников. Но как объяснить капитальные коммуникации вдоль центрального проспекта? Длина томского метро — почти четыре километра, а ширина — три метра. Зачем купцам входить в такие траты? Они ведь деньги считать умели, иначе бы не разбогатели.

— Правильно говоришь, — похвалил отец. — Только не всегда люди совершают логичные поступки. Иной раз такое могут выкинуть! Будем искать богатых сумасбродов!

Философ — не только род занятий или образ мышления, это ещё и имя, в переводе с греческого означающее «любомудр». Родители назвали его так. Философом, а по батюшке — Александровичем. Правда, фамилия подкачала. Хоть и дворянская, но не сильно звучная — Горохов.

Выросший в крайней нужде, юноша образования толком не получил, но сословная принадлежность позволила ему поступить на государеву службу. Вначале — коллежский регистратор в таёжном Енисейске, потом — окружной начальник в Канске, к

тридцати семи годам он дослужился до губернского прокурора Томска. Удачная женитьба на дочери богатого золотопромышленника и связи в сибирском чиновничестве после ухода в отставку позволили ему быстро разбогатеть. Встав во главе компании тестя, Философ Горохов привлёк дополнительный капитал и стал добывать по тонне золота в год. Для середины XIX века — фантастический объём!

Никто и никогда в Томске так богато и с блеском не жил, как он. Центральную улицу губернского города назвали Миллионной потому, что на ней поселился «томский герцог», миллионер Горохов. В праздники местные богатеи первый визит наносили ему, и только потом ехали поздравлять губернатора. И губернатор сам приезжал к Горохову, а не Горохов — к нему.

Роскошный дом окружал волшебный сад. Гости катались на лодках по пруду, гуляли по песочным дорожкам акациевых аллей, через мост со статуями крылатых коней, отдыхали в увитых цветами беседках, слушали музыкантов на прозрачной эстраде, нависавшей над прудом, любовались диковинными орхидеями и пробовали в оранжереях созревавший инжир и виноград. А уж за столом шампанское лилось рекой в саженные бокалы, стоявшие на полу возле стульев. Экзотические кушанья подавали на фарфоровых тарелках с видами гороховского сада, изготовленных на собственном заводе миллионщика.

Хотя, по правде говоря, никакого фарфорового завода под Томском никогда и в помине не было. Это был очередной блеф хозяина усадьбы, как и картонные муляжи книг в библиотеке.

Философ Горохов умел пустить пыль публице в глаза, произвести впечатление. Кредиторы охотно да-

вали ему в долг любые деньги. Ведь он платил высокие проценты.

Но в один прекрасный момент компания Горохова неожиданно разорилась, долгов по неоплаченным векселям богатейшего золотопромышленника Сибири осталось на целых два миллиона рублей.

Улицу Миллионную переименовали в Почтамтскую. Дом за долги забрало Томское общественное собрание. А сам Философ Александрович, измученный подагрой, вскоре тихо скончался в маленькой сторожке на краю своей некогда величественной усадьбы.

На исходе девятнадцатого столетия деревянный купеческий дом сгорел, и на его месте новые хозяева жизни возвели каменное здание Общественного собрания.

— А здесь, по рассказу абики, Карим-бай обнаружил вход в тоннель под Томью, — высказал догадку Наиль Виленович.

Обескураженный сын встряхнул головой.

— Ата, ты и впрямь думаешь, что это Горохов вырыл томское метро?

— Я не верю, что, добывая по тонне золота в год, он мог разориться на одних обедах. Видать, вкладывал деньги в какой-то грандиозный тайный проект. Почему бы не преподнести властям сюрприз, соединив Московский и Сибирский тракты тоннелем под рекой? Вполне, в его духе. Горохову не составляло труда перебросить с золотых приисков несколько бригад землекопов в губернский город и хорошо им заплатить, чтобы помалкивали. Но губернатор почему-то не оценил государственное значение проекта, потребовав вернуть презренный металл кредиторам. И сдулся томский герцог!

Артур оценил отцовскую догадку, но меркантильное сознание современного молодого человека, выросшего при рыночной экономике, отказывалось её принимать.

— Зачем, скажи, рыть многокилометровый тоннель до Лагерного сада, когда через Татарскую слободу до реки рукой подать? Неувязочка!

Отец азартно потёр ладони.

— Я тоже долго не мог понять. Пока не прочитал статью твоего брата о первых томских сталеварах. Сразу после основания острога рудознатец Фёдор Еремеев нашёл на берегу Томи в районе нынешнего Лагерного сада выход железной руды на поверхность. Пробная плавка показала высокое качество томского железа. Оно ни в чём не уступало шведскому. Из него отливали пищали и ядра для казачьей крепости на Воскресенской горе. Но береговые залежи руды быстро истощились, рудный пласт уходил под реку. Вскоре Демидовы открыли богатые месторождения железа на Урале, и о томском руднике в Москве забыли. Но для местных нужд железо понемногу продолжали плавить. Горохов от кого-то узнал про заброшенную шахту и доделал начатую первыми рудознателями работу.

К такому умозаключению пришёл разработчик нефтяных выходов, изучая под старость лет подземелья родного города. Ещё он понял, что обустройство «томского метро» закончили в начале XX века сибирские капиталисты. Застройка центральной улицы многоэтажными каменными зданиями Общественного собрания, Управления Сибирской железной дороги, Императорского Университета и Технологического института потребовала укрепления склона оврага, ведущего к реке, капитальной дренажной штольней.

Кроме отвода подземных и внешних вод она в случае чрезвычайных ситуаций могла стать и путём для эвакуации богатых граждан. После черносотенного погрома во время революции 1905 года в городе скрытно обустроили ещё несколько «мелиоративных» шахт, поменьше. На такую «дренажную систему» местные богатеи денег не жалели.

Наиль Виленович положил в ящик письменного стола последнюю папку и закрыл его на ключ.

— Поздравляю с окончанием расследования, улым! Больше в этом мире тайн для меня не осталось.

Фируза обычно не входила в кабинет без стука. Если мужчины закрылись, им мешать не надо. Но тут резко распахнула дверь и вбежала в святую мужскую обитель в застиранном халате. Лицо белое, как мел, а глаза испуганные, большие и страшные.

— Там... там... там... — она жадно хватала воздух ртом, но не могла произнести главного. — Там Фарит...

— Что с ним? — прошептал отец и ухватился за грудь.

Реакция мужа заставила Фирузу успокоиться и взять себя в руки.

— Фарит... пришёл.

Наиль Виленович обмяк и обессиленный опустился в кресло:

— Хвала Всевышнему! Что же ты меня так пугаешь, карчык*? Ну, зови-зови блудного сына. Вспомнил-таки атая, вернулся.

Вид Фарита не сулил положительных эмоций, и у старика снова заняло сердце.

— Зачем пожаловал? — сухо спросил он.

— У Мурата несчастье. Арсен тяжело ранен. Ему оторвало обе ноги, он в критическом состоянии.

Фируза быстро сунула таблетку валидола в рот мужу под язык.

— Как это случилось? — еле слышно прошептал Наиль.

— Попал под бомбёжку в Сирии.

— А что он там делал?

Фарит собрался духом и резко ответил:

— Воевал в ИГИЛ.

Отец откинул голову на спинку кресла. Не хватало воздуха. Жена растегнула ему ворот рубашки.

— Аллах Всемогущий, зачем тебе мой внук? В сурах Корана ничего не сказано, чтобы дети умирали за веру. Бог — это любовь, а любовь — это жизнь. Не — смерть, а жизнь! Понимаешь, жизнь!

Во рту пересохло, и он выпил воды.

— Даже учение пророка переврали! Где сейчас Арсен?

— В госпитале, в Стамбуле. Мурат у него.

Наиль Виленович покачал головой и сказал старшему сыну:

— Набери мне Мурата.

Фарит вытащил из кармана пиджака смартфон, ткнул несколько раз по дисплею и, услышав длинные гудки, передал гаджет отцу.

— Здравствуй, улым! Четверть века не говорили, — стариковский голос дрожал так сильно, что казалось, стеклянные дверцы в книжных шкафах позвякивали вместе с ним. — Мне очень жаль...

Дальше он только слушал. Отповедь Мурата была такой гневной, что телефон сжигал слушателю всю ушную раковину. Рука отца опускалась всё ниже и ниже, пока совсем не легла на столешницу. Речь из Стамбула слышали все в кабинете: Фарит, Артур, Фируза и, естественно, Наиль.

— Это ваш русский лётчик сбросил бомбу на моего мальчика. Твоя проклятая империя никак не угомонится. Сколько ещё потребуется человеческих жизней, чтобы насытить ваш кровавый голод?! Будьте вы прокляты!

Телефон замолчал. В кабинете повисла гробовая тишина. Все замерли и даже боялись глубоко вздохнуть.

— Он тоже болен, — тихо сказал отец. — Не знаю, есть ли лекарство от этой болезни?

Наиль проснулся среди ночи. За окном моросил весенний дождь, добивая остатки сугробов. Тихо, чтобы никого не разбудить, он вышел из спальни. В прихожей натянул резиновые сапоги, набросил брезентовую ветровку с капюшоном, привезённую ещё с нефтяного севера, и вышел в ночь.

На улице было безлюдно. Светофоры мигали жёлтыми сигналами. Редкие машины проносились мимо, поднимая из луж фонтаны брызг.

Ноги сами понесли его по Московскому тракту в сторону Коммунального моста. Шлепая сапогами по придорожной грязи, он смотрел на спящий родной город по-новому, словно видел его впервые. У закрытого Дома офицеров в заброшенной сторожке доживал свои дни томский герцог Философ Горохов. По подземному тоннелю на удалой тройке с гиканьем и свистом проносились Карим-бай с его дедом Рахматуллой. На берегу Томи рыли шахту первые рудознатцы Фёдора Еремеева. Эуштинский князь Тоян собирал подарки в Москву для Бориса Годунова, чтобы русский царь принял его народ под свою опеку. Монгольские всадники снимали дань с местных жителей, а сильных юношей забирали в войско. Гунны

купали в Томи своих коней, а скифы промывали золотой песок на перекатах. Древние грустинцы от холода переселялись под землю.

А Наиль Сабанаев всё шёл и шёл. Уже далеко позади остался мост и Тоянов городок. Миновав Грустину, старик сошёл с шоссе в сосновый бор. Высокие и прямые корабельные сосны росли друг от дружки на почтительном расстоянии, поэтому по лесу он передвигался свободно, не спотыкаясь о буреломы и не застревая в зарослях кустарника.

Тучи на пасмурном небе расступились, и засияли звезды. А потом небо начало сереть, окрасилось багрянцем, и лениво вошло большое оранжевое солнце.

Птицы щебетали на ветках. А он всё шёл, не замедляя ходу, куда глаза глядят. Иногда ему попадались садоводческие товарищества и деревни. Но на дачах людей ещё не было, а деревни он обходил стороной. Воду пил из ручьёв. Голода совсем не испытывал. Видимо, в юности наелся досыта, а месторождений нефти рядом с Томском не было.

Ночевал под открытым небом. Наламывал пихтовых или еловых веток и устраивал из них постель. Перед сном долго смотрел на звёзды.

На четвёртые сутки его похода Западную Сибирь накрыл обильный циклон. Сильно похолодало, выпал снег. Утром старик просто не проснулся.

Его тело нашли только через неделю заготовители берёзового сока и сообщили в полицию. В кармане ветровки лежало пенсионное удостоверение, с установлением личности покойного проблем не возникло.

Вместо эпилога

Арсену стало лучше. Врачи сказали, что угрозы его жизни больше нет, а стамбульский отчим заказал в Германии для него протезы, не хуже, чем у Оскара Писториуса*. Мурат немного успокоился и остался в Томске ещё на неделю, на вторые поминки. Возможно, он рассчитывал на какое-то наследство, но абика огласила отцово завещание, а от себя ещё добавила: Фарит дом построил, пусть в нём и живёт с семьёй. А они с Фирузой как-нибудь уживутся в старом доме. Артур же переедет в малосемейное общежитие в комнату старшего брата.

В память об отце, его последнем проекте, Артур организовал для братьев экскурсию по томским подземельям. Он уговорил свою знакомую предпринимательницу арендовать на месяц склад в подвале центрального хозяйственного магазина, откуда по его расчётам должен был начинаться один из подземных ходов. И не ошибся. За старой железной дверью, которую он открыл при помощи отмычки, действительно начинался обложенный обкрошившимся красным кирпичом лаз. Артур вначале обследовал подземелье в одиночку и, придя к выводу, что прогулка по нему не сулит больших опасностей, позвал братьев.

Освещая дорогу мощными фонарями, в одну сторону они прогулялись под землёй посуху, как по проспекту. Все выходы наверх были тщательно замурованы. Старших братьев увиденное столь впечатлило,

что они настояли обследовать и противоположное направление — в сторону острога.

Напрасно Артур пытался их отговорить, мол, опасно там, но томский историк и бахчисарайский экскурсовод в один голос заявили: «Идём!»

Эта часть тоннеля была подтоплена внешними водами. Сказывались весна и близость речки Ушайки. Высокие рыбацкие сапоги хоть и не пропускали воду, но от холода не спасали. Наконец они миновали подтопленные участки и стали подниматься вверх.

Внезапно каменный тоннель упёрся в ещё одну изъеденную ржавчиной дверь.

— Дальше не пойдём, — твёрдо заявил проводник. — Там подпорки деревянные, могли прогнить. Обрушатся, как дважды два.

— Давай хоть одним глазком глянем на ваше средневековье! — попросил Мурат.

Артур достал из кармана маленькие хромированные кусачки и одним нажимом перекусил душку ржавого навесного замка. Со скрипом дверь поддалась, и резкий запах фекалий ударил братьям в нос.

— Так это же дерьмо! — разочарованно вскрикнул крымчак, зажимая пальцами ноздри.

Артур быстро захлопнул дверь.

— На схеме никакой канализации нет, — виновато извинился он.

Пришлось братьям поворачивать назад. Вонь становилась непереносимой.

Построить дом на Воскресенской горе, рядом с памятным камнем в честь основания города, преуспевающему разработчику веб-сайтов, обошлось в кругленькую сумму. Электроэнергию, воду и тепло он провёл, а вот с канализацией — проблема. Частный

выгреб. А у него и бассейн, и сауна, и ванны с джакузи. На одних ассенизаторах разоришься! Неожиданно на краю участка, у самого склона, обвалился грунт. Вначале пытались заделать провал. С десяток грузовиков земли высыпали, а расщелина какой была, такой и осталась. Вот и вывели туда канализацию. Зачем добру без дела пропадать?

Ноябрь 2017 – апрель 2018 года

ПРИМЕЧАНИЯ

Ж повести «Последний приют императора»

Стр. 15. *Граф Пален* — Пётр Алексеевич Пален (Петер Людвиг фон дер Пален) (1745–1826) — генерал от кавалерии (1798), один из приближённых Павла I, возглавивший заговор против него. В 1798–1801 гг. петербургский военный губернатор.

Стр. 17. *Генерал Беннигсен* — Леонтий Леонтьевич Бённигсен (Левин Август Готлиб Теофиль фон Беннигсен (1745–1826) — генерал от кавалерии на русской службе, командующий русской армией в 1807 году.

Стр. 21. *Трубецкой* — князь Сергей Петрович Трубецкой (1790–1860) — участник Отечественной войны 1812 года, полковник гвардии, несостоявшийся «диктатор» декабристов.

Каховский, Пестель, Рылеев — нераскаявшиеся участники восстания декабристов.

Покушение 14 декабря — восстание декабристов на Сенатской площади 1825 года.

Стр. 22. *Граф Строганов* — Павел Александрович Строганов (1774–1817) — генерал-лейтенант, генерал-адъютант. Во время Французской революции — член якобинского клуба («гражданин Очер»). Член Негласного комитета. Герой войны с Наполеоном.

Князь Адам Чарторыйский — Адам Ежи Чарторыйский (1770–1861) — русский и польский государственный и политический деятель. В начале XIX века был близок к

российскому императору Александру I, входил в его «Негласный комитет», занимал пост министра иностранных дел Российской империи (1804–1806). Глава национального правительства Польши в дни Ноябрьского восстания 1830 года.

Стр. 23. *Кочубей, Новосильцев* — члены Негласного комитета.

Стр. 24. *Принцесса Сакс-Кобургская* — Анна Фёдоровна Романова (урождённая принцесса Юлианна-Генриетта-Ульрика Саксен-Кобург-Заальфельдская) (1781–1860) — великая княгиня, супруга цесаревича Константина Павловича до развода в 1820 году.

Мэтр Лагарп — Фредерик Сезар Лагарп (1754–1838) — швейцарский генерал и государственный деятель, в русской истории известен как учитель Александра I и его брата Константина, прививший воспитанникам идеалы Французского Просвещения.

Стр. 25. *Фридрих-Вильгельм* — Фридрих Вильгельм III (1770–1840) — король Пруссии с 16 ноября 1797 г. Отец российской императрицы Александры Фёдоровны (Шарлотты Прусской), дед российского императора Александра II.

Стр. 36. *Бурбоны* — французская королевская династия.

Стр. 41. *Сперанский* — Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) — русский общественный и государственный деятель, реформатор, законодотворец. Выходец из низов, благодаря своим способностям и трудолюбию привлёк внимание императора Александра I и, заслужив его доверие, возглавил его реформаторскую деятельность. В 1816–1819 гг. — пензенский губернатор, в 1819–1821 гг. — сибирский генерал-губернатор. При Николае I руководил работой по кодификации законодательства, заложив основы теоретического правоведения (юридической науки) в России.

Стр. 42. *Аракчеев* — Алексей Андреевич Аракчеев (1769—1834) — русский государственный и военный деятель, пользовавшийся огромным доверием Павла I и Александра I, особенно во второй половине царствования Александра I («аракчеевщина»). Реформатор русской артиллерии, генерал от артиллерии (1807), военный министр (1808—1810), главный начальник Императорской канцелярии (с 1812) и военных поселений (с 1817). Граф.

Министр полиции Балашов — Александр Дмитриевич Балашов (1770—1837) — русский государственный деятель из рода Балашовых, первый министр полиции, одновременно санкт-петербургский военный губернатор, генерал от инфантерии.

Стр. 47. *Генерал Барклай-де-Толли* — Михаил Богданович (при рождении Михаэль Андреас Барклай-де-Толли) (1761—1818) — российский полководец, происходил из старинного шотландского рода. Его предки переселились в Ригу в XVII в. Военный министр, генерал-фельдмаршал, князь. Второй (после М.И. Кутузова) полный кавалер ордена Святого Георгия. С весны 1812 года командующий 1-й Западной армией. Фактически исполнял обязанности Главнокомандующего Русской армией в начале Отечественной войны 1812 года, от отъезда из армии Александра I до назначения М.И. Кутузова. В заграничном походе русской армии 1813—1814 годов командовал объединённой русско-прусской армией в составе сил союзников.

Стр. 49. *Генерал Фуль* — Карл Людвиг Август Фридрих фон Пфуль (1757—1826) — прусский генерал, позже принятый на русскую службу, барон. Известен по составленному им плану Отечественной войны 1812 года.

Дрисский лагерь — укреплённый лагерь, устроен перед началом Отечественной войны 1812 года на левом берегу в излучине Западной Двины, между местечком Дрисса (ныне Верхнедвинск).

Багратион — Пётр Иванович Багратион (грузинский князь Петре Иванесдзе Багратиони) (1765—1812) — русский генерал от инфантерии, шеф лейб-гвардии Егерского полка, главнокомандующий 2-й Западной армией в начале Отечественной войны 1812 года. В Бородинском сражении получил смертельное ранение.

Стр. 50. *Тормасов* — Александр Петрович Тормасов (1752—1819) — русский военачальник, генерал от кавалерии, граф. В Отечественную войну 1812 года командовал 3-й Западной армией на южном фланге.

Стр. 65. *Генерал Понятовский* — князь Юзеф Понятовский (1763—1813) — польский генерал, маршал Франции. Племянник последнего короля польского и великого князя литовского Станислава Августа Понятовского. Погиб в битве под Лейпцигом.

Стр. 69. *Князь Меттерних* — Клеменс Венцель Лотар фон Меттерних-Виннебург-Бейльштейн (1773—1859) — австрийский дипломат, министр иностранных дел Австро-Венгрии в 1809—1848 годах, главный организатор Венского конгресса 1815 года. Руководил политическим переустройством Европы после Наполеоновских войн. Известен своими крайне консервативными взглядами.

Талейран — Шарль Морис де Талейран-Перигор (1754—1838) — французский политик и дипломат, занимавший пост министра иностранных дел при трех режимах, начиная с Директории и кончая правительством Луи-Филиппа. Известный мастер политической интриги. Имя Талейран стало едва ли не нарицательным для обозначения хитрости, ловкости и беспринципности.

Стр. 86. *Баронесса де Крюденер* — Варвара Юлия фон Крюденер, урожденная Фитингоф (1764—1824) — франкоязычная писательница из остзейских дворян, проповедница мистического христианства, в течение нескольких лет имевшая огромное влияние на императора Александра I.

Стр. 88. *Габсбурги* — королевская династия Австро-Венгрии.

Стр. 89. *C'est la vie!* — Такова жизнь! (фр.).

Стр. 90. Цитата из оды А.Пушкина «Вольность».

Стр. 93. *Капитан гвардии Никита Муравьёв* — Никита Михайлович Муравьёв (1796—1843) — один из главных идеологов движения декабристов, капитан Гвардейского Генерального штаба.

Стр. 113. *Придворный лейб-медик Яков Виллие* — Яков Васильевич Виллие (при рождении Джеймс Уайли) (1768—1854) — военный врач, лейб-хирург российского императорского двора, организатор военно-медицинского дела в российской армии. Действительный тайный советник (1841). Президент Медико-хирургической академии.

Стр. 115. *Волконский* — светлейший князь Пётр Михайлович Волконский (1776—1852) — русский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1850), министр императорского двора и уделов (1826—1852).

Стр. 117. *Генерал-адъютант Дибич* — граф Иоганн Карл Фридрих Антон фон Дибич (Иван Иванович Дибич-Забалканский, 1785—1831) — русский полководец прусского происхождения, генерал-фельдмаршал. Четвёртый (после Кутузова, Барклая-де-Толли и Паскевича) и последний полный кавалер ордена Святого Георгия.

Стр. 136. *Клейнмихель* — Пётр Андреевич Клейнмихель (1793—1869) — российский государственный деятель из немецкого рода Клейнмихелей, протеже Аракчеева и беспрекословный исполнитель воли Николая I. В 1842—1855 годах главноуправляющий путей сообщения и публичных зданий. Курировал строительство Николаевской железной дороги.

Стр. 158. *Бакунин* — Михаил Александрович Бакунин (1814—1876) — русский мыслитель и революционер, один из теоретиков анархизма, народничества и панславизма.

Стр. 175. *Генерал-фельдмаршал Паскевич* — Иван Фёдорович Паскевич (1782—1856), светлейший князь Варшавский, граф Паскевич-Эриванский — русский полководец, государственный деятель и дипломат. Генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант. Участник Русско-турецкой войны (1806—1812), Отечественной войны 1812 года, заграничного похода русской армии (1813—1814), взятия Парижа (1814). Командующий русскими войсками в ряде крупных успешных кампаний: Русско-персидской войне (1826—1828), Русско-турецкой войне (1828—1829), подавлении Польского восстания (1831), подавлении Венгерского восстания (1849). Наместник Царства Польского (1832—1856).

Стр. 181. *Григорий Потанин* — Григорий Николаевич Потанин (1835—1920) — российский географ, этнограф, фольклорист, ботаник, публицист, общественный деятель, один из идеологов и основателей Сибирского областничества.

Стр. 186. *Граф Воронцов-Дашков* — Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837—1916) — русский государственный и военный деятель: министр императорского двора и уделов (1881—1897), председатель Красного Креста (1904—1905), наместник на Кавказе (1905—1916).

Ж повести «Грустина»

Стр. 194. *Иншаллах* — ритуальное молитвенное восклицание, междометное выражение, используемое как знак смирения мусульманина перед волей Аллаха.

Абика — бабушка (татарск.).

Атай — отец (татарск.).

Баба — отец (крымско-татарск.).

Стр. 196. *Эушта* — татарское село рядом с Томском.

Стр. 198. *Ушай, Басандай, Тома* — герои эуштинских легенд.

Стр. 200. *Улым* — обращение родителей к сыну (татарск.).

Стр. 201. *Ата* — то же, что и атай, обращение детей к отцу (татарск.).

Бабай — дед (татарск.).

Стр. 203. *Абий* — обращение к мужчине старшего возраста (татарск.).

Стр. 205. *Кадерлем* — дорогой (татарск.).

Ряхмят, кучяргерем — спасибо, голубка моя (татарск.).

Жатын — жена (татарск.).

Стр. 209. *Клавдия Шульженко* (1906–1984) — советская эстрадная певица, пик её популярности пришёлся на годы Великой Отечественной войны и послевоенное время.

Стр. 213. *Юкон* — золотоносная речка на Аляске.

Стр. 214. *Ана* — обращение детей к матери (татарск.).

Бэлиш — печёный пирог из пресного теста с разнообразной начинкой, татарское национальное блюдо.

Стр. 218. *СФТИ* — Сибирский физико-технический институт.

Стр. 219. *Бриджит Бардо* (род. 1934) — популярная в 1960–70-е годы французская актриса и певица.

Стр. 220. *Лихтер* — разновидность баржи, используемой для разгрузки или догрузки судов, в случае мелководья пристани.

Самотлор — крупнейшее в России и 6-е по размеру в мире нефтяное месторождение, расположено в Тюменской области, вблизи Нижневартовска.

Стр. 222. *Абзый* — дядя (татарск.).

Стр. 239. «*Демократическая платформа*» — объединение членов КПСС, сформировавшееся в 1989 году, которое предполагало достичь обновления общества посредством преобразования КПСС из госструктуры в современную левую политическую партию.

Стр. 244. *Аю-Даг* — в переводе с крымско-татарского языка «Медведь-Гора», одна из главных достопримечательностей пионерского лагеря «Артек».

Стр. 245. *Эфенди* — вежливое турецкое обращение, наподобие английского «сэр».

Стр. 252. *Концлагерь «Красный»* — бывший совхоз вблизи Симферополя, на территории которого немецкие оккупационные власти при пособничестве коллаборационистов из местного населения организовали самый крупный в Крыму лагерь смерти, где было замучено около 15 тысяч человек.

Стр. 255. *Эркер* — выступающая за плоскость фасада часть помещения, позволяет увеличить внутреннее пространство жилища.

Стр. 260. *Карт* — старик (татарск.).

Стр. 275. *Чуфут-Кале* — средневековый город-крепость в Крыму, рядом с Бахчисараем.

Стр. 276. *Кызыл-Каш* – в переводе с татарского языка «Красная бровка».

Пещерный монастырь – Успенский Анастасиевский православный монастырь вблизи Бахчисарая.

Стр. 280. *Перпетуум мобиле* – *perpetuum mobile*, латинское название легендарного «вечного двигателя».

Индиана Джонс – герой голливудских приключенческих фильмов об исследователе древностей.

Стр. 287. *Карчык* – старуха (татарск.).

Стр. 291. *Оскар Писториус* – неоднократный паралимпийский чемпион из ЮАР, легкоатлет, бегун, инвалид без обеих ног.

Содержание

Последний приют императора	3
Грустина.....	191
Примечания	294

Литературно-художественное издание

Барчук Дмитрий Викторович

ДВЕ ТОМСКИЕ ТАЙНЫ

Исторические повести

Редактор **А.В. Базавлук**

Корректор **Н.В. Кравченко**

Технический редактор **О.А. Турчинович**

Верстка **О.А. Турчинович**

Дизайн обложки **Л.Д. Кривцовой**

Оригинал-макет издательства «**Печатная мануфактура**»

Лицензия ИД № 03931 от 07.02.2001.

Подписано в печать 22.08.2018.

Формат 84×108¹/₃₂. Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Гарнитура «Кудряшов», «Academy». Печ. л. 9,5. Усл. печ. л. 15,96.

Уч.-изд. л.12,57. Тираж 300 экз. Заказ № 815.

ООО «Печатная мануфактура».

634055, г. Томск, ул. Королёва, д. 4, оф. 81.

Тел.: 8 (382-2) 49-31-19.

E-mail: pechat-tomsk@yandex.ru